VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Ж.-Ф. ШАМПОЛЬОН

О ЕГИПЕТСКИХ ИЕРОГЛИФАХ

О ЕГИПЕТСКИХ ИЕРОГЛИФАХ * Ж.-Ф. ШАМПОЛЬОН *

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КЛАССИКИ НАУКИ

Ж.-Ф. ШАМПОЛЬОН

О ЕГИПЕТСКОМ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМ АЛФАВИТЕ

ПЕРЕВОД,
РЕДАКЦИЯ И КОММЕНТАРИИ
И. Г. ЛИВШИЦА

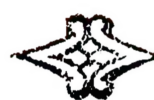
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1950

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии „Итоги и проблемы современной науки“
Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*
Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук
П. Ф. ЮДИН

Ответственный редактор
академик *В. В. СТРУВЕ*

О ЕГИПЕТСКИХ ИЕРОГЛИФАХ * Ж.-Ф. ШАМПОЛЬОН *

О ЕГИПЕТСКОМ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМ АЛФАВИТЕ

Письмо к г. Дасье, непременному секретарю королевской Академии надписей и изящной словесности, относительно алфавита фонетических иероглифов, применявшихся египтянами для написания на их памятниках титулов, имен и прозваний греческих и римских государей

Милостивый государь

Благодаря Вашему любезному расположению, королевская Академия надписей и изящной словесности соблаговолила проявить снисходительное внимание к моим работам о египетских системах письма, разрешив мне представить на ее рассмотрение мои два мемуара об *иератическом*, или жреческом, письме [1] и о *демотическом*, или народном, письме [2]. Мне удалось с очевидностью доказать, — я позволю себе, наконец, после столь лестного для меня испытания, надеяться на это, — что оба вида письма, и тот и другой, не являются целиком алфавитными, как было принято думать, но часто имеют также *идеографический* характер, как и самые иероглифы, т. е. выражают то *понятия*, то *звуки* языка [3]. И я полагаю, что, после десяти лет непрерывных изысканий, мне удалось, наконец, почти полностью собрать данные относительно общей теории этих двух видов письма, о происхождении, природе, форме и числе их знаков, о правилах их сочетаний посредством тех из них, которые выполняют функции чисто логические или грамматические, и заложить, таким образом, первоначальные основы того, что можно было бы назвать *грамматикой* и *словарем* этих двух систем письма, применявшихся на большом количестве памятников, истолкование которых пролило бы такой яркий свет на общую историю Египта. Что касается, в частности, *демотического* письма, то достаточно

было драгоценной Розеттской надписи [4], чтобы распознать его в целом. Первыми точными данными, которые нам принесло изучение этого памятника, наука обязана прежде всего эрудиции Вашего знаменитого сочлена г. Сильвестра де-Саси [5], а затем, последовательно, познаниям покойного Океркблада [6] и доктора Юнга [7], и именно из этой надписи я извлек ряд демотических знаков, которые, принимая алфавитное значение [8], выражали, среди *идеографических* групп, собственные имена лиц, являвшихся для Египта чужестранцами. Таким же образом и в этой надписи и в рукописи на папирусе [9], недавно привезенной из Египта, было обнаружено имя Птолемеев [10].

Следовательно, для завершения моей работы о трех видах египетского письма мне остается лишь представить мемуар о собственно *иероглифах* [11]. Смею надеяться, что мои новые попытки также встретят благосклонный прием Вашего прославленного Общества, благоволение которого явилось для меня столь ценным поощрением.

Я считаю, однако, что при нынешнем состоянии изучения Египта, — когда памятники стекаются со всех сторон и собираются как государями, так и любителями, когда ученые всех стран, каждый на свой лад, спешат отдаться кропотливым исследованиям и стараются глубже познать эти памятники письменности, которые должны послужить средством для объяснения всех остальных памятников, — я обязан безотлагательно предложить этим ученым, под Вашим почетным покровительством, ряд немногочисленных, но важных новых фактов, которые, разумеется, входят в мой мемуар об *иероглифическом* письме и которые, без сомнения, избавят их от труда, затраченного мною на установление этих фактов, а, быть может, также от серьезных заблуждений относительно различных эпох в истории египетского искусства [12] и общего управления Египтом: ибо речь идет о категории *иероглифов*, которые, являясь исключением из общей природы знаков этого письма, были наделены способностью выражать звуки

слов и служили для написания на общественных памятниках Египта *титулов, имен* и *прозваний греческих или римских государей*, последовательно управлявших им. Этот новый результат моих исследований, к которому я пришел вполне естественным путем, должен дать много достоверных фактов для истории этой замечательной страны.

Истолкование *демотического* текста Розеттской надписи при помощи сопровождающего его греческого текста позволило мне установить, что египтяне пользовались известным количеством *демотических* письмен, которым они приписывали способность выражать звуки, для того чтобы вводить в свои тексты *собственные имена* и *слова, чуждые египетскому языку*. Крайняя необходимость подобного установления в любой системе идеографического письма вполне понятна. Китайцы, пользующиеся идеографическим письмом, употребляют почти такой же прием, созданный по той же самой причине.

Розеттский памятник показывает нам применение этой вспомогательной системы письма, которую мы назвали *фонетической*, т. е. выражающей звуки, в собственных именах царей — *Александр, Птолемей*, цариц — *Арсиноя, Береника*, в собственных именах шести других лиц — *Аэт, Пирра, Филин, Ария, Диоген, Ирина*, в греческом слове ΣΥΝΤΑΞΙΣ [13] и в ΟΥΗΝΝ [14]. [1]

Рукопись на папирусе, демотического письма, недавно приобретенная для королевского кабинета, также дала нам имена *Александр, Птолемей, Береника* и *Арсиноя*, сходные с именами Розеттского памятника, и сверх того фонетические имена царя *Эвпатора* и царицы *Клеопатры* и имена трех греков — *Аполлоний, Антимах* и *Антиген*. [2]

---

[1] См. мою таблицу I, №№ 1—12, и пояснения к таблицам.

[2] См. мою таблицу I, №№ 13—21. Эта *демотическая* рукопись принадлежит к числу тех папирусов на различных языках, которые королевская библиотека недавно купила у г. Казати и по поводу которых г-н Сен-Мартен поместил, в сентябрьском номере *Journal des Savants*, интересную заметку [15]. Согласно моему переводу вступительной формулы этого демо-

Вы, без сомнения, заметили, милостивый государь, в моем мемуаре о египетском демотическом письме, что указанные иностранные имена были выражены фонетически посредством *алфавитных* знаков [17]. Значение каждого знака распознано и непреложно установлено сравнением этих различных имен; и следствием всех этих сопоставлений явился *демотический алфавит* [18], изображенный на моей таблице IV, столбец второй.

Так как употребление этих фонетических знаков уже установлено в *демотическом* письме, я, естественно, вынужден был, — поскольку знаки этого народного письма были, как я показал прежде, заимствованы из *иератического* или жреческого письма и поскольку, далее, знаки этого *иератического* письма являются, как я установил в различных моих мемуарах, лишь сокращенным изображением, подлинной *скорописью иероглифов* [19], — заключить, что этот третий вид письма, собственно *иероглифы*, должен был также иметь известное количество таких знаков, наделенных способностью выражать звуки, словом, что существовал также ряд *фонетических иероглифов*. Чтобы удостовериться в правильности этого наблюдения, чтобы установить существование и даже определить значение некоторых из знаков этого рода, было бы достаточно иметь перед глазами написанные подлинными *иероглифами* два собственных имени греческих царей, известных заранее и содержащих несколько букв, встречающихся одновременно и в том и в другом, как, например, *Птолемей* и *Клеопатра, Александр* и *Береника,* и т. д.

тического соглашения, он является общественным документом, который относится ко времени правления Эвергета II и в котором упоминаются имена трех Клеопатр, — *Клеопатры — его сестры и его жены, Клеопатры — дочери царя* (Филометора) и *Клеопатры — его матери*. В 1822 г. г-н Рауль-Рошет [16] намеревался опубликовать эту египетскую рукопись вместе с некоторыми другими папирусами королевского кабинета. Этот ученый сделал бы подлинный подарок египетской археологии, однако до сего времени его замысел остался невыполненным.

Иероглифический текст Розеттской надписи, который мог бы оказаться столь полезным для такого исследования, содержит, вследствие повреждений, лишь одно имя — имя *Птолемея*.

Обелиск, найденный на острове Филе [20] и недавно перевезенный в Лондон, также содержит иероглифическое имя одного из Птолемеев (см. мою таблицу I, № 23), составленное из тех же самых знаков, что и в Розеттской надписи, и также заключенное в картуш [21],[1] а за ним следует второй картуш, который, без сомнения, должен содержать собственное имя женщины, одной из цариц династии Лагидов, так как этот картуш заканчивается знаками женского рода, знаками, которыми заканчиваются также иероглифические собственные имена всех без исключения египетских богинь.[2] Говорят, что обелиск был *соединен* с цоколем, снабженным греческой надписью — прошением жрецов Исиды в Филе, обращенным к царю Птолемею, к Клеопатре — его сестре и к Клеопатре — его жене.[3] Если этот обелиск и находящаяся на нем иероглифическая надпись были следствием прошения жрецов, которые, действительно, говорят в нем об освящении подобного памятника, картуш с женским именем может быть только картушем одной из Клеопатр. Это имя и имя Птолемея, имеющие в греческом несколько одинаковых букв, следовало привлечь для сравнительного сопоставления иерогли-

---

[1] См. мои *Замечания по поводу египетского обелиска с острова Филе* [22], в Revue encyclopédique, мартовская книжка 1822 г., и картуш Розеттской надписи на таблице I, № 22.

[2] См. мою таблицу I, № 21.

[3] Мы обязаны г-ну Летрону [23] искусным истолкованием этой греческой надписи, опубликованным под следующим заглавием: *Eclaircissements sur une inscription grecque, contenant une pétition des prêtres d'Isis, dans l'île de Philae, à Ptolémée Evergète second, copiée à Philae, par M. Caillaud, en octobre 1816*; lue à l'Académie royale des inscriptions et belles-ettres. Paris, Imprimerie royale, 1822, in—8. О двух царицах, носящих имя *Клеопатра*, упомянутых в этой надписи одновременно, см., согласно ссылке г-на Летрона, *Annales des Lagides* г. Шампольона-Фижака [24], т. II, стр. 168.

фических знаков, из которых состоит и то и другое; и если бы оказалось, что одинаковые знаки в указанных двух именах выражали и в том и в другом картуше *одни и те же звуки*, тем самым была бы установлена *полностью фонетическая* природа этих знаков.

Предварительное сопоставление также показало нам, что в демотическом письме эти два имени, написанные фонетическим способом, имели несколько совершенно одинаковых знаков.[1] Аналогия в общем ходе развития трех систем египетского письма должна была дать нам надежду на такое же сходство и такие же соответствия в этих самых именах, написанных при помощи *иероглифов*. И эта надежда тотчас подтвердилась, благодаря простому сравнению иероглифического картуша, заключающего в себе имя Птолемея,[2] с иероглифическим картушем на обелиске из Филе, который, как мы полагали, исходя из греческой надписи, содержит имя Клеопатры.[3]

Первый знак в имени *Клеопатра*, который изображает нечто вроде *четверти круга* [25] и который передавал бы К, не должен был находиться в имени Птолемея и, действительно, его там нет.

Второй — *отдыхающий лев*, — который должен передавать Λ, совершенно сходен с четвертым знаком имени Птолемея, который также есть Λ (Πτολ).

Третий знак в имени Клеопатра — *перо* или *лист* [26] — передавал бы краткую гласную Е; в конце имени Птолемея также видны два одинаковых *листа*, которые могут иметь здесь, принимая во внимание занимаемое ими место, лишь одно значение, значение дифтонга [27] AI, в AIOΣ.

Четвертый знак иероглифического картуша Клеопатры, изображающий нечто вроде *цветка с изогнутым стеблем* [28],

---

1 См. таблицу I, № 2 или 14 и 17.

2 См. мою таблицу I, № 22.

3 См. мою таблицу I, № 24.

соответствовал бы О греческого имени этой царицы. Действительно, он является третьим знаком в имени Птолемея (Πτο).

Пятый знак в имени Клеопатра, который имеет форму параллелограмма [29] и который должен передавать П является также первым знаком иероглифического имени Птолемея.

Шестой знак, который соответствует гласной А в КЛЕОПАТРА, — *ястреб*; он не встречается в имени Птолемея, как это и должно быть в действительности.

Седьмой знак — *раскрытая кисть руки* — передает Т; однако эта кисть руки не встречается в слове Птолемей, где вторая буква, Т, выражена *сегментом шара* [30], который, тем не менее, также передает Т; ибо ниже будет видно, почему эти два иероглифических знака являются *омофонами* [31].

Восьмой знак в имени КЛЕОПАТРА — *рот*, рассматриваемый спереди, — который передавал бы Р (rhô [32]), не встречается в картуше Птолемея и также вовсе не должен там быть.

Наконец, девятый и последний знак в имени царицы, который должен быть гласной А, — это действительно *ястреб*, передающий, как мы уже видели, указанную гласную в третьем слоге того же имени. Это собственное имя заканчивается двумя иероглифическими знаками, обозначающими женский род; имя же Птолемея заканчивается другим знаком, который состоит из изогнутой линии [33] и который равнозначен греческому Σ, как мы это скоро увидим.

Итак, подвергнутые фонетическому анализу, знаки этих двух картушей, взятые вместе, уже дали нам двенадцать знаков, соответствующих одиннадцати согласным и гласным или дифтонгам греческого алфавита: А, АІ, Е, К, Λ, М, О, П, Р, Σ, Т.

Фонетическое значение этих двенадцати знаков, уже и сейчас вполне вероятное, станет бесспорным, если, применяя эти значения к другим картушам или к небольшим ограниченным извне табличкам, содержащим собственные имена и заимствованным из египетских иероглифических памят-

ников, можно будет без труда правильно прочитать их и получить собственные имена государей, чуждые египетскому языку.

Среди картушей, взятых с различных сооружений Карнака в Фивах и опубликованных в *Description de l'Égypte* (Antiquités, т. III, табл. 38), я обратил внимание на один из этих картушей, за номером 13,[1] составленный из знаков, в большинстве своем уже известных по предшествующему анализу и расположенных в следующем порядке: *ястреб*, А; *отдыхающий лев*, Λ; *большой сосуд с кольцом*[34], еще неизвестный; *изогнутая линия*, Σ; *одно перо*, Е или любая другая краткая гласная; знак, обычно называемый *знаком воды*, еще неизвестный; *раскрытая кисть руки*, Т; *рот*, рассматриваемый *спереди*, Р; два *горизонтальных, расположенных друг против друга жезла*[35], — знак, еще неизвестный. Эти буквы в сочетании дают АΛ.ΣЕ.ТР., и, наделяя *сосуд с кольцом* значением К, иероглиф воды — значением N и заключительный знак — значением Σ, мы получаем слово АΛКΣЕNТРΣ, которое написано так, буква в букву, демотическим письмом в Розеттской надписи и в папирусе королевского кабинета вместо греческого имени АΛΕΞΑNΔΡΟΣ[2].

Таким образом, это новое имя дает нам три лишних фонетических знака, соответствующих греческим буквам К, N и Σ.

Легко доказать правильность значений, которыми мы их наделяем.

Сосуд с кольцом есть новая форма для К, уже обозначенного, в имени КΛЕОПАТРА, посредством четверти круга. Мы уже видели, что буква Т также была изображена двумя различными знаками; однако не следует удивляться этой синонимии и этой множественности знаков для выражения одного и того же звука, когда речь идет о народе, письмо которого первоначально было идеографическим.

---

[1] См. мою таблицу I, № 25.

[2] Таблица I, №№ 1 и 13.

В самом деле, нельзя считать ***фонетическое*** письмо египтян, будь то ***иероглифическое*** или ***демотическое***, столь же установившейся и столь же неизменной системой, как наши алфавиты. Египтяне привыкли передавать свои понятия непосредственно: выражение звуков являлось в их идеографическом письме лишь вспомогательным средством, и когда случаи использовать его начали представляться чаще, они не преминули расширить свои средства выражения звуков, но отнюдь не отказались ради этого от идеографического элемента своих письменных систем, освященных религией и непрерывным применением в продолжение многих веков. Возможно, что они поступали в этом случае так же, как это делали при совершенно таких же обстоятельствах китайцы. Последние, чтобы написать слово, чуждое их языку, попросту брали те идеографические знаки, произношение которых, как им казалось, представляло наибольшую аналогию к каждому слогу или элементу иностранного слова, о транскрибировании которого шла речь. Понятно поэтому, что египтяне, желая выразить гласный, согласный или слог иностранного слова, употребляли иероглифический знак, ***выражавший*** или ***изображавший*** какой-либо предмет, название которого в разговорном языке содержало либо в целом, либо в его первой части звуки — гласный, согласный или слог, — о написании которых шла речь. Должно быть, именно таким образом, среди фонетических иероглифов, с уже выясненным звуковым значением, *ястреб*, выражавший ***жизнь, душу***, ⲁϩⲉ, ⲁϩⲓ, *ahé*, *ahi*[36], или любая другая птица вообще, по-египетски[37] ϩⲁⲗⲏⲧ *halêt*, и стала знаком для звука А; иероглиф, именуемый ***знаком воды***, который в идеографических текстах, несомненно, передает египетский предлог ⲛ̀, *из, от*, — стал знаком для согласного N[38]; *рот*, по египетски ⲣⲟ, ro, — был избран для передачи греческого согласного Р, и т. д. Мы поймем также, отчего звук Т безразлично выражался либо *сегментом шара*, — так как этот знак в идеографическом письме является знаком для артикля женского рода ϯ, *ti*, или ⲧⲉ *té*[39], — либо

раскрытой кистью руки, которая называлась в египетском языке тот [40], *tot* (*vola* [41], *manus* [42]). Так же обстоит дело со всеми другими звуками, передаваемыми различными письменами, как мы скоро установим это на более многочисленных примерах. Следовательно, эта множественность знаков возникла исключительно благодаря приемам, свойственным методу, только что изложенному нами.

Больше того, демотические письмена, применявшиеся для фонетического выражения собственных имен, письмена, уже известные нам по Розеттской надписи, оказались не чем иным, как иератическими письменами, ***точно соответствующими иероглифическим письменам***, фонетическое применение которых мы также только что выяснили.

Мы видели, что звук К передавался, в именах Κλεοπατρα и Αλεξανδρος, двумя знаками, различающимися по форме (***четверть круга*** и ***сосуд с кольцом***); однако омофония этих двух знаков несомненна, так как начальный знак демотического имени Клеопатры[1] есть не что иное как иератический эквивалент иероглифа, изображающего ***сосуд с кольцом***, который, как мы правильно предположили, является знаком для звука К в иероглифическом картуше ΑΛΚΣΑΝΤΡΣ [43]. Итак, оба эти знака [44] должны быть признаны омофонами [45]. Далее мы встретим другие примеры подобных омофоний, возникновение которых обусловлено одной и той же причиной.

Что касается второго из числа иероглифических знаков, передающих звук Σ в ΑΛΚΣΑΝΤΡΣ (***два горизонтальных жезла, расположенных друг против друга***),[2] существенно отличающегося от ***изогнутой линии***, которая, в ΠΤΟΛΜΗΣ также передает звук Σ то омофония обоих знаков является, мы решаемся это утверждать, бесспорной [46], ибо эти два иероглифических знака ***переданы в иератических текстах одним и тем же знаком***, — что Вы, милостивый государь,

---

1 См. мою таблицу I, № 17.

2 См. мою таблицу I, № 25.

можете усмотреть из Общей таблицы иератических знаков, которую я представил в прошлом году Академии,[1] и в чем легко убедиться, сравнив иератическую рукопись, воспроизведенную в *Description de l'Égypte,*[2] с большой иероглифической рукописью, опубликованной в том же труде.[3] Сличение двух указанных текстов с очевидностью докажет, что в идеографических текстах эти два знака вполне заменяют друг друга, а сличение некоторых других рукописей, — как, например, страницы 4 той же рукописи королевской библиотеки или страницы 8 из рукописи г. Фонтана,[4] сопоставленных первая со столбцом 87 по 83 таблицы 74-й и вторая — со столбцами 93 по 86 этой же 74-й таблицы большой иероглифической рукописи, — даст, кроме того, в качестве *иератического* эквивалента иероглифического знака, изображающего два расположенных друг против друга жезла, другой знак,[5] являющийся точной копией демотического знака и точно так же передающий согласный Σ в словах ΑΛΚΣΑΝΤΡΣ[6] (Александр) и ΣΝΤΚΣΣ[7] (συνταξις)[47] народного текста Розеттской надписи. Наконец, в качестве последнего доказательства одинакового значения этих двух знаков, мы приведем второй иероглифический фонетический картуш, содержащий имя Александра, высеченный в Карнаке (*Description de l'Égypte,* Antiquités, т. 3, табл. 38, № 15),[8] в котором оба Σ этого имени переданы повторенным дважды знаком, образованным из *двух горизонтальных жезлов.*

---

[1] Общая сравнительная таблица иероглифических и иератических знаков, I раздел, № 14; VI раздел, №№ 8 и 9.

[2] Antiquités, т. II, табл. 62, стр. 1 и 2.

[3] *Idem*, табл. 74, столбец 120—104.

[4] *Copie figurée d'un rouleau de papyrus trouvé en Égypte, publié par M. Fontana, et expliqué par M. de Hammer*, Vienne, Strauss, 1822.

[5] См. мою таблицу I, № 27.

[6] *Idem*, таблица I, №№ 1 и 13.

[7] *Idem*, таблица I, № 11.

[8] *Idem*, таблица I, № 26.

Итак, можно считать совершенно установленным *фонетическое* значение пятнадцати иероглифических знаков, взятых из трех только что проанализированных картушей.

На плафоне больших триумфальных ворот Карнака в Фивах (*Description de l'Égypte*, Antiquités, т. III, табл. 50) высечен фонетический картуш одного из ПТОЛЕМЕЕВ, за которым следуют титулы *живущий вечно, любимый Фта* [48]. Его сопровождает картуш, несомненно являющийся именем женщины, потому что он заканчивается, так же как иероглифическое имя царицы Клеопатры, уже встречавшееся прежде, идеографическими знаками, выражающими женский род. В этом новом имени царицы из династии Лагидов нам легко узнать — если только рисунок Египетской комиссии точен, — при помощи уже установленных иероглифико-фонетических письмен, имя Береники, в орфографии ΒΡΝΗΚΣ [49], почти той же, что и в демотическом папирусе королевского кабинета; и это собственное имя [1] дает нам новый фонетический знак — для В, переданный одной из разновидностей *жертвенной чаши* [50], [2] и, сверх того, новые формы для К [51] и для Σ [52], которые

[1] См. мою таблицу I, №№ 32 и 33.

[2] Несомненно, что доктор Юнг пришел к установлению имени *Береники* в картуше, который действительно содержит его, благодаря форме этого знака, имеющего некоторое сходство с изображением *корзины*. Однако этот ученый англичанин полагал, что иероглифы, образующие собственные имена, могли выражать целые слоги, что они, таким образом, являлись своего рода *ребусом* и что начальный знак в имени Береники, например, передавал слог ⲃⲓⲣ, означающий в египетском языке *корзина*. Этот исходный пункт направил по ложному пути значительную часть фонетического анализа, который он пытался применить к именам *Птолемей* и *Береника*, и все же он распознал в них фонетическое значение четырех знаков; это — П, одна из форм для Т, одна из форм для М и одна из форм для I. Однако в целом его силлабический алфавит, установленный на основе только этих двух имен, оказался совершенно неприменимым к многочисленным фонетическим собственным именам, начертанным на памятниках Египта. Тем не менее, доктор Юнг проделал в Англии над письменными памятниками древнего Египта ряд работ, аналогичных тем, какими я занимался в течение стольких лет, и его

снова появятся во многих других картушах. Вообще же, что касается этих вариантов, то с Вашего позволения, милостивый государь, чтобы не слишком удлинять письмо, с которым Вы разрешили мне обратиться к Вам, я в дальнейшем не буду больше задерживать на них Ваше внимание, так как они тщательно собраны в полном алфавите, образующем последнюю из таблиц, приложенных к настоящему письму. Однако Вы можете, милостивый государь, без труда убедиться в омофонии этих разнообразных знаков, поскольку каждый из них будет встречаться во многих других собственных именах, чтение которых, впрочем, не представит для Вас ни малейших затруднений.

Итак, собрав воедино фонетические знаки, которые только что были рассмотрены каждый в отдельности и которые в целом образуют алфавит, я намерен последовательно и лишь в самых общих чертах представить на Ваше рассмотрение, исходя из таблиц в *Description de l'Égypte*, собственные имена, начертанные фонетическими иероглифами на тех памятниках Египта, которые нам так хорошо известны по этому прекрасному труду благодаря стараниям наших путешественников.

Многие из указанных имен относятся к греческому периоду истории Египта.

Итак, можно будет прочитать вместе с нами:

1. Имя *Александр*[54], высеченное дважды на зданиях Карнака. В самом деле, было бы очень странно не встретить имя этого завоевателя начертанным на памятниках древней столицы Египта. Орфография его здесь та же — ΑΛΚΣΑΝΤΡΣ[1] и ΑΛΚΣΝΤΡΕΣ,[2] — что и в демотическом письме. Это прослав-

исследование среднего текста и иероглифического текста Розеттской надписи, а равно и рукописей, которые благодаря мне признаны *иератическими*, привело к весьма важным результатам. См. *Encyclopaedia britannica*, Приложение, т. IV, часть I. Эдинбург, декабрь 1819 г. [53].

[1] *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. III, табл. 38, № 13. См. нашу таблицу I, № 25.

[2] *Description de l'Égypte*, т. III, таблица 38, № 15, и наша таблица I, № 26.

ленное имя заполняет всю поверхность картушей. Достойно сожаления, что не были скопированы иероглифические надписи, которые предшествуют картушам или следуют за ними, — они дали бы нам титулы и эпитеты этого нового государя.

2. Имя *Птолемей*, общее для всех Лагидов [55]. Иногда оно занимает весь картуш, как это дважды имеет место в шестой строке иероглифического текста Розеттского камня[1] в Дендера,[2] на монолите из Куз,[3] и т. д. Иногда же — и это более обычно — оно появляется в сопровождении титулов: *живущий вечно, любимый Фта*;[4] *живущий вечно, любимый Исидой*;[5] *живущий вечно, любимый Фта и Исидой.*

Имя, которое носили все государи македонской династии и которое обычно читается ΠΤΟΛΜΗΣ,[6] а иногда ΠΤΛΟΜΗΣ,[7] почти всегда предваряется другим картушем, содержащим особые прозвания Птолемея, начертанные также иероглифами, как, например, *бог спаситель, бог эвергет, бог эпифан, бог адельф*, и т. д. Полностью эти прозвания я предполагаю дать в специальной работе. Здесь же речь идет только об именах, написанных фонетически. Однако, когда такое прозвание, в отличие от предыдущих, является в действительности не простым эпитетом, а *именем*, заимствованным из *чуждого* для египтян *языка*, это прозвание пищется фонетическими иероглифами и становится доступным для чтения так же, как и самое имя *Птолемей*. Вы скоро встретите, милостивый государь, два примера этой особенности.

---

[1] См. нашу таблицу I, № 28.

[2] *Idem*, № 29, и *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. IV, табл. 28, № 26.

[3] *Idem*, № 30, и *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. IV, табл. I, № 3; и наша таблица I, № 30.

[4] См. нашу таблицу I, №№ 22, 23 и др.

[5] *Idem*, № 23 *bis*. См. также *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. I, табл. 43, № 3 и др.

[6] См. нашу таблицу I, №№ 29 и 31.

[7] *Idem*, таблица I, № 30.

3. Имя *Береника*, в орфографии BPNHKΣ [56], дважды изображено на плафоне южных триумфальных ворот в Карнаке.[1]

4. На одном из барельефов, находящихся в расположенных в Филе храмах, можно видеть группу из трех стоящих рядом картушей.[2] Содержание первого таково: *боги эвергеты, любимые*, и т. д.; второй содержит имя *Птолемей* (ΠΤΟΛΜΗΣ), *живущий вечно, любимый Исидой*, и третий — фонетическое имя ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ, предшествуемое идеографическим титулом *его сестра*. Эти три небольших таблицы дают нам следующий текст: *боги эвергеты, любимые солнцем*, и т. д., *Птолемей, живущий вечно, любимый Исидой, и его сестра Клеопатра*, — который может относиться только к Птолемею Эвергету второму [58] и к Клеопатре, его сестре и его первой жене, вдове Филометора [59].

Обелиск из Филе [60], относящийся к тому же Эвергету второму, также дает имя *Клеопатра*,[3] но ему предшествуют два определения — *его жена* и *его сестра*. Если под этими определениями следует подразумевать, как это делаем мы, двух Клеопатр (Βασιλισσῃ Κλεοπατρᾳ τῃ Αδελφῃ και Βασιλισσῃ Κλεοπατρᾳ τῃ γυναικι) [61], упомянутых в греческой надписи на цоколе, то иероглифический картуш ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ относится одновременно и к Клеопатре, дочери Эпифана, вдове Филометора, *сестре* и первой жене Эвергета второго, и к Клеопатре, дочери вышеупомянутой Клеопатры и Филометора и второй *жене* того же Эвергета. Впрочем, имя Клеопатры, которое было именем нескольких египетских цариц, очень часто встречается на колоннах портиков в Филе, на

---

[1] Таблица I, №№ 32 и 33. См. также *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. III, табл. 50.

[2] Рисунок этого барельефа находится в богатом собрании ученого архитектора, члена Института, г. Гюйо [57], предполагающего в скором времени дать широкой публике возможность использовать те ценные приобретения, которыми он обогатил область искусства во время своих путешествий по Востоку.

[3] См. мою таблицу I, № 24.

карнизах большого омбосского храма, на фиванских и дендерских памятниках.[1]

5. Фриз на внутренней поверхности стены, окружающей большой храм в Эдфу, дает нам длинный картуш, содержащий следующий текст: ПТОЛЕМЕЙ, *по прозванию* АЛЕКСАНДР [62], *живущий вечно, любимый Фта.*[2] Имя написано ΠΤΟΛΜΗΣ и отделено от прозвания ΑΡΚΣΝΤΡΣ группой,[3] соответствующей греческому слову ἐπικαλουμενος [63], которое в договоре из Птолемаиды также указывает на *прозвание Птолемея — Александр.* Похожий картуш,[4] хотя в нем имеются и несходные элементы, в котором имя и прозвание также написаны ΠΤΟΛΜΗΣ и ΑΡΚΣΝΤΡΣ и сопровождаются идеографическими титулами *живущий вечно, любимый Фта,* высечен на большом омбосском храме.

Вы, разумеется, заметите, милостивый государь, что в прозвании Птолемея *Александр* Λ заменено Ρ, в то время как имя *Александра* великого, которое мы прочитали на сооружениях Карнака, дважды имеет Λ, в соответствии с греческой орфографией. Однако смешение этих двух букв одного и того же органа [64], безразличное употребление этих двух плавных, одного вместо другого, — особенно в древнем Египте, где смешение Λ с Ρ или Ρ с Λ было, повидимому, распространено так широко, что почти исключительное употребление Λ вместо Ρ являлось основным характерным признаком третьего диалекта египетского языка, *башмурского* [65], который я продолжаю считать народным языком среднего Египта, — совершенно не должно вызывать удивления. Впрочем, в новых фонетических картушах мы найдем многочисленные примеры безразличного использования этих двух согласных одной вместо другой.

---

1 См. мою таблицу I, №№ 34, 35 и 36 и пояснения к таблицам.

2 Та же таблица, № 40, и *Description de l'Égypte,* Antiquités, т. I, табл. 60, № 9.

3 Та же таблица I, № 38.

4 *Description de l'Égypte,* Antiquités, т. I, табл. 43, № 3. См. нашу таблицу I, № 41.

6. Среди картушей, срисованных членами Египетской Комиссии с дендерских зданий, есть один,[1] который представит для Вас, милостивый государь, интерес с нескольких точек зрения. В нем передан, частью фонетически, частью идеографически, следующий текст: ΠΤΟΛΜΗΣ (Птолемей) *по прозванию* ΝΗΟ [66] ΚΗΣΡΣ (*юный или новый Цезарь*) *живущий вечно, любимый Исидой*. Это имя *Птолемей* и это прозвание *юный Цезарь* или *новый Цезарь* бесспорно относятся к некоему молодому государю, смерть которого была столь же злосчастна, как и его рождение. Действительно, в них мы узнаем того сына царицы Клеопатры [67], которым она так гордилась, потому что отцом его был Юлий Цезарь [68]. Этот ребенок носил, по Плутарху [69],[2] имя *Цезариона* [70], а Дион Кассий [71][3] называет его более полно именем *Птолемея-Цезариона*. Несомненно, это и есть Πτολεμαιος Νεο-Καισαρ [72] иероглифического картуша. Правда, существование высеченного священными письменами на одном из главных храмов Египта имени этого государя заставляет предположить, что он должен был быть одним из египетских царей. История ничего не говорит о его деяниях, но она сохранила воспоминание о его эфемерном царствовании. Птолемей-Цезарион, действительно, был признан и объявлен царем, когда ему едва исполнилось семь лет. Он наследовал двум другим государям, своим дядям, которые, также в очень юном возрасте, оказались жертвами общественных раздоров. Цезарион получил корону от триумвиров, победителей при Филиппах [73], потому что Клеопатра, его мать, поддерживала их. Об этом буквально так говорит тот же Дион Кассий.[4] Однако, связанная с судьбой Антония [74], Клеопатра вскоре приобрела в лице Октавия [75] врага, и в течение некоторого времени этот самый

[1] См. мою таблицу I, № 42, и *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. IV, таблица 28, № 15.

[2] *In Caesare*, стр. 731.

[3] XLVII, стр. 345.

[4] См. *Annales des Lagides* г-на Шампольона-Фижака, т. II, стр. 343—381.

ребенок, Цезарион, являлся, повидимому, единственной причиной войн, которые терзали тогда римскую республику. Антоний, властитель Египта и покоритель Востока, объявил юного Птолемея законным сыном Юлия Цезаря и пожаловал ему титул *царя царей*, быть может, не столько затем, чтобы воздать должное его происхождению и его положению, сколько для того, чтобы унизить Октавия.[1] Этому последнему, преследовавшему одновременно и Антония, своего соперника, и царственного ребенка, которого охотнее признавали сыном Юлия Цезаря, чем самого Октавия, удалось наконец умертвить их; Клеопатра покончила жизнь самоубийством, — и древняя египетская монархия превратилась в римскую префектуру.

Отрывок из Диона Кассия приблизительно указывает нам, в какой исторический момент иероглифический картуш Птолемея-Цезариона должен был быть начертан на дендерском храме рядом с картушем *Клеопатры*, его матери,[2] ибо Цезарион получил корону в одиннадцатом году царствования Клеопатры, в 40 г. до христианской эры. Барельеф дендерского храма является первым из известных общественных памятников, упоминающих имя юного царя, почти не замеченного историей, и нет никакого сомнения в том, что именно к этому *Птолемею-Цезариону* мы должны отнести два смежных, целиком фонетических картуша, высеченных также в Дендера,[3] которые содержат только слова ΠΤΟΛΜΗΣ ΚΗΣΛΣ (вместо ΚΗΣΡΣ) *Птолемей-Цезарь*.

Таковы главные из имен македонских царей Египта, которые я встретил среди иероглифических собственных имен, воспроизведенных в *Description de l'Égypte*. Легко представить себе, насколько увеличило бы их число обследование самих памятников.

---

[1] См. *Annales des Lagides* г-на Шампольона-Фижака, *idem*.

[2] Таблица I, № 36. — *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. IV, табл. 28, № 27.

[3] Таблица I, № 43. — *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. IV, табл. 28, №№ 25 и 26.

Без сомнения, милостивый государь, Вы также разделите мое удивление, когда, применив тот же иероглифический фонетический алфавит ко множеству других картушей, воспроизведенных в названном труде, Вы получите титулы, имена и даже прозвания римских императоров, выраженные *греческим языком* и написанные теми же самыми фонетическими иероглифами.

И, действительно, Вы можете прочитать там:

1. Императорский титул Αυτοκρατωρ [76], целиком заполняющий все пространство картуша[1] или же сопровождаемый идеографическим титулом *живущий вечно*,[2] имеющий следующую орфографию: АОТОКРТР, АОТКРТОР, АОТАКРТР и даже АОТОКАТА,[3] — причем А употреблено *башмурически* [77] (простите мне это выражение) вместо Р.

Картуши, заключающие в себе этот титул, почти всегда стоят рядом или находятся в связи со вторым картушем, содержащим, как мы это скоро увидим, собственное имя императора. Бывает, однако, что это слово встречается и в совершенно изолированных картушах. Самым замечательным из всех примеров, какие я мог бы привести для такой особенности, бесспорно является барельеф, высеченный на втором камне круглого дендерского зодиака [78], знаменитого памятника, которым, благодаря щедрости короля, недавно обогатился Кабинет Древностей. Судя по прекрасной гравюре, опубликованной в *Description de l'Égypte*, направо находится большая фигура женщины, высеченная сильно выпуклым рельефом между двумя длинными вертикальными столбцами иероглифов. Под левым столбцом находится картуш,[4] который содержит только титул АОТКРТР [79]. Этой существенно важной

---

[1] См. мою таблицу II, №№ 44, 45 и 46.

[2] См. мою таблицу II, № 47.

[3] *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. IV, табл. 27, № 13, и др., и моя таблица II, №№ 48 и 49.

[4] См. мою таблицу II, № 50.

части памятника в Париже нет; камень был распилен как раз возле этого места, потому что имелось в виду увезти только круглый зодиак, который, таким образом, был изолирован от барельефа, по всей вероятности, имевшего к нему отношение. Как бы то ни было, картуш, чтение которого я только что привел, неопровержимым образом устанавливает, что барельеф и круглый зодиак были высечены руками египтян во времена владычества римлян. Благодаря одному этому факту наш алфавит приобретает большое значение, поскольку он очень упрощает вопрос, который обсуждался так долго и по поводу которого большинство из тех, кто занимался его изучением, высказывало лишь неопределенные и нередко диаметрально противоположные мнения. Хотелось бы, чтобы второй картуш, смежный с первым, дал нам, как это имеет место на многих других египетских барельефах, самое имя императора. Однако, если в подобном вопросе допустимы догадки, ряд обстоятельств склоняет меня к мысли, что этот титул, обособленный таким образом, может принадлежать либо императору Клавдию [80], либо, скорее, императору Нерону [81], многие монеты которых, чеканенные в Египте, также не имеют никакой иной надписи, кроме титула AYTOKPA-TΩP [1] [82].

2. Титул KAIΣAP или KAIΣAPOΣ, заключенный в картуш изолированно или в сопровождении идеографических эпитетов *живущий вечно, любимый Исидой,* встречается обособленно на зданиях в Филе и в Дендера. [2] Орфография его либо KHΣPΣ, либо KHΣΛΣ — безразлично.

3. Другие картуши содержат титулы *император* и *Цезарь*, соединенные вместе и имеющие следующие формы: AOTOKPTP KHΣPΣ, AOTOKPTOP KEΣPΣ, AOTKPTP KHΣP и даже ΛOTKPTΛ KHΣPΣ. [3] Однако эти же картуши сочетаются с другими картушами, содержащими собственное имя императора.

[1] Zoëga. *Numi Aegyptii imperatorii*, стр. 14 и 22.

[2] См. пояснения к таблицам №№ 51, 52, 53, 54 и 55 и таблицу II.

[3] Таблица II, №№ 56, 57, 58, 59 и 60.

4. Карниз заднего фасада храма, находящегося в западной части Филе,[1] украшен шестью барельефами, причем каждый из них изображает государя, увенчанного царским головным убором, называвшимся *псхент* (Розеттская надпись сохранила нам в своем греческом тексте название этого головного убора и воспроизвела его форму в тексте иероглифическом) [[83]]. Государь этот сидит на троне, а две стоящие перед ним богини преподносят ему эмблему [[84]], совершенно такую же, как та, которую держат в руках военачальники, изображенные на одном из барельефов дворца в Мединет-Абу[2] в Фивах, где они в триумфальной церемонии идут впереди и позади какого-то древнеегипетского завоевателя. Эта композиция тотчас же напомнила мне раздел постановления, вынесенного собравшимися в Мемфисе жрецами и высеченного на Розеттском камне, — раздел, предписывающий помещать *в храмах Египта изображение царя Птолемея Эпифана, которому изображение главного божества данного храма преподносило бы знак Победы.*[3] Я до некоторой степени рассчитывал прочитать в *двух картушах,*[4] помещенных справа и слева от этих барельефов, имя *Птолемея Эпифана,* однако в действительности в них оказалась надпись АОТКРТР КНΣРΣ (*император Цезарь*), *живущий вечно, любимый Исидой,* могущая относиться только к императору Августу, на греческих монетах которого, чеканенных в Египте, обычно не бывает ничего, кроме тех же двух слов.[5] И я обращаю здесь Ваше внимание на это сходство, которое будет подтверждено в дальнейшем множеством других примеров, ибо власть, повелевавшая писать на храмах иероглифическим письмом титулы

---

[1] *Description de l'Égypte,* Antiquités, т. I.

[2] *Description de l'Égypte,* Antiquités, т. II, табл. 11.

[3] *Розеттская надпись,* греческий текст, строка 39. Демотический текст, строка 23, гласит: *изображение бога.*

[4] См. мою таблицу II, № 61.

[5] Zoëga. *Numi Aegyptii imperatorii,* стр. 3, 8 и др.

и имена императоров, была, несомненно, той же самой властью, которая устанавливала текст надписей на их египетских монетах. Что касается содержания барельефов из Филе, то, поскольку они относятся к Августу [85], в них, возможно, упоминается о его победе при Акции [86], ставшей для Египта началом новой и хорошо известной эры.

5. Имя императора *Тиберия* [87] часто встречается на стенах храма, находящегося в западной части Филе. Два смежных картуша образуют там следующую надпись: АОТКРТР-ТВРНΣ КНΣРΣ [88], *живущий вечно,*[1] а несколько других, сгруппированных попарно, гласят: АОТКРТР ТВΛНΣ КНΣРΣ, *живущий вечно.*[2] Эта же надпись повторяется девять раз на фризе того же храма[3] и, опять-таки, является почти буквальной транскрипцией надписи на греческих монетах Тиберия, чеканенных в Египте.[4]

6. Памятники Филе дают также два других смежных картуша, которые содержат титулы и имя *Домициана* [89], выраженные следующим образом: АОТКРТР ТОМТНNΣ ΣВΣТΣ, *император Домициан Август.*[5] Мы находим значительно более пространные надписи этого императора на зданиях Дендера. Они содержатся в сочетании из двух картушей, в которых можно без труда прочитать или перевести: АОТ-КРТР-КНΣРΣ ТОМТНNΣ (император Цезарь Домициан), *прозванный* [90] КРМNНКΣ (*Germanicus* [91]).[6] Эти надписи целиком совпадают с надписями на греческих монетах этого императора, чеканенных в Египте.

7. Памятник другого рода, обелиск, который в Риме называют *Памфилийским обелиском* или *обелиском* с *площади Навона*, также дает фонетическое имя *Домициана,* в честь

1 См. мою таблицу II, № 64.
2 *Idem*, таблица II, № 63.
3 *Idem*, таблица II, № 62.
4 См. Zoëga, а также Mionnet *Description и т. д.*, т. VI.
5 См. мою таблицу III, № 65.
6 См. мою таблицу III, №№ 66, 67, 68.

которого он, без сомнения, был высечен в Египте и водружен в столице империи. Прежде всего, на восточной стороне этого обелиска можно заметить идеографический титул *царь*, за которым следует картуш, содержащий титул КΗΣΡ (*Цезарь*), вместе с другими знаками, недостоверность которых, на гравюре Кирхера [92], не позволяет мне отважиться на их чтение. Картуши восточной и южной сторон содержат следующие слова: КΗΣΡΣ ΤΜΗΤΙΗΝΣ (*Цезарь Домициан*).[1] И, наконец, два картуша, находящиеся в нижней части северной стороны того же обелиска, образуют надпись: ΑΟΤΚΡΤΛ-ΚΗΣΡΣ ΤΜΗΤΕΝΣ ΣΒΣΤΣ,[2] император Цезарь Домициан Август.

8. В одном из верхних картушей на той же стороне можно прочитать имя *Веспасиана* [93], его отца, включенное в идеографическую формулу *получивший власть, перешедшую от* ΟΥΣΠΣΗΝΣ, *его отца*;[3] на гравюре Кирхера [94] четыре первых знака этого картуша слишком сближены.

9. В восточной части острова Филе находится изящное здание, иероглифическое оформление которого никогда, однако, не было закончено. К числу завершенных частей относятся два простенка [95] между колоннами; один из них срисован Египетской комиссией[4] во всех деталях. Все картуши, которыми он заполнен, относятся к императору *Траяну* [96]. Изображение, во весь рост, этого доброго государя, совершающего жертвоприношение Исиде и *Арсиеси* [97], сопровождается двумя картушами, содержащими слова ΑΟΤΚΡΤΡ ΚΗΣΡΣ ΝΡΟ. ΤΡΗΝΣ..... [98] *(император Цезарь Нерва Траян),*[5] а надпись ΤΡΗΝΣ ΚΗΣΡΣ *(Траян Цезарь) живущий вечно,*[6] заключенная в один картуш, завершает вертикаль-

---

[1] См. мою таблицу III, № 69.

[2] *Idem*, таблица III, № 70, картуши a и b.

[3] *Idem*, таблица III, № 70 bis.

[4] *Description de l'Égypte*, Antiquités, т. II, табл. 27, № 2.

[5] См. мою таблицу III, № 71.

[6] *Idem*, таблица III, № 72.

ный столбец иероглифов, высеченный справа от барельефа. Фриз того же простенка между колоннами украшен девятью небольшими картушами. Центральный картуш немного бо́льшего размера, чем восемь других, поддерживаемый двумя *уреями*[99] или *царскими аспидами*, заключает в себе имя *Траяна*, ТРНNΣ, с идеографическим эпитетом *живущий вечно*. В сочетании с правым и левым картушами он дает следующий текст: *Император, живущий вечно*; *Траян, живущий вечно*; *Цезарь, бессмертный отпрыск Исиды*. Три картуша, расположенные направо от них, содержат слова: *Траян, живущий вечно, Цезарь, Germanicus, Dacicus*[100], *живущий вечно*. И, наконец, три картуша слева дают текст: НЕРВА ТРАЯН, *живущий вечно*, ИМПЕРАТОР ЦЕЗАРЬ, *живущий вечно*, АВГУСТ,[1] *живущий вечно, любимый Исидой*. Имя Траяна можно прочитать также на большом омбосском храме. В самом деле, два картуша, сохранившиеся на обломках этого сооружения, образуют сочетание слов: АОТОКРТР КНΣΛ NΛОΑ-ТРНNΣ *(император Цезарь Нерва Траян)*, ПРОЗВАННЫЙ КРМNНКΣ, ТНККΣ *(Germanicus, Dacicus)*,[2] что опять-таки, слово в слово, повторяет надпись на греческих монетах этого императора, чеканенных в Египте.

10. Имя преемника Траяна, Адриана[101], который так любил Египет и оставил там столько напоминаний о себе, мы найдем на одном из римских обелисков, на том, который называют *обелиском Барберини*, ныне находящемся на новом променаде в *Монте-Пинчио*. На первой стороне этого монолита имелся большой картуш, ныне полностью уничтоженный, который, как об этом свидетельствуют знаки, предшествующие ему и следующие за ним, содержал имя и титулы императора. Однако имя Адриана, к счастью, сохранилось в картуше, расположенном перед изображенной во весь рост фигурой этого государя, совершающего жертвоприношение богу

---

1 См. мою таблицу III, № 75а.

2 *Idem*, таблица III, № 74.

Фре [102] (солнцу), на четвертой стороне обелиска, в верхней ее части. На этом картуше, имеющем на гравюре Соэги [103] очень небольшие размеры, я, тем не менее, совершенно отчетливо разобрал девять фонетических иероглифов, транскрипция которых греческими буквами дает ʽΑΤΡΗΝΣ ΚΣΡ, *Адриан Цезарь.*[1]

11. Чтение этого имени уже само по себе не дает повода для каких-либо сомнений; однако, если бы таковые и существовали, то это чтение стало бы совершенно достоверным благодаря одному тому факту, что имя императрицы *Сабины*, супруги Адриана, написанное фонетическими иероглифами, также находится на обелиске. В самом деле, первая сторона этого монолита содержит ряд иероглифических знаков, означающих: *точно так же его супруга, повелительница мира* [104]. За этим сочетанием знаков[2] следуют два картуша: первый содержит полное имя императрицы ΣΑΒΗΝΑ,[3] за которым следуют идеографические знаки, выражающие женский род, как и в именах цариц *Береники* и *Клеопатры,* и титул опять-таки идеографический — *живущая, могучая* или *победоносная богиня* [105]; второй картуш, непосредственно следующий за первым, заключает в себе переданный фонетическим письмом титул Σεβαστη *(Augusta)* [106], имеющий орфографию ΣΒΣΤΗ[4] и сопровождаемый идеографической надписью *богиня, живущая вечно.* Вы, без сомнения, заметите также, милостивый государь, что два относящиеся к императрице картуша, соединенные вместе, дают текст — Σαβινα или Σαβεινα σεβαστη, который является единственным текстом на всех греческих монетах жены Адриана, чеканенных в Египте.

12. Я закончу это собрание иероглифических имен именем государя, который оказал столь важные услуги одновременно

---

1 См. мою таблицу III, № 76.
2 *Idem*, таблица III, № 77.
3 *Idem*, a.
4 Таблица III, №№ 77b и 79.

и науке и человечеству. Я имею в виду благочестивого *Антонина* [107], имя которого неоднократно встречается в дендерском *Тифонии* [108]. Два смежных картуша дают следующий текст: АОТОКРТОР КΣΡΣ ΑΝΤΟΝΗΝΣ *(император Цезарь Антонин), по прозванию* [109] *живущий вечно.* [1]

Нам остается наконец, милостивый государь, бросить беглый взгляд на природу фонетической системы, в соответствии с которой написаны эти имена, составить точное представление о природе знаков, которыми она пользуется, а также исследовать причины, по которым было отдано предпочтение изображению того или иного предмета для передачи именно того, а не иного согласного или гласного.

Что касается системы египетского фонетического письма в целом (а под этим наименованием мы подразумеваем одновременно и народное фонетическое письмо и иероглифическое фонетическое письмо [110]), то не подлежит сомнению, что эта система отнюдь не являлась бы чисто *алфавитным* письмом, если бы под *алфавитным* действительно следовало понимать только такое письмо, которое точнейшим образом и притом в соответствующем порядке [111] передавало бы все *гласные* и все *согласные*, образующие слова определенного языка. В самом деле, мы видим, что египетское фонетическое письмо часто ограничивается для передачи слова *Цезарь*, в соответствии с греческим родительным падежом ΚΑΙΣΑΡΟΣ, соединением знаков для согласных К, Σ, Ρ, Σ, оставляя без внимания дифтонг и два гласных, обязательных для греческой орфографии, и дает нам, например, собственные имена ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ, ΒΕΡΕΝΙΚΗ — или, вернее, ΒΕΡΕΝΙΚΗΣ [112],— ΤΡΑΙΑΝΟΣ и т. д. в транскрипции, при которой они сохраняют правда, свои согласные, но теряют большую часть своих гласных: ΑΛΚΣΑΝΤΡΣ, ΒΡΝΗΚΣ, ΤΡΗΝΣ. Следовательно, можно уподобить египетское фонетическое письмо фонетическому письму древних финикийцев, письменным системам, носящим названия

---

1 См. мою таблицу III, № 78.

еврейской, сирийской, самаританской, куфическому арабскому и современному арабскому, письменным системам, которые можно было бы, если угодно, назвать ***полуалфавитными,*** так как, собственно говоря, они предлагают нашему взору только остов слова — согласные и долгие гласные, — предоставляя осведомленному читателю самому вставлять недостающие краткие гласные.

Изложение причин, побуждавших египтян брать тот или иной иероглифический знак для передачи того или иного звука, требует некоторых дальнейших разъяснений, и я вынужден углубиться в подробности, за которые, милостивый государь, заранее прошу Вас извинить меня, ввиду важности этого вопроса самого по себе, а, быть может, также и важности необычных результатов, к которым может привести его рассмотрение.

Я уже дал понять, что египтяне, желая выразить *гласные* и *согласные* и образовать таким образом фонетическое письмо, брали иероглифы, изображающие физические предметы или выражающие ***понятия,*** название или соответствующее слово для которых в разговорном языке начиналось гласным или согласным, подлежащим передаче [113]. Сопоставление, которое мы собираемся произвести между иероглифическими знаками, передающими согласные, и египетскими словами, обозначающими предметы, воспроизведенные этими иероглифами, устранит всякое сомнение в правильности положения, только что высказанного нами, ибо столь многочисленные аналогии никоим образом не могут быть результатом чистой случайности. Согласный В передан: 1. иероглифом, изображающим небольшой вырезанный из дерева или сделанный из металла сосуд с огнем; помещенный на ладони мужской руки, этот иероглиф представляет собой жертвенную чашу [114], в какой герои, воспроизведенные на египетских барельефах, обычно сжигают ладан перед фигурами богов: слово **Ⲃⲣ̄ⲃⲉ** (*berbe*), встречающееся в коптских книгах [115], является вполне подходящим названием для этого небольшого сосуда;

2. В передано на Памфилийском обелиске каким-то четвероногим; однако гравюра Кирхера [116] выполнена столь небрежно, что мы не в состоянии решить, является ли это животное коровой Ⲃⲁϩⲥⲓ (*bahsi*), козленком Ⲃⲁⲁⲙⲡⲉ (*baampé*), козлом Ⲃⲁⲣⲏⲓⲧ (*barêit*), лисицей Ⲃⲁϣⲱⲣ (*baschôr*), небольшим четвероногим, именуемым Ⲃⲟⲓϣⲓ (*boischi*), или же шакалом Ⲃⲱⲛϣ (*bônsch*) [117].

Согласный К передан: 1. *сосудом с кольцом*, — разновидностью чаши [118], а египетские словари [119] дают нам слова Ⲕⲉⲗⲱⲗ (*kelôl*), Ⲕⲉⲗⲱⲗⲓ (*kélôli*), Ⲕⲛⲓⲕⲓϫⲓ (*knikidji*) и Ⲕⲁϫⲓ (*kadji*), которые все означают *сосуды, чаши* для черпания воды; 2. фигурой, изображающей либо прямой угол с его хордой, либо род *треугольника* [120], а слово Ⲕⲟⲟϩ (*kooh*) означает угол; 3. чем-то вроде *шалаша* или *хижины*, по-египетски Ⲕⲁⲗⲓⲃⲓ (*kalibi*), либо чем-то вроде *пространства, окруженного* стенами, Ⲕⲧⲟ (*kto*), и перекрытого *сводом* или *потолком* Ⲕⲏⲡⲉ (*kêpé*); 4. *головным убором* или *капюшоном*, Ⲕⲗⲁϥⲧ (*klaft*) [122]; на египетских барельефах это обычный головной убор частных лиц.

Λ передано *львом* или *львицей* в позе полного покоя. Причину выбора этого животного для передачи согласного мы найдем в египетском слове Ⲗⲁⲃⲟ (*labo*) или Ⲗⲁⲃⲟⲓ (*laboi*), употреблявшемся в коптском языке в значении *львицы*.[1] Заметим, что слова, выражающие понятие *львицы*, по-арабски لبوه (*lebouah*) и по-еврейски לביה (*lébieh*) [123], совершенно сходны с египетским словом Ⲗⲁⲃⲟⲓ (*laboi*). Добавим даже, что это слово, правильная орфография которого, повидимому, была Ⲗⲁϥⲱⲓ (*lafôi*), является всего лишь сложным словом, означающим *очень мохнатый, valdè hirsutus*, и что именно в таком значении это название иногда применялось также к медведю в египетской версии священных книг.[2]

Ломаная линия, которая, как полагали, изображает в египетском письме *воду*, передает в нем только предлог *из, от*,

[1] Kircher. *Scala magna*, стр. 164.

[2] *Апокалипсис*, XIII, 2.

по-египетски ⲛ̀. Именно потому этот идеографический знак стал знаком для звука N[124]. Небольшие сосуды, также передающие согласный N, — это не что иное, как те небольшие *алебастровые* сосуды, которые так часто находят в Египте и в которых хранили благовонные масла Ⲛⲉϩ (*neh*). Сосуды эти носят у греческих писателей названия Ἀλαβαστρος или Ἀλαβαστρον.

Греческий согласный P иероглифически выражается: 1. изображением *рта* ⲣⲟ (*ro*); 2. цветком *граната* ⲣ̄ⲙⲁⲛ (*erman*) или ⲣⲟⲙⲁⲛ (*roman*).

И, наконец, согласный T передается: 1. изображением *кисти руки* ⲧⲟⲧ (*tot*)[125]; 2. идеографическим знаком, выражающим определенный артикль женского рода ϯ (*ti*) или ⲧⲉ (*té*)[126]; 3. или же *отвесом* каменщиков[127], по-египетски ⲧⲱⲣⲓ (*tôri*) или ⲧⲱⲣⲉ (*tôré*), в зависимости от диалекта.

Я нисколько не сомневаюсь, милостивый государь, что если бы мы могли точно определить все предметы, воспроизведенные остальными фонетическими иероглифами, включенными в наш алфавит, то мне было бы очень легко указать в египетско-коптских лексиконах названия этих предметов, начинающиеся согласным или гласным, которые передает их изображение в иероглифической фонетической системе.[1]

Этот метод, лежавший в основе египетского фонетического алфавита, дает представление о том, как велика была возможность умножать, при желании, число фонетических иероглифов, без ущерба для ясности их выражения. Все, как будто бы, доказывает, однако, что наш алфавит содержит значительную их часть. В самом деле, мы вправе сделать такой вывод, поскольку этот алфавит является результатом целого ряда фонетических собственных имен, высеченных на памятниках Египта за период времени почти в пять веков, и притом в различных пунктах этой страны.

---

[1] См. новые примеры в главе X настоящей книги[128], в § VIII, где более подробно трактуется о *фонетических письменах*.

Все, что я только что изложил относительно возникновения, формирования и аномалий *иероглифического фонетического* алфавита, почти полностью применимо к *демотико-фонетическому* алфавиту, все знаки которого, извлеченные из Розеттской надписи, а также из недавно приобретенного для королевского кабинета папируса [129] и необходимые для обсуждения данного вопроса, содержатся во втором столбце таблицы IV.

Эти две системы фонетического письма были так же тесно связаны между собой, как *жреческая идеографическая* система была связана с *народной идеографической* системой [130], являющейся лишь эманацией первой, и с *собственно иероглифической* системой, от которой она вела свое начало. В самом деле, как мы уже говорили, демотические буквы являются, в своем большинстве, лишь *иератическими* знаками самих фонетических иероглифов [131]. Вам, милостивый государь, будет нетрудно признать всю справедливость этого утверждения, если Вы возьмете на себя труд обратиться к Сравнительной таблице иератических знаков, расположенных рядом с соответствующими иероглифическими знаками, к таблице, которую я представил Академии изящной словесности более чем год назад. Следовательно, по существу, между этими двумя алфавитами, *иероглифическим* и *демотическим*, нет никакого иного различия, кроме различия в форме знаков; значение же и самые основания для этого значения остаются теми же. Добавлю, наконец, что, поскольку эти народные фонетические знаки были не чем иным, как неискаженными иератическими письменами, в Египте неизбежно могли существовать лишь *две* системы фонетического письма: 1. *иероглифическое фонетическое* письмо, употреблявшееся на крупных памятниках, 2. *иератико-демотическое* письмо, письмо греческих собственных имен среднего текста Розетты и демотического папируса королевской библиотеки (*supra*, стр. 4), которое, быть может, мы встретим когда-нибудь использованным для транскрибирования имен некоторых греческих или римских государей в свитках иератических папирусов.

Фонетическое письмо было, следовательно, в употреблении у всех классов египетской нации, долгое время пользовавшихся им как необходимым пособием для трех идеографических методов [132].

Греческие и латинские авторы не оставили нам никаких точных сведений относительно фонетического письма египтян. Очень трудно сделать заключение даже о самом существовании этой системы, если доискиваться буквального смысла некоторых отрывков, где как будто бы есть кое-какие весьма туманные указания на нечто подобное. Мы вынуждены, следовательно, отказаться от попыток установить с помощью исторической традиции эпоху, когда фонетические письменные системы были введены в графическую систему древних египтян.

Однако факты сами по себе достаточно красноречивы и дают нам право заявить с некоторой долей уверенности, что употребление вспомогательной системы письма, предназначенной для передачи гласных и согласных определенных слов, предшествовало в Египте владычеству греков и римлян, хотя и представляется совершенно естественным приписывать введение египетского полуалфавитного письма влиянию этих двух европейских наций, издавна пользовавшихся алфавитом в подлинном значении этого слова.

Мое мнение на этот счет я основываю на двух следующих соображениях, которые, быть может, покажутся Вам, милостивый государь, достаточно вескими для разрешения данного вопроса.

1. Если бы египтяне изобрели свое фонетическое письмо в подражение алфавиту греков или алфавиту римлян, они, конечно, ввели бы в него некоторое количество фонетических знаков, равное количеству элементов, известных из греческого алфавита или из алфавита латинского. Но именно этого-то и нет; и несомненное доказательство того, что египетское фонетическое письмо отнюдь не было создано с целью передавать звуки собственных имен греческих или римских государей, мы находим в египетской транскрипции этих самых имен, которые,

в большинстве случаев, искажены до неузнаваемости, прежде всего — из-за опущения или смещения большей части гласных, затем — из-за постоянного употребления согласного Т вместо Δ, К вместо Г, П вместо Ф и, наконец, — из-за случайного употребления Λ вместо Р и Р вместо Λ.

2. Я убежден, что те же *иероглифико-фонетические* знаки, которые употреблялись для передачи звуков греческих или римских собственных имен, употреблялись также в иероглифических текстах [133], высеченных задолго до появления греков в Египте, и что уже в этих текстах они имели точно такое же значение выразителей гласных или согласных, как и в картушах, высеченных при греках и при римлянах. Подробное изложение этого важного и имеющего решающее значение факта является темой моего труда о собственно иероглифическом письме. В настоящей работе я не смог бы заняться его обсуждением, не вдаваясь в чрезмерные подробности.

Итак, я полагаю, милостивый государь, что *фонетическое* письмо существовало в Египте в очень отдаленные времена; что оно с самого начала было необходимой частью идеографического письма и что уже тогда, так же как и после Камбиза [134], оно употреблялось в идеографических текстах для транскрибирования (правда, очень приблизительного) иностранных собственных имен народов, стран, городов, государей и частных лиц, память о которых важно было сохранить в исторических текстах и в надписях на памятниках.

Я осмелюсь сказать больше: в этом древнем египетском фонетическом письме, сколь бы несовершенно оно ни было само по себе, можно, пожалуй, признать если не начало, то, по меньшей мере, образец, слепым подражанием которому, возможно, были алфавиты народов западной Азии и, в особенности, алфавиты соседних с Египтом наций. В самом деле, милостивый государь, если Вы примете во внимание, 1. что все буквы алфавитов, называемых нами *еврейским*, *халдейским* [135] и *сирийским*, носят знаменательные названия, названия очень древние, поскольку почти все они были переданы финикийцами грекам, когда эти

последние получили от них алфавит; 2. что в указанных алфавитах ***первый согласный или гласный этих названий*** является также тем ***гласным или согласным, который данная буква передает***, — то Вы признаете вместе со мной полную аналогию между процессом создания этих алфавитов и процессом создания египетского фонетического алфавита. Если же алфавиты этого рода первоначально образованы, — а все свидетельствует об этом, — из знаков, передающих понятия или изображающих предметы, то очевидно, что мы должны признать народом — изобретателем этого графического метода тот народ, который пользовался преимущественно идеографическим письмом, а если это так, то Европа, получившая от древнего Египта начатки науки и искусства, обязана ему еще одним неоценимым благодеянием — алфавитным письмом.

Впрочем, я хотел лишь в общих чертах наметить здесь это, чреватое важными последствиями, положение, естественно вытекавшее из моей главной темы, — ***алфавит фонетических иероглифов***, теорию и одновременно некоторые случаи применения которого я имел в виду изложить. Это применение дало результаты, уже получившие благоприятную оценку со стороны прославленной Академии, ученые труды которой впервые дали Европе основы глубокой эрудиции и продолжают доставлять ей полезнейшие примеры таковой. Быть может и мои опыты кое-что прибавят к ряду достоверных фактов, которыми она обогатила историю древних народов. История египтян, заслуженной славой которых до сих пор полон весь мир, почерпнет из них некоторые новые сведения, — и, без сомнения, для нашего времени уже много значит возможность с уверенностью сделать первые шаги в изучении памятников египетской письменности, извлечь из них некоторые точные данные о важнейших египетских установлениях, которым сама древность создала репутацию мудрости, до сих пор, во всяком случае, ничем не опороченную. Что касается чудесных памятников, воздвигнутых Египтом, то мы сможем, наконец, прочитать в украшающих эти памятники картушах их достоверную

хронологию, начиная с Камбиза, и время их основания или постепенного разрастания при различных правивших страной династиях, так как на большинстве этих памятников одновременно начертаны имена фараонов, греческие имена и римские имена, причем первые, характеризуемые небольшим числом знаков, не поддаются, в некоторых своих частях, никаким попыткам применить к ним *алфавит*, с которым я только что познакомил Вас. Такова, я надеюсь, будет польза от этой работы, которую мне чрезвычайно лестно отдать под Ваше, милостивый государь, почетное покровительство. Образованные люди не откажут ей ни в уважении, ни в признании, поскольку ей удалось снискать уважение и признание достопочтенного Нестора французских гуманитарных наук, который оказал им честь, обогатив их столькими трудами, и который всегда с готовностью принимал под свою защиту и поддерживал, направляя на трудном поприще, так блестяще пройденном им самим, многих юных соревнователей, впоследствии оправдавших столь живое участие. Имея счастье в свою очередь пользоваться Вашей поддержкой, я позволю себе, однако, ответить на нее лишь моей глубокой признательностью и почтительной преданностью, всяческие уверения в которых прошу Вас, милостивый государь, разрешить мне публично возобновить перед Вами.

Париж, 22 сентября 1822 г.[1]

[1] Извлечение из этого письма было прочитано в королевской Академии надписей и изящной словесности 27 сентября [136] 1822 г. и помещено в октябрьском номере *Journal des Savants* [137].

ПОЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦАМ [138]

Здесь собраны чтения всех собственных имен, выраженных фонетически как *демотическим*, так и *иероглифическим* письмом и воспроизведенных на трех первых наших таблицах.

Демотические имена должны читаться справа налево. Знаки, образующие *иероглифические* имена, содержащиеся в картелях [139] или картушах, расположены двумя способами: 1. либо они размещены горизонтально; в этом случае они могут быть написаны слева направо или справа налево; 2. либо они начертаны в виде вертикального столбца.

И в том и в другом случае иероглифы часто расположены группами по два, по три и т. д. знака, одна группа над другой.

Общее направление иероглифических знаков, образующих собственное имя или надпись, легко распознать, и чтение их следует начинать с той стороны надписи, в какую обращены головы животных, находящихся среди этих знаков. Это правило не допускает никаких исключений.

Фонетические имена и слова транскрибированы здесь прописными греческими буквами небольших размеров, а значения чисто *идеографических* знаков [140] даны курсивом.

ТАБЛИЦА I

Имена, переданные демотическим письмом

РОЗЕТТСКАЯ НАДПИСЬ

1. ΑΛΚΣΑΝΤΡΣ (Александр).
2. ΠΤΛΟΜΗΣ (Птолемей).
3. ΑΡΣΙΝΕ (Арсиноя).
4. ΒΡΝΙΚΕ (Береника).
5. ΑΗΤΟΣ (Аэт).

6. ПРЕ (Пирра).
7. ПІΛІΝΣ (Филин).
8. АРІЕ (Ария).
9. ТІЕКΝΣ (Диоген).
10. ІРЕΝЕ (Ирина); это слово в действительности, написано: HRÉNÉ[141].
11. ΣΝΤΚΣΣ (Συνταξις) [142].
12. ΟΥΙΝΝ (*ионнец, грек*) [143].

ДЕМОТИЧЕСКИЙ ПАПИРУС

13. ΑΛΚΣΝΤΡΟΣ (Александр).
14. ΠΤΛΟΜΑΙΣ (Птолемей).
15. ΑΡΣΙΝ (Арсиноя).
16. ΒΡΝΙΚ (Береника).
17. ΚΛΟΠΤΡ (Клеопатра).
18. ΑΠΛΟΝΙΣ (Аполлоний).
19. ΑΝΤΙΜΧΟΣ (Антимах) [144].
20. ΑΝΤΙΚΝΣ (Антиген) [145].

Иероглифические имена и знаки

21. Идеографический знак для передачи *женского рода.*
22. ΠΤΟΛΜΑΙΣ (Птолемей), *живущий вечно, любимый Фта.* (Розеттская надпись).
23. ΠΤΟΛΜΑΙΣ (Птолемей), *живущий вечно, любимый Фта.* (Обелиск из Филе).
23 bis. ΠΤΟΛΜΑΙΣ (Птолемей), *живущий вечно, любимый Фта и Исидой.*
24. ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ (Клеопатра). За этим именем следуют идеографические знаки, служащие для передачи женского рода; см. № 21. Обелиск из Филе.
25. ΑΛΚΣΑΝΤΡΣ (Александр). Карнакские здания.
26. ΑΛΚΣΝΡΟΣ (Александр). Карнак. Отсутствует буква Т между Ν и Р; этот пропуск мог быть допущен самим египетским резчиком.
27. Иератический знак, соответствующий демотическому и иероглифическому Σ.
28. ΠΤΟΛΜΑΙΣ (Птолемей); взято из иероглифического текста Розеттской надписи.
29. ΠΤΟΛΜΑΙΣ (Птолемей), в Дендера.
30. ΠΤΛΟΜΑΙΣ (Птолемей), монолит из Куз [Apollinopolis parva].

31. ПТОΛМΑΙΣ (Птолемей). М передано изображением nycticorax, разновидности совы, называвшейся в египетском языке *mouladj*.

32. ВΡΝΙΚΣ [146] (Береника); за этим именем следуют идеографические признаки женского рода.

33. ΒΡΝΙΚΣ [147] (Береника), имя, высеченное, как и предыдущее, на южных триумфальных воротах в Карнаке.

34. ΚΛΕΠΤΡΑ (Клеопатра), со знаками, передающими женский род (см. № 21).

35. ΚΛΕΟΠΤΡΑ (Клеопатра), с теми же знаками.

36. ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ (Клеопатра), с теми же знаками.

37. ΚΛΟΠΤΡΑ (Клеопатра). За этим именем следуют знаки, передающие женский род, и идеографический титул *богиня*, с эпитетом, знаки которого даны неполно.

38 и 39. Иероглифическая группа, соответствующая греческому слову ἐπικαλουμενος и так же означающая *прозванный*: она неизменно ставится между именами и прозваниями царей из династии Лагидов. См., №№ 40, 41 и 42.

40. ΠΤΛΟΜΑΙΣ (Птолемей), *прозванный* ΑΡΚΣΝΤΡΣ (Александр), *живущий вечно, любимый Фта.*

41. ΠΤΟΛΜΑΙΣ (Птолемей), *по прозванию* ΑΡΚΣΝΤΡΣ (Александр), *живущий вечно, любимый Фта.*

42. ΠΤΟΛΜΑΙΣ (Птолемей), *прозванный* ΝΗΟΚΗΣΡΣ (новый Цезарь) [148], *живущий вечно, любимый Исидой.* Следует заметить, что оба *пера* или *листа*, передающие в прозвании звук Η, расположены таким образом, чтобы их можно было произносить и после Ν и, в то же время, после К; нам встретятся и другие примеры такого, свойственного иероглифической системе, расположения знаков (см. № 71).

43. ΠΤΟΛΜΑΙΣ-ΚΑΙΣΛΣ (Птолемей — Цезарь), в Дендера.

ТАБЛИЦА II

Титулы римских императоров

44. ΑΥΤΟΚΡΤΡ (Αυτοκρατωρ император).

45. ΑΥΤΚΡΤΡ (idem).

46. ΑΥΤΟΚΡΤΡ (idem).

47. ΑΥΤΚΡΤΡ (император), *живущий вечно.*

48. ΑΥΤΟΚΛΤΛ (император); фриз в Дендера.

49. ΑΥΤΟΚΛΤΛ (император).

50. ΑΥΤΚΡΤΡ (император); этот картуш высечен на барельефе, который справа соприкасался с круглым зодиаком из Дендера [149].

51. ΚΑΙΣΛΣ (Цезарь); Λ употреблено вместо Ρ.

51a, b, c, d, e, f. Примеры различных способов написания иероглифическими буквами слова Καισαρ [150], или, вернее, его родительного падежа Καισαρος. Вот чтение этих групп в таком же порядке: ΚΗΣΡΣ, ΚΗΣΛΣ, ΚΗΣΡΣ, ΚΗΣΡΣ, ΚΣΡΣ, ΚΗΣΡ.

52. ΚΑΙΣΡ ΑΤ [151] (для Καισαρ αυτοκρατωρ?) *император Цезарь, живущий вечно, любимый Фта и Исидой.*

53. ΚΑΙΣΡΣ (Цезарь), *живущий вечно, любимый Фта и Исидой.*

54. ΚΑΙΣΛΣ (Цезарь), *живущий вечно, любимый Фта и Исидой.*

55. ΚΑΙΣΡΣ (Цезарь), *живущий вечно, любимый Фта и Исидой.*

56. ΑΥΤΟΚΡΤΛ ΚΑΙΣΡΣ (император Цезарь).

57. ΑΥΤΟΚΡΤΟΡ ΚΕΣΡΣ (император Цезарь). Конечное Σ выражено здесь сирингой [152] или флейтой Пана [153], инструментом, носившим в египетском языке название СНВI (*sēbi*) [154].

58. ΑΥΤΚΡΤΡ ΚΑΙΣΡ (император Цезарь).
59. ΑΥΤΟΚΡΤΟΡ ΚΣΡΣ (император Цезарь).
60. ΑΥΤΟΚΡΤΡ ΚΑΙΣΡΣ (император Цезарь).
60 bis. ΑΥΤΚΡΤΡ ΚΑΙΣΡΣ (император Цезарь).
} В Дендера.

Император Август

61. ΑΥΤΚΡΤΡ-ΚΑΙΣΡΣ (император Цезарь), *живущий вечно, любимый Фта и Исидой.* Смежные картуши.

Тиберий

62. ΑΥΤΚΡΤΡ-ΤΒΛΙΣ ΚΑΙΣΡΣ (император Тиберий Цезарь), *живущий вечно.*

63. ΑΥΤΟΚΡΤΡ-ΤΒΛΙΣ ΚΑΙΣΡΣ (император Тиберий Цезарь), живущий вечно.

63a. ΑΥΤΟΚΡΤΡ-ΤΒΛΙΣ (ΚΑΙΣΡ) (император Тиберий Цезарь), *живущий вечно, любимый Фта и Исидой.*

64. ΑΥΤΟΚΡΤΡ-ΤΒΡΙΣ ΚΑΙΣΡΣ (император Тиберий Цезарь), *живущий вечно.*

ТАБЛИЦА III

Домициан

65. ΑΥΤΚΡΤΡ (император), *живущий вечно,* ΤΟΜΤΙΝΣ ΣΒΣΤΣ (Домициан-Август).

66. ΑΥΤΟΚΡΤΟΡ ΚΑΙΣΡΣ-ΤΟΜΤΙΝΣ (император Цезарь Домициан), *прозванный* [155] ΚΡΜΝΙΚΣ (Germanicus).

67. ΤΟΜΤΙΝΣ (Домициан), *прозванный* [156] ΚΡΜΝΙΚΣ (Germanicus).

68. ΤΟΜΤΙΝΣ (Домициан), *живущий вечно*, ΚΡΜΙΝΚΣ (Germanicus).

68a. Группа, которая, так же как и идеографическая группа № 33, расположена между именами и прозваниями государей. См. №№ 66, 67, 74, 78 [157].

68b. ΑΥΤΟΚΡΤΡ ΚΑΙΣΡΣ (император Цезарь), *живущий вечно*, ΤΟΜ-ΤΙΝΣ (Домициан), *прозванный* [158]ΚΡ . ΝΙΚΣ (Germanicus).

69. ΚΑΙΣΡΣ ΤΜΙΤΙΑΝΣ (Цезарь Домициан), *живущуй вечно*. Памфилийский обелиск.

70. ΑΥΤΚΡΤΛ (император), *дитя солнца, владыка корон*, ΚΑΙΣΡΣ ΤΜΙΤΕΝΣ ΣΒΣΤΣ (Цезарь Домициан-Август). Памфилийский обелиск.

70 bis. Эта иероглифическая надпись, высеченная на Памфилийском обелиске и содержащая картуш, который заключает в себе имя Веспасиана, отца Домициана, снова встречается, без собственного имени императора, в десятой строке иероглифического текста Розеттской надписи. Она означает: *который получил царскую власть, унаследованную от божественного* ΟΥΣΠΣΙΝΣ (Веспасиана), *его отца, в месте*[159], и т. д.

Траян

71. ΑΥΤΟΚΡΤΡ ΚΑΙΣΡΣ-ΝΡΟΑ ΤΡΙΝΣ ΣΒΣΤΣ (император Цезарь Нерва Траян Август), *живущий вечно*.

72. ΤΡΙΝΣ ΚΑΙΣΡ (Траян Цезарь), *живущий вечно*.

72a. ΤΡΙΝΣ ΚΑΙΣΡΣ (Траян Цезарь), *живущий вечно*.

72b. ΑΥΤΟΚΡΤΡ ΚΑΙΣΡΣ (император Цезарь); титулы Траяна на различных барельефах.

72c. ΤΒΡΕΣ ΚΡΟΤΙΣ ΚΑΙΣΡΣ....-ΚΛΜΙΝΚΣ ΑΥΤΚΡΤΟΡ *(Tiberius Claudius Caesar.... Germanicus autocrator)*.

Эти два картуша, высеченные на портике в Эсне, содержат титулы и имена императора Клавдия. Другие надписи этого же императора, начертанные на дендерских памятниках, дают имя *Клавдия*, написанное более правильно ΚΛΟΤΙΣ; оно встречается также в орфографии ΚΡΤΙΟΣ. Что касается трех иероглифов, завершающих первый картуш, то они идеографически выражают титул *правитель* [160].

73. ΑΥΤΟΚΡΤΡ ΚΑΙΣΡΣ-ΤΡΙΝΣ ΣΒΣΤΣ (император Цезарь Траян Август), *живущий вечно, любимый Фта и Исидой*.

74. ΑΥΤΟΚΡΤΡ ΚΑΙΣ. ΝΛΟΑ...ΤΡΙΝΣ (император Цезарь Нерва Траян), *прозванный* [161] ΚΡΜΝΙΚΣ ΤΗΚΚΣ (Germanicus Dacicus).

75. ΝΡΥα [162] ΤΡΙΝΣ (Нерва Траян), *живущий вечно*. Центральный картуш на фризе межколонного простенка [163] западного здания в Филе. Змеи, находящиеся по бокам этого подобия гербового щита и поддерживающие его, суть *уреи* [164] или царские змеи.

75a. ΣΒΣΤΣ (Август), *живущий вечно, любимый Исидой;* титулы, сопровождающие картуш № 75.

75b. c. Другие способы написания титула ΣΒΣΤΣ (Август) фонетическими иероглифами.

Адриан

76. ΑΤΡΙΝΣ [165] ΚΣΡ (Адриан Цезарь), на обелиске Барберини. Первый знак передает слог с придыханием *На* или просто согласную Н. Дру ие фонетические имена, в которых данный знак появляется снова, неопровержимо доказывают это [166].

Императрица Сабина

77. Эта надпись, состоящая из собственно иероглифов и содержащая два фонетических картуша, взята с обелиска Барберини и означает: *то, что касается е о, так же как его супруги, великой повелительницы мира* [167] ΣaΒΙΝΑ (Сабины), *благополучно здравствующей* [168] ΣΒΣΤΗ (Августы), *живущей вечно.*

Антонин[169]

78. ΑΥΤΟΚΡΤΟΡ ΚΑΙΣΡΣ ΑΝΤΟΝΙΝΣ (император Цезарь Антонин), *по прозванию* [170] *живущий вечно.*

79. ΑΤΟΝΙΝΣ с каким-то идеографическим прозванием. Опущено первое Ν [171].

ТАБЛИЦА IV[172]

Эта таблица разделена на три столбца:

1-й содержит буквы греческого алфавита;

2-й — *демотические* знаки, предназначавшиеся в египетском народном письме для передачи звуков иностранных слов и имен;

и, наконец, 3-й столбец содержит различные *иероглифические* знаки, образующие египетский фонетический алфавит для транскрибирования *греческих* и *римских* собственных имен.

Все иероглифические или демотические знаки, которые соответствуют *согласным* греческого алфавита, приобретают, повидимому, слоговое значение [173] в тех случаях, когда они сочетаются между собой без примеси других знаков для *гласных.* Поэтому фонетическое имя Береники, содержащееся в картуше № 32, должно было бы, например, читаться и транскрибироваться Βε-Ρε-Νι-ΚΗ [174].

Действительно, нельзя было не заметить, что египтяне почти всегда писали в иностранных [175] фонетических именах одни лишь долгие гласные, а также дифтонги. Краткие гласные, входившие в состав слов, почти никогда не выражались, потому что опыт научил мысленно восполнять их отсутствие [176].

Знаки для гласных A, H, E, I, употребляются почти безразлично один вместо другого.

Что касается иероглифических знаков для согласного Z, то ни одно из проанализированных до сих пор фонетических собственных имен не дало нам возможности ознакомиться с ними.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ж.-Ф. ШАМПОЛЬОН

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ К КУРСУ АРХЕОЛОГИИ

История, определенная цель которой, единственная ее достойная цель, состоит в том, чтобы дать правдивое изображение человеческих объединений, шествовавших до нас по пути цивилизации, охватывает такое несметное множество фактов, относящихся к самым различным категориям и столь разнообразных по своей природе, что она невольно обращается к помощи всех видов знаний, даже и таких, которые — по крайней мере, на первый взгляд — образуют отрасли науки, совершенно отличные одна от другой.

Во главе их стоит *филология*, понимаемая широко, филология, которая, ограничиваясь вначале только фактическими данными, определяет значение слов и передающих эти слова письмен и изучает структуру древних языков.

Вскоре, совершенствуясь в процессе своего развития, эта наука устанавливает моменты сходства или различия между языком одного народа и наречиями его соседей, сравнивает слова, распознает законы, управляющие их сочетаниями в каждой семье языков или в каждом отдельном языке, и, приведя нас таким образом к полному пониманию *письменных памятников* древних народов, посвящает нас в тайны их социальных идей, их религиозных или философских взглядов, устанавливает, перечисляет события, происшедшие за время

их политического существования, и, если можно так выразиться, вновь обретает их вместе со свойственным им местным колоритом и с оттенками данной эпохи, ибо теперь это действительно говорят с нами люди древности, говорят о самих себе прямо и без посредников, при помощи знаков, начертанных некогда их собственными руками.

Вторая наука, *археология*, по самой природе своего предмета тесно связанная с филологией или, лучше сказать, неотделимая от нее, обеспечивает истории наиболее надежные ее основы, собирая для нее самые достоверные свидетельства реальности минувших событий, — свидетельства подлинных памятников, произведений искусства, рассказывающих о фактах своей эпохи, общественными выразителями которых, освященными воспоминанием, они некогда являлись, и остающихся для нас неопровержимыми свидетелями этих фактов.

Главным образом к области этих двух взятых вместе наук, археологии и филологии, необходимых помощников истории, и относятся по своей подлинной *сущности*, если можно так выразиться, памятники древнего Египта, основная тема открывающегося сегодня курса.

В самом деле, бесчисленные произведения египетского искусства, дошедшие до нас, несмотря на разрушительное действие времени и на опустошения, явившиеся следствием варварства мусульман и невежества первых христиан, почти все, за очень небольшими исключениями, сопровождаются более или менее обширными надписями, связанными с назначением этих памятников и определяющими либо причину, либо время их выполнения. Это обстоятельство, столь счастливое во многих отношениях, естественным образом разделяет исследования в области египетской археологии на две отдельные отрасли: во-первых, на исследования *филологические*, предметом которых является язык, различные системы письма, употреблявшиеся в древнем Египте, и, наконец, продуманное и, главное, здравое истолкование надписей на памятниках; во-вто-

рых — на исследования *археологические* как таковые, охватывающие всю совокупность изобразительных памятников с двух точек зрения — с точки зрения искусства и с точки зрения их назначения, применительно к гражданскому или религиозному, военному или домашнему быту.

Археологическая наука, со времени своего возникновения в Европе, следовала совершенно естественному ходу развития, постепенно восходя в своих изысканиях по звеньям хронологической цепи народов, сменявших друг друга на общественном поприще. Внимание исследователей древности сосредоточивалось вначале на памятниках римлян, памятниках, рассеянных на нашей земле, находящихся в наиболее близком соседстве с нами и служащих то неоспоримым подтверждением, то полезным пояснением к текстам латинских классиков, первоначальной теме филологических изысканий на Западе.

Устанавливая связь фактов, помогающих уяснить возникновение методов и законов римского искусства, исследователи были постепенно приведены к поискам и к изучению памятников древней Греции, откуда пришли науки и искусства, смягчившие суровость латинских нравов и обеспечившие римскому имени то длительное превосходство над народами древней Европы, какое не смогли бы сохранить за ним воинские доблести и применение одной только физической силы.

С этого момента археология признала, что Рим, путем непосредственной передачи, получил от Греции ее искусство, еще отмеченное печатью изящной простоты и той неподражаемой чистоты, которая и является основою всяческого совершенства; что властители мира, предоставив грекам заботу об украшении вечного города чудесами архитектуры и скульптуры, тем самым вверили свою религию и даже обрядность эллинскому гению, ибо изображения римских богов, которым поклонялись в храмах, были результатом искусства и труда этих чужеземцев. Однако подобная уступка со стороны народа, столь ревниво оберегавшего свою национальную самобытность, в скором времени нашла в глазах археологов удовлетвори-

тельное объяснение, опиравшееся на общность происхождения греков и римлян, ведущих свое начало от одной расы, как это доказывают чрезвычайное сходство их языков и тожество их религиозных верований, расходящихся, правда, в некоторых пунктах, например в вопросах терминологии, но совершенно одинаковых в отношении сущности самой системы этих верований и совокупности их внешних проявлений.

Таким образом, перенесясь на много веков назад, археологическая наука достигла первоисточника искусств и цивилизации римлян и сосредоточила свои возможности и усилия на изучении памятников античной Греции, прославленной страны, считавшейся обычно, — и особенно в результате неизбежного действия первоначального образования, полученного рядом поколений, сменявших друг друга в Европе в течение многих веков, — колыбелью нашей цивилизации, подлинной отчизной наук и искусств.

Однако этот взгляд был сильно поколеблен и видоизменен в результате тщательного исследования эллинских традиций и памятников: серьезное изучение, свободное от общепринятого предрассудка, который, несмотря на очевидность фактов и на положительные свидетельства самих древних греков, вел к признанию теории самозарождения на почве древней Греции искусств, наук и всех социальных установлений, показывает нам, что, так же как, быть может, и все другие страны, эта страна, населенная вначале какими-то ордами варваров, тоже постепенно захватывалась иноземными народами, чей приход произвел большие перемены и важные преобразования как в языке, так и в религии, в применении ремесел и в гражданском быте.

Подлинно эллинское население спустилось с севера, а цивилизацию, которая пришла к нему затем с юга, принесли иноземцы, изгнанные в силу политических причин из восточных стран древнего мира. Такова, вкратце, сущность исторических документов, переданных нам самими греками об их первобытных эпохах. Следовательно, именно на Востоке надо искать

начало эллинской культуры, и археология, проникнувшись уверенностью в этой истине, сперва провозглашает высокое совершенство и несравненное превосходство искусства древней Греции. Однако, желая также узнать подлинное место возникновения искусства и науки и все этапы их странствований, она уже обращает свои взоры на первобытные памятники восточных народов, находившихся на арене древнего мира и совершавших великие дела еще до того, как имя эллинов впервые появилось, блистая славой, из глубокого мрака, окутывавшего в течение стольких веков все без исключения народы Запада.

Итак, мы видим, что поле деятельности археологии неизбежно расширяется. Эта наука в результате длительных трудов достигла такого этапа, когда, приложив последнее усилие и завершив ознакомление с доступными ей фактами, она сможет с уверенностью вывести все следствия из этих фактов, если правильно их осветить, и заложить, наконец, основы учения о возникновении или о передаче социальных идей и об изменениях законов искусства, постоянных и столь выразительных признаков прогресса или декаданса народов.

Историки утверждают, что люди, распространившие среди эллинских племен Арголиды[1] и Аттики[2] первые сколько-нибудь развитые формы цивилизации, пришли морем с египетского побережья; что с этого момента Египет сделался школой, куда отправлялись учиться законодатели Греции, преобразователи ее культа и, особенно, эллины Европы и Азии, ускорившие развитие греческого общества, распространяя, вначале с помощью собственного примера, изучение естественных наук, истории и философии. Итак, только благодаря углубленному ознакомлению с памятниками Египта, а главное благодаря очевидности фактов, устанавливающих древность цивилизации на берегах Нила, предшествовавшей даже политическому существованию Греции, фактов, устанавливающих также наличие многочисленных сношений нарождающейся Греции с уже древним Египтом, можно будет притти к эпохе возникновения

греческого искусства, к истокам значительной части религиозных верований греков и внешних форм их культа.

Археология давно уже осознала всю важность подобных выводов, но две основные причины сильно задержали успехи египетских исследований: редкость подлинных памятников и полное незнание языка древних египтян.

Уже с XVII в. в состав некоторых собраний входило известное количество предметов различных родов египетского искусства, присланных в Европу консулами просто в качестве раритетов. Большая часть этих памятников была найдена при раскопках, производившихся на том месте, где некогда находился Мемфис. Это были амулеты, незначительное число бронзовых фигур, множество небольщих статуэток из покрытой глазурью обожженной глины; связанные с заупокойным культом изображения, в изобилии найденные в подземных гробницах в Саккара; наконец — несколько мумий, заурядных и мало примечательных с точки зрения убранства или богатства красок. Позднее были получены обрывки египетских рукописей на полотне, повязки, испещренные священными письменами, а также гробы для мумий, из твердых пород камня, покрытые длинными иероглифическими надписями.

Эти различные предметы привлекли, наконец, внимание ученых к системе письма древних египтян. Рассеянные у греческих и латинских авторов редкие свидетельства, касающиеся природы графических знаков, употреблявшихся этим народом, возбуждали еще бо́льшее любопытство. С этого времени начались поиски изобразительных памятников Египта; начали изучать римские обелиски, недавно откопанные или восстановленные благодаря щедрости сановников церкви, и археология обогатилась, таким образом, новой отраслью, остававшейся, однако, в течение долгого времени бесплодной вследствие ложного направления, которое ученые дали своим изысканиям.

В то время, при изучении классических текстов, еще не руководились строгой критической мыслью, которая опиралась бы на данные истории и археологии. Еще не были поняты

важные, точно установленные древними авторами, различия между отдельными системами письма, применявшимися египтянами. Чрезмерно обобщалось то, что эти авторы утверждали в отношении лишь одной определенной категории знаков, и с того времени египетские исследования начали все больше и больше отклоняться от истинной цели, ибо, исходя из ложных взглядов, исследователи стали утверждать, будто египетское, так называемое иероглифическое, письмо ***совершенно*** не передавало ***звуков слов*** разговорного языка, что каждый иероглиф являлся ***особым знаком для определенного понятия***, что это письмо, наконец, передавало понятия, оперируя только символами и эмблемами.

Подобные положения, от которых отнюдь не отказались еще и ученые нашего времени, открывали широкий простор или, вернее, безграничную свободу для воображения. Иезуит *Кирхер*[3] устремился на этот путь и, не соблюдая ни малейшей осторожности, злоупотребил доверием своих современников, опубликовав под заглавием *Oedipus Aegyptiacus*[4] так называемые переводы иероглифических надписей, высеченных на римских обелисках, переводы, которым он не верил и сам, ибо нередко он позволял себе подкреплять их ссылками на авторов, никогда не существовавших. Впрочем, из трудов *Кирхера* не могла извлечь никакой пользы ни археология, ни история. В самом деле, чего ждать от человека, хвастливо претендующего на дешифровку иероглифических текстов *a priori*, без всякого метода и без всяких доказательств! от переводчика, предлагающего в качестве точного содержания египетских надписей бессвязные, полные самого туманного и в то же время самого нелепого мистицизма, фразы!

Бредни *Кирхера*, таким образом, способствовали распространению в ученом мире того странного предрассудка, существующего в некоторых умах еще и поныне, согласно которому высеченные на всех без исключения памятниках иероглифические надписи считались некогда доступными пониманию только тех египтян, которые благодаря своим познаниям достигли

высоких ступеней посвящения в религиозные таинства. В то время полагали, что эти древние тексты касались лишь скрытых от всех таинственных явлений, что они были объектом изучения, предназначенным для небольшой привилегированной касты, и что содержанием их являлись только оккультные учения египетской философии. Эта ложная мысль как будто бы, до некоторой степени, подкреплялась другим, столь же необоснованным, взглядом, который приписывал в то время всей массе знаков, составляющих священное письмо египтян, чисто *идеографическую* природу. В конце концов, всякую египетскую надпись стали рассматривать как ряд символов и эмблем, под которыми скрывались глубокие тайны, словом, — как самое сокровенное учение жрецов, выраженное загадками.

Египетские исследования, исходившие из подобных гипотез, не могли рассчитывать на какой-либо реальный успех, поскольку, с другой стороны, ученые хотели достигнуть понимания иероглифических надписей, пренебрегая как раз тем единственным средством, с которым могла быть связана некоторая надежда на успех: *предварительным знакомством с разговорным языком древних египтян*. Между тем, такое знакомство было единственным путеводителем, которому должен был бы довериться исследователь при трех возможных гипотезах о природе этой древней графической системы.

Действительно, если бы иероглифическое письмо состояло только из знаков *идеографических*, т. е. из знаков, которые не имели бы никакой прямой связи со *звуками слов* разговорного языка, но каждый из которых передавал бы какое-нибудь отдельное понятие, то знание разговорного египетского языка оказалось бы совершенно необходимым, поскольку письмена — эмблемы или символы, употреблявшиеся в письме вместо слов языка, — должны были быть расположены в том же логическом порядке и следовать тем же правилам построения предложения, что и слова, которые они заменяли, — ибо речь шла о том, чтобы вызвать в уме, воздействуя на зрение посредством *изображения*, те же сочетания понятий, какие

пробуждались в нем в результате воздействия на орган слуха посредством *слова.*

Наоборот, если, в противовес столь распространенному в ту эпоху мнению, иероглифическая система применяла только письмена, которые передавали звуки, то эти знаки или *буквы*, образующие египетское письмо и высеченные на общественных памятниках в таком изобилии, должны были обычно воспроизводить лишь звуки слов разговорного языка египтян.

Если допустить, наконец, что иероглифическое письмо оперировало одновременно смесью знаков, передающих понятия, и знаков, передающих звуки, то знакомство с древнеегипетским языком опять-таки оставалось необходимым элементом всякого систематического исследования, имеющего целью истолкование египетских текстов.

Никому и в голову не пришло использовать это столь надежное орудие исследования, а между тем уже в первые годы XVII в. было совершенно несомненно, что *коптские* [5] рукописи, вывезенные из Египта миссионерами или путешественниками, были составлены на египетском языке и написаны легко поддающимися чтению знаками, поскольку коптский алфавит, т. е. алфавит, усвоенный египтянами, принявшими христианство, является не чем иным как греческим алфавитом, к которому прибавлено несколько знаков.

По какой-то странной и достойной быть отмеченной случайности, именно патер Кирхер дал в 1643 г. под названием *Lingua aegyptiaca restituta* [6] текст и перевод арабских рукописей, собранных на Востоке Пиетро делла Валле [7] и содержащих грамматики коптского языка; кроме того он опубликовал коптско-арабский словарь. В этой работе, которая, несмотря на ее бесчисленные недостатки, сильно содействовала распространению изучения коптского языка, Кирхер не смог избавиться от своего обычного шарлатанства: не сумев извлечь из обширного собрания египетских слов, недавно им опубликованного, никакой реальной пользы для своих работ, связанных с иероглифами, он позволил себе ввести в этот лексикон,

под видом коптских, некоторое количество слов, нужных ему для подкрепления его надуманных объяснений [8].

Таким образом, изучение коптского языка вначале распространялось в Европе исключительно в интересах библейской литературы [9]. Сомез [10] первый указал на ту пользу, какую филология могла извлечь из сведений, содержавшихся в коптских текстах, объясняя с их помощью значительное число египетских слов, приведенных греческими писателями. Позднее, когда труды Уилкинса [11] и Лакроза [12] облегчили изучение коптского языка, археология, отошедшая от египетских исследований вследствие бесплодных попыток и особенно вследствие имевших место нелепых заблуждений, наконец снова вернулась к ним, надеясь — и как будто бы имея на то некоторые основания — объяснить религиозную систему древнего Египта и, следовательно, памятники его культа, собирая и классифицируя рассеянные у греческих и латинских авторов отрывки, касающиеся круга понятий, связанных с египетскими божествами, и истолковывая самые имена этих божеств при помощи коптских словарей. Именно такова была истинная цель, которую поставил перед собой Пауль-Эрнест Яблонский [13], когда он предпринял труд, озаглавленный: *Pantheon Aegyptiorum, sive de Diis eorum commentarius* [14].

Однако этот ученый, обладавший обширными познаниями, отнюдь не предусмотрел всех трудностей своего начинания. В самом деле, нетрудно было догадаться, что греческие и латинские писатели, которые лишь вскользь упоминали о верованиях и культе египтян, должны были давать только частичные, носящие местный характер и неминуемо неполные сведения о религиозной системе этого древнего народа; что же касается истолкования египетских имен божеств при помощи коптского языка, то разве можно было рассчитывать, что небольшое число коптских текстов, разобранных Яблонским или его учителем Вэссиер-Лакрозом [15], уже содержит все корни слов, из которых состояли имена египетских богов и богинь? И, наконец, было ли доказано, что, транскрибируя эти имена,

греки и латиняне нисколько не исказили их? Напротив, все свидетельствует о том, что попытка этимологического анализа имен этих божеств могла бы оказаться успешной лишь при условии предварительного знакомства с *египетской* орфографией этих самых имен, а ведь это столь необходимое знакомство могло притти только в результате чтения египетских надписей. В то время, когда писал Яблонский, эти тексты еще оставались немыми; к тому же — и мы вынуждены заявить об этом — фонетические элементы, образующие подлинные собственные имена египетских божеств в иероглифических текстах, не имеют ничего общего с орфографией, которую им приписывал Яблонский, и совершенно не соответствуют его истолкованиям.

Во второй половине XVIII в. наблюдалось возобновление попыток того же рода, оставшихся столь же бесплодными для разумного объяснения изобразительных памятников Египта, которые, время от времени, попадали в Европу в результате торговых сношений с Левантом. Наука ни на шаг не продвинулась в понимании древнеегипетских письменных систем. Пристрастие к *априорным* системам перешло всякие границы и снова оттолкнуло здравомыслящих людей от такого рода исследований, совершенно скомпрометированных либо ненадежностью метода, либо нелепостью якобы вытекавших из них следствий. Одни полагали, что все египетские надписи связаны с астрономией[16]; другие — что в них нет ничего, кроме наставлений, касающихся полевых работ, — в целом или в деталях; каждое египетское божество изображало, якобы, один из периодов земледельческого года; наряду с этим, одновременно с де-Гинем[17] и его последователями, которые, пытаясь доказать общность происхождения народов Китая и древних обитателей Египта, претендовали на истолкование иероглифических надписей с помощью одних лишь китайских словарей, некий столь же эксцентричный ум пожелал доказать, путем отвлеченных рассуждений, что различные изображения животных, растений, называемые иероглифами, никогда не составляли

у египтян какой-либо системы *письма*, а были просто украшениями, лищенными всякого значения [18].

При всех этих разногласиях, истинные друзья археологии довольствовались тем, что коллекционировали по мере возможности в общественных музеях и в частных собраниях различные произведения древнеегипетского искусства. Опубликовывая гравюры или *факсимиле* последних, они ограничивались их описанием с точки зрения выполнения, а если кто-нибудь и пытался распознать среди них отдельные божества (ибо в эту эпоху предполагалось, что каждая египетская статуэтка изображает бога или богиню), то это делалось осторожно, так как перечень имен египетских божеств, заимствованный у классических авторов, был очень быстро исчерпан. В этой связи можно назвать в качестве инициаторов египетских археологических исследований патера Монфокона [19] и графа де-Кэлюс [20], хотя по-настоящему эти исследования начались только с опубликованием большого труда Соэги, посвященного *обелискам* [21].

Этот ученый датчанин, обладавший глубоким знанием греческих классиков и хорошо владевший коптским языком — одним из предметов, которым он уделял особое внимание в последние годы жизни — собрал в обширной работе о римских обелисках основные выводы своих изысканий, связанных с древним Египтом. Придя, в результате разбора египетских надписей, высеченных на памятниках этого рода, к изучению иероглифического письма, он весьма детально рассмотрел данные о графической системе египтян, полученные от писателей древности, и сделал попытку согласовать их между собой. Не преуспев в этом полностью, он, тем не менее, ввел этот вопрос в его истинные границы и первый смутно заподозрел существование в системе священного письма *фонетического элемента*, не приписав ему, однако, широкого применения и сведя его к нескольким знакам, осуществлявшим выражение звуков тем же способом, что и при нашем шуточном использовании письма в так называемых *ребусах*.

Сурово и с полным знанием дела осудив все опубликованные до него научные труды по истолкованию египетских надписей, Соэга опроверг широко распространенный предрассудок о таинственном употреблении иероглифов, якобы доступном лишь небольшому числу посвященных и предназначенном единственно для передачи храмовых тайн. Ученый археолог справедливо полагал, что это письмо, письмо общественных памятников, с которым была знакома и которым пользовалась просвещенная часть египетской нации, обычно употреблялось для составления текстов, касавшихся всевозможных вопросов из области как священных, так и мирских наук. Тем не менее, он считал, что применение подобного письма, требующего известного знакомства с рисованием, не могло без больших трудностей быть введено в обиход широких слоев населения; это мнимое ограничение исчезает ныне перед фактом вполне доказанного существования двух скорописных способов, употреблявшихся древними египтянами с целью сделать начертание иероглифических письмен столь же легким, сколь и быстрым.

Соэга потерял надежду на то, что археологическая наука достигнет полного понимания иероглифической системы в его эпоху, и оставил это открытие на долю будущих поколений. Источником этого малодушия была его неспособность полностью отрешиться от ложного взгляда, согласно которому большинство знаков, употреблявшихся в египетском священном письме, являлось чисто символическими письменами, что, по его мнению, должно было повлечь за собой почти непреодолимые трудности, ибо тем самым он предполагал, что эти письмена, несколько неясные по своей природе, могли изменять свое значение в зависимости от того, как они употреблялись: взятые самостоятельно, будучи противопоставлены друг другу или же, наконец, сочетаясь по несколько знаков вместе.

Тем не менее, намечая план работ, которые он собирался предпринять с целью истолкования иероглифических текстов, Соэга объяснил неудачу своих предшественников тем обстоятельством, что все они, по его словам, начинали с того, чем

было бы естественно кончить. В самом деле, они хотели взять препятствие лобовой атакой и с самого начала объяснить смысл надписей, в то время как прежде всего следовало правильно распознать наиболее простые их элементы. Подкрепляя правило примером, Соэга с большой тщательностью составил таблицу всех иероглифических знаков, находящихся на египетских обелисках или на других египетских памятниках, сохранившихся в Риме и в различных европейских собраниях. Эта подготовительная работа датского ученого, которая так никогда и не была опубликована им, несомненно побудила бы его продолжить исследование систем египетского письма, и его глубокое знание коптского языка чрезвычайно помогло бы ему в этом, но преждевременная смерть положила конец его полезной научной деятельности.

Опубликование работы Соэги, посвященной *обелискам*, непосредственно предшествовало завоеванию Египта французской армией... Французы, которых любовь к науке ввергла в самую гущу опасных случайностей этого военного предприятия, дали Европе, с помощью точных зарисовок, представление о значительности и чрезвычайном обилии древних памятников Египта. Перспективные виды, планы и разрезы, изображающие храмы, дворцы и гробницы в целом и в деталях, были, по распоряжению императора Наполеона, опубликованы в великолепном многотомном издании, озаглавленном *Description de l'Égypte*. Ученый мир впервые составил себе верное представление о египетской цивилизации, а также о неисчерпаемом богатстве исторических документов, содержащихся в поучительных украшениях, высеченных в бесчисленном множестве на этих столь величественных сооружениях. Наука ощутила теперь острее, чем когда-либо, полное отсутствие достоверных сведений о графической системе египтян. Однако обилие иероглифических текстов и надписей на памятниках, собранных в Египте благодаря рвению Французской комиссии, подтвердившее основательность сожалений об отсутствии этих сведений, в то же время обеспечило весьма ценные материалы

для новых изысканий о природе, приемах и различных сочетаниях египетских письменных систем. Скажем больше: при одном лишь известии об открытии двуязычного памятника, найденного в Розетте [22], в ученом мире внезапно пробудилась надежда проникнуть, наконец, во все тайны этой графической системы.

Офицер инженерных войск г-н Бушар, состоявший при дивизии нашей египетской армии, занимавшей город Розетту, нашел в августе 1799 г. во время земляных работ, производившихся в древнем форте, черный гранитный камень прямоугольной формы, на хорошо отполированной поверхности которого были видны три надписи, выполненные тремя различными системами письма. Верхняя надпись, в значительной части разрушенная или потрескавшаяся, начертана *иероглифическим* письмом; средний текст дан *египетской скорописью*, а третью и последнюю часть камня занимает надпись, составленная на греческом языке и выполненная греческими буквами. Перевод этого последнего текста, содержащего постановление египетских жрецов, собравшихся в Мемфисе для оказания высоких почестей Птолемею Эпифану, давал полную уверенность в том, что две верхние египетские надписи содержали точное изложение этого же постановления на египетском языке и притом двумя различными системами письма, *письмом священным*, или иероглифическим [23], и письмом народным, или *демотическим* [24].

Открытие подобного памятника имело все основания возбудить большие надежды. Обладание египетскими текстами, сопровождавшимися переводом их на один из известных языков, наконец-то устанавливало столь же многочисленные, сколь и бесспорные исходные моменты для сопоставления, которое безошибочно должно было привести к познанию египетской графической системы путем комбинированного анализа двух египетских надписей при помощи надписи греческой. Отныне надлежало оставить путь гипотез, чтобы ограничиться исследованием фактов, и изучение Египта, хотя

и медленно, двинулось вперед, к положительным результатам.

В 1802 г. знаменитый ученый, которому мы обязаны расцветом восточной литературы во Франции и который своими ценными трудами в столь высокой степени способствовал ее распространению в остальной части Европы, барон Сильвестр де-Саси [25], получив *факсимиле* Розеттского памятника, подверг изучению демотический текст, сопоставив его с текстом греческим, и опубликовал краткие выводы своих исследований в „Письме“, адресованном графу Шапталю [26], являвшемуся в то время министром внутренних дел.

Эта статья содержит начальные основы дешифровки среднего текста, так как в ней определены группы письмен, соответствующие именам *Птолемей*, *Арсиноя*, *Александр* и *Александрия*, упомянутым в различной связи в греческом тексте.

Вскоре затем г-н Окерблад [27], шведский востоковед, отличавшийся весьма разносторонней эрудицией и основательным знанием коптского языка, предпринял, следуя по тому же пути, что и французский ученый, и по примеру последнего, сравнение двух текстов: он опубликовал анализ греческих собственных имен, приведенных в надписи, выполненной *демотическими* письменами, и составил, исходя из этого анализа, краткий *демотический*, или *народный*, египетский алфавит.

Вначале этот первый успех как будто бы укрепил надежды, порожденные Розеттским памятником. Однако Окерблад, оказавшийся столь счастливым при анализе греческих собственных имен, не достиг никаких результатов при попытках применить к чтению других частей демотической надписи совокупность тех знаков, значение которых он только что установил в письменной передаче этих греческих собственных имен.

Совершенно не предполагая, с одной стороны, что египтяне могли писать слова своего языка, опуская значительную часть гласных в середине слова, как это имело место во все времена у евреев и арабов, а с другой стороны, не подозревая, что многие из знаков, употребляемых в этом тексте, могли отно-

ситься к разряду символических письмен, ученый швед, обескураженный тщетными попытками, перестал заниматься Розеттским памятником. Тем не менее, благодаря работам гг. де-Саси и Окерблада было доказано, что народное письмо древних египтян выражало иностранные собственные имена посредством подлинно *алфавитных* знаков.

Что касается иероглифического текста Розеттской стелы, то, хотя было бы вполне естественно изучить прежде всего именно его, поскольку он состоит из знаков-образов или из изобразительных письмен вполне отчетливой формы, и сопоставить его затем с греческим текстом, чтобы получить некоторые точные данные о сущности священных знаков, образующих наибольшее количество известных нам египетских надписей, этот иероглифический текст был подвергнут добросовестным исследованиям, оцененным по достоинству здравой критикой, лишь значительно позднее. Причиной, оттолкнувшей от его изучения, явилось, вероятно, плохое состояние этой первой части памятника, потерявшего вследствие повреждений значительную долю иероглифического текста. В самом деле, будь он целым, исследователи были бы избавлены от длительных поисков и бесчисленных сомнений.

Совершенно не подозревая о существовании этого пробела, некий анонимный автор [28] опубликовал в 1804 г. в Дрездене так называемый *Анализ иероглифической надписи* найденного в Розетте памятника. Этот автор, возрождая в своей работе мистический символизм патера Кирхера, вообразил, что он распознал в четырнадцати уцелевших строках иероглифической надписи (едва составляющей *половину* первоначальной надписи) полное и связное выражение мыслей, изложенных в пятидесяти четырех строках греческого текста. Работа эта не может выдержать самого поверхностного испытания. Тем не менее, недавно она была снова издана ее автором во Флоренции как своего рода категорический протест против того нового направления, какое приняло изучение иероглифов в последнее время.

Авторы многочисленных статей, составляющих текст к *Description de l'Égypte*, занимались различными системами египетского письма только с чисто внешней стороны: они опубликовали копии большого числа находящихся на памятниках иероглифических надписей настолько точно, насколько в то время позволяли как новизна предмета, так и опасности, непрерывно возникавшие вокруг мужественных исследователей, которые собирали эти надписи. Они распознали на подлинных памятниках существование некоторых символических письмен, упомянутых греческими авторами, но лишь в общих чертах занимались обсуждением вопросов, связанных с природой и с сочетаниями основных знаков; они восстали против довольно распространенного в то время заблуждения, вследствие которого под одним названием смешивались фигуры, расположенные на барельефах, и сопровождающие их подлинные иероглифы. Наконец, *Description de l'Égypte* предоставило в распоряжение ученых превосходные *факсимиле* египетских рукописей, как иероглифических, так и иератических, и содействовало успешному развитию палеографических исследований благодаря изданной в этом труде, хотя, разумеется, с большим запозданием, копии двух египетских текстов Розеттского памятника, без сомнения значительно более точной, чем та, которую уже опубликовало Лондонское королевское общество. Этот большой труд, если рассматривать его с точки зрения реальной пользы для прогресса исторических знаний, внушил уверенность в том, что в иероглифических надписях, этих неизменных украшениях всех египетских сооружений, скрывались ценнейшие сведения. Однако некоторые выводы, сделанные преждевременно в результате изучения изображений астрономического характера, высеченных на потолках различных храмов, распространили весьма серьезные заблуждения по поводу относительной древности этих памятников. Храмы, которые, в силу несомненных фактов, мы вынуждены отнести к наиболее поздним эпохам, были приняты за наиболее древние и считались принадлежащими к эпохам изначальным. Возникло даже такого рода предполо-

жение, будто всякий памятник египетского стиля, украшенный иероглифическими надписями, относился к временам, предшествовавшим завоеванию Египта Камбизом [29]: словно Египет, который при греко-римском владычестве и даже раньше, под игом персов, сохранил бо́льшую часть своих политических установлений, отказался вдруг от своей религии, от своих собственных письменных систем и на восемь с лишком веков перестал заниматься искусствами и ремеслами, необходимыми для его физического существования и для удовлетворения всех его духовных потребностей.

Тщетно английские путешественники, побуждаемые, быть может, скорее духом национального соперничества, нежели правильно понятыми интересами науки, хотели умалить значение работ, выполненных Французской комиссией... Полезные изыскания доктора Юнга [30] скорее, чем все эти необоснованные нападки, обеспечат Англии благородное участие в развитии египетских исследований.

Этот исследователь внес в сравнительное изучение трех текстов Розеттского памятника методичность, в высшей степени изощренную сложнейшими теориями физических и математических наук. Путем чисто внешнего сопоставления он распознал в уцелевших частях *демотической* надписи и надписи иероглифической группы письмен, соответствующие словам, встречающимся в греческой надписи. Эта работа, результат остроумного сравнения, установила, наконец, некоторые достоверные данные о приемах, свойственных различным видам египетской графической системы, и об их взаимных связях; в ней представлены материальные доказательства к утверждению древних авторов об употреблении в иероглифическом письме *изобразительных* и *символических* знаков; однако самая природа этого письма, его связь с разговорным языком, число, сущность и способы сочетания его основных элементов все еще не были выяснены и оставались достоянием туманных гипотез.

Доктор Юнг, как и авторы *Description de l'Égypte*, недостаточно четко отделял демотическое письмо (письмо второй

части Розеттского памятника, называемое также *энхорическим*[31]) от скорописного, употреблявшегося в не иероглифических папирусах — текстах, которые впоследствии, в результате моих работ, были признаны *иератическими*, т. е. относящимися к *жреческому письму*[32], легко отличимому от иероглифического письма благодаря особой форме знаков и расходящемуся с *демотическим* или *народным письмом* в еще более существенных пунктах.

Что касается природы иератических и демотических текстов, то английский ученый принял по очереди две совершенно противоположные системы. В 1816 г., вместе с Египетской комиссией, он верил в *алфавитную природу* всей совокупности знаков, составляющих средний текст Розетты, и пытался посредством алфавита Окерблада, дополненного несколькими новыми знаками, которым он приписывал определенное значение, установить чтение 80 групп демотических письмен, взятых из этого двуязычного памятника. Однако в 1819 г.[33], совершенно оставив мысль о реальном существовании в египетской графической системе подлинно алфавитных знаков, доктор Юнг заявил, напротив, что демотическое письмо и письмо иератических папирусов относится, так же как и первоначальное письмо, *иероглифика*, к системе, состоящей из *чисто идеографических* письмен. Тем не менее, убедившись, что бо́льшая часть собственных имен, упомянутых в розеттском демотическом тексте, *в какой-то мере* поддается *чтению* при помощи алфавита Окерблада, он пришел к выводу, что египтяне, так же как китайцы, пользовались, для транскрибирования ОДНИХ ТОЛЬКО *иностранных собственных имен*, знаками, которые по существу были *идеографическими*, но обычный способ выражения которых был изменен, с целью наделить их способностью передавать *в отдельных случаях* звуки. Исходя из этой уверенности, английский ученый и сделал попытку произвести анализ двух иероглифических собственных имен — *Птолемей* и *Береника*. Однако этот анализ, ложный в своей основе, не привел ни к каким результатам, не дал

возможности прочитать хотя бы одно из собственных имен, в таком изобилии высеченных на египетских памятниках.

Итак, вопрос относительно основной природы иероглифической системы — вопрос о том, был ли метод, которым оперировали египетские системы письма, *идеографическим* или же эти системы выражали *понятия*, отмечая *самые звуки слов*, — полностью оставался неразрешенным.

Мои работы доказали, что истина находится как раз посередине между этими двумя резко противоположными гипотезами, т. е. что вся египетская графическая система в целом употребляла одновременно и *знаки, передающие понятия*, и *знаки, передающие звуки*; что фонетические письмена, той же природы, что и буквы нашего алфавита, далеко не ограничиваясь одной лишь передачей иностранных собственных имен, составляли, напротив, наиболее значительную часть египетских иероглифических, иератических и демотических текстов и воспроизводили в них, сочетаясь между собой, гласные и согласные слов египетского разговорного языка.

Это основное положение, доказанное и развитое впервые в 1824 г. в моем труде, озаглавленном *Précis du système hiéroglyphique*[1] [34], получило ряд самых полных и совершенно неожиданных подтверждений, будучи применено ко множеству подлинных памятников. Целых шестнадцать месяцев, проведенных, благодаря щедрости нашего правительства, среди руин Верхнего и Нижнего Египта, не внесли ни малейших изменений в эту точку зрения, правильность и изумительную плодотворность которой я имел возможность проверить так много раз и в таких важных случаях.

Лишь она одна помогла мне притти к *чтению*, в подлинном смысле этого слова, фонетических элементов, составляющих в действительности не менее трех четвертей всех знаков каждого иероглифического текста; это дало мне полную уверенность в том, что древнеегипетский язык не имел никаких

[1] Вновь напечатанном в 1828 г.

существенных отличий от языка, обычно называемого ***коптским*** или ***кофтским***[35], что египетские слова, написанные иероглифическими письменами на древнейших памятниках Фив и греческими письменами в коптских книгах, имеют одинаковое значение и, как правило, отличаются друг от друга лишь отсутствием некоторых средних гласных, опущенных, по восточному обыкновению, в первоначальной орфографии. Идеографические или символические письмена, перемешанные с звуковыми письменами, выделились теперь более отчетливо; я мог теперь уловить законы их сочетаний как между собой, так и между этими письменами и фонетическими знаками, и постепенно я познакомился со всеми грамматическими формами и условными обозначениями, переданными в египетских текстах, как ***иероглифических***, так и ***иератических***.

Таким образом, постепенно была снята завеса, скрывавшая истинную природу египетской графической системы. Необъятный материал, собранный мною во время пребывания в Египте и в Нубии, между двумя катарактами, дал мне возможность развить сделанные мною выводы. На меня была возложена еще одна обязанность — познакомить с ними, во всей их широте, ученый мир, доказать их значительность значительностью новых фактов, порождаемых применением этих выводов, и открыть совершенно новое поприще рвению исследовательских умов, посвящающих себя делу развития исторических наук...

В самом деле, только непрерывно углубляя понимание иероглифических и иератических текстов, устанавливающих дату и назначение изобразительных памятников, только путем обоснованного анализа языка фараонов этнография решит, было ли древнее население Египта азиатским по своему происхождению, или же оно спустилось по обожествленной реке с плоскогорий центральной Африки. Одновременно с этим будет разрешен вопрос, принадлежали ли египтяне к какой-либо обособленной расе; ибо я должен заявить здесь, что, вопреки общепринятому мнению, ***копты*** современного Египта, рассматриваемые

как последние отпрыски древних египтян, не обнаруживают, на мой взгляд, ни в цвете кожи, ни в чертах лица или в строении тела ни одного характерного признака, который мог бы подтвердить столь благородное происхождение. Подлинное знакомство с древним Египтом важно также для изучения библии и должно многое разъяснить в области критики священного писания. Длительное рабство евреев в Египте, египетское воспитание их первого законодателя — все это неизбежно должно было оставить отпечаток на политическом и религиозном укладе сынов Израиля. Племена, хитростью избавившиеся от угнетения со стороны народа, обладавшего значительно более высокой цивилизацией, чем они сами, не могли, вступив в пустыню, отрешиться от старых представлений о распорядке жизни, о гражданском быте, забыть навыки в области ремесел, приобретенные за время длительного пребывания на берегах Нила, в тесном общении с земледельческой нацией. Еврейский вождь, восстанавливая наиболее древнюю форму правления египтян, *теократию,* как наиболее удобную для осуществления его планов, покинул долину Египта не для того, чтобы вернуть эти племена в их первоначальное состояние, к кочевой и пастушеской жизни их отцов, а с уже сложившимся намерением поселить их на определенной территории, приобретенной путем завоевания, и образовать из них такую же оседлую нацию, как египтяне, обосновавшуюся в городах, обрабатывающую землю и занимающуюся всеми видами ремесел. Насколько это могли позволить местные условия, Моисей применил к организации еврейского общества гражданские установления египтян. Он провозгласил религиозные догматы, существенно отличные от египетских, но во внешних формах культа и, особенно, в материальной стороне обрядов он не мог не подражать — и, действительно, подражал — египетским обычаям. Следовательно, изучение подлинных египетских памятников, как предшествующих эпохе Моисея, так и относящихся к позднейшим эпохам, даст нам более полное понимание подлинных текстов библии.

Известность, которой пользовался Египет, и плодородие его почвы, так же как его политическое значение, начиная с самых отдаленных времен, связали историю этой страны с историей всех великих народов древней Африки и Азии. Однако, поскольку летописи большей части этих наций безвозвратно погибли, следует обратиться к письменным памятникам Египта: они откроют нам имена ныне забытых племен, покоренных некогда могуществом египетских фараонов, которые проникли вглубь Африки и приобщили варваров к цивилизации путем соприкосновения с ними или путем примера. Барельефы из Исамбула и Бет-Уалли, в Нубии, покажут нам физический облик этих представителей расы негров или расы кафров, время их покорения, их одежду, военные приемы, даже мелочи их домашнего быта, а также разнообразные непосредственные связи первобытного Египта с Эфиопией, прославленной страной, которую, быть может, мы призна́ем колыбелью египетского народа.

Благодаря изучению исторических сцен, высеченных в обширных дворцах Фив, этого древнейшего царского города, мы станем как бы очевидцами военных экспедиций в Азию, происходивших во времена, о которых летописи человечества сохранили лишь смутное воспоминание. Имена египетских царей, инициаторов этих великих военных предприятий, вновь обретших бытие благодаря неопровержимому свидетельству памятников того времени, станут, наконец, достоянием исторической науки, и эта наука, раздвигая свои рамки, прольет неожиданный свет на эпохи, которые до сих пор были затеряны в тумане легендарных эпох вследствие полного отсутствия документальных данных или крайней недостоверности преданий.

Эти барельефы, огромные композиции, столь замечательные величественностью ансамбля и невероятным разнообразием деталей, имеющие к тому же столь важное значение благодаря пояснительным надписям, придающим этим памятникам бесспорно исторический характер, в то же время удовлетворят нашу любознательность, дав нам имена азиатских народов —

соперников Египта, которые оспаривали у него господство в этом еще не известном древнем политическом мире, а писанная история которых предоставляет, к сожалению, целую эпоху вымыслам героических мифов. Они доставят нам самые точные сведения о человеческих расах, к которым принадлежали эти нации, так сильно отличавшиеся одна от другой чертами лица, одеждой, видами оружия и средствами нападения и защиты. Можно будет определить, на какой ступени цивилизации стоял каждый из этих народов, и получить представление об их жизненном уровне по высеченным или написанным красками сценам, изображающим то африканские или азиатские посольства, преподносящие многочисленные дары египетскому монарху — их господину или их союзнику, то самого фараона, который, торжествуя победу, складывает к ногам египетских богов природные богатства завоеванных стран, изделия промышленности, сокровища побежденных и, наконец, сосуды из золота и серебра, чудесной формы и удивительного изящества, сделанные из этих драгоценных металлов, захваченных у неприятеля.

Еще больше полезных сведений даст нам изучение длинных надписей, высеченных на стенах царских дворцов и приводящих мельчайшие подробности военных походов, вес драгоценных камней и различных металлов, составлявших подать, налагавшуюся на неприятеля, перечень домашних животных, а также съестных припасов и предметов искусства, которые покоренные страны должны были регулярно доставлять победителю. Эти начертанные на памятниках надписи были переведены Германику[36], посетившему развалины Фив, старейшими местными жрецами; они в значительной своей части существуют до сих пор, и Тацит[37], рассказывая о пребывании приемного сына Тиберия среди развалин древней столицы фараонов, дал удивительный по своей точности анализ содержания этих исторических текстов: римский историк, повидимому, писал, имея буквальный перевод этих древних текстов перед глазами; я обнаружил их на обломках карнакского дворца.

Число всевозможных памятников, избежавших разрушительного действия веков и враждебных религий, все еще так велико на египетской земле, что из них можно почерпнуть множество непосредственных свидетельств, относящихся к последовательным этапам развития цивилизации изобретательного народа, возделавшего долину в устье Нила в бесконечно отдаленную эпоху: ибо нужно сказать, что египетские памятники самых древних времен не обнаруживают никаких следов младенческого периода искусства; напротив, все они говорят об искусстве зрелом и богатом опытом. Но если Египет — в эпохи значительно более ранние, нежели исторические времена нашего Запада, — был свидетелем исчезновения первых своих творений в области скульптуры, живописи или архитектуры и заменил их произведениями этих же видов искусства, но уже достигших известного развития, выработавших известные каноны и отмеченных печатью величественной простоты, которая вызывает беспредельное восхищение, — если, повторяем мы, Египет не сохранил никаких следов происхождения собственной цивилизации, то все-таки именно в этой стране мы должны искать истоки цивилизации Греции и ее искусства а следовательно — и истоки нашей современной цивилизации.

Изучение египетских памятников и текстов, показывая нам в истинном свете состояние политики и религии в древней империи фараонов, свидетельствуя, с другой стороны, о высокой ступени развития искусств, процветавших в Египте задолго до появления первых произведений этих же видов искусств в Европе, приведет нас к источнику первых политических установлений Греции, к Аргосу и Афинам. Это изучение докажет, с помощью неопровержимых фактов, египетское происхождение значительной части эллинских мифов и религиозных обрядов, в которых для нас осталось еще столько неясного и которые до сего времени не удалось привести в какую-либо правильную систему, так как обычно упускается из виду необходимость отделять то, что является собствен-

ностью эллинского населения, от того, что оно получило из восточных колоний.

Портики Бени-Хасана и колоннады Карнака, выстроенные египтянами задолго до времени осады Трои, с очевидностью укажут на происхождение дорической архитектуры греков; исследуя без предвзятости исторические барельефы Нубии и Фив, мы убедимся в том, что искусство греков имело в качестве первых образцов памятники египетской скульптуры; что вначале оно рабски подражало им и прониклось мудрой простотой их стиля; что, обогатившись таким образом, греческое искусство, усвоив принцип, который никогда не был принципом египетского искусства и который заключался в обязательности воспроизведения прекрасных образцов природы, все более и более удалялось от первоначальной манеры и самостоятельно поднялось до той высоты, какой, быть может, никогда не достигнет мастерство наших современных художников.

Истолкование египетских памятников с еще большей очевидностью докажет египетское происхождение наук и основных философских систем Греции; учение Платона [38] есть не что иное как египетское учение, вышедшее из саисских [39] святилищ; а древняя пифагорейская секта [40] распространяла психологические теории, которые отображены в живописи и в священных надписях царских гробниц в Фивах, в недрах пустынной долины Бибан-эль-Молука.

Я должен, однако, ограничиться этими частичными указаниями на ряд новых фактов, которыми египетские исследования обещают обогатить исторические науки. Без сомнения, это было предугадано; столь важные выводы не могли бы приобрести свое значение и всю свою достоверность без истинного понимания бесчисленных надписей, высеченных или выполненных красками на египетских памятниках, и изучению текстов, в которых употребляется разговорный язык, должно предшествовать изучение этого языка. Итак, именно с углубленного изложения основ *Египетской грамматики* и связанных с нею знаков мы и начнем эти лекции, самая тема кото-

рых неизбежно лишает их всяческой внешней занимательности; за отсутствием этого преимущества, которое несомненно помогло бы нам привлечь и сохранить ваше внимание, я сошлюсь господа, на глубокий интерес темы наших занятий, а искренность моих стараний даст мне, быть может, некоторое право на вашу снисходительность.

Т. ЮНГ

ОТРЫВКИ ИЗ СТАТЬИ «ЕГИПЕТ»

Анализ тройной Розеттской надписи

На глыбе или колонне из черного базальта, найденной французами во время земляных работ в Розетте [1] и ныне находящейся в Британском музее, можно видеть остатки трех различных надписей. В конце последней, греческой, говорится о том, что постановление, которое она содержит, было предписано высечь письменами трех родов — священными буквами [2], буквами туземными и греческими. К сожалению, значительная часть первой надписи отсутствует. Начало второй и конец третьей также повреждены. Таким образом, у нас нет точно соответствующих друг другу пунктов, из которых мы могли бы исходить в наших попытках дешифровать неизвестные письмена. Вторая надпись, которую осторожнее будет назвать греческим именем *энхорическая* [3], что попросту означает „туземные" письмена, все же достаточно полна, чтобы позволить нам, несмотря на пробелы вначале, сравнивать ее отдельные части между собой, а также с греческой надписью, при помощи того же метода, который мы применили бы, будь она неповрежденной. Так, если мы исследуем части, соответствующие по своему относительному расположению двум отрывкам греческой надписи, где встречаются *Александр* и *Александрия*,

мы быстро распознаем две легко различимые, похожие одна на другую группы знаков, которые мы можем поэтому рассматривать как воспроизведение этих имен, — наблюдение, впервые сделанное г-ном де-Саси [4] в его „Письме“ по поводу данной надписи. Небольшая группа знаков, многократно встречающаяся почти в каждой строке, может быть либо каким-нибудь окончанием, либо какой-нибудь очень распространенной частицей. Поэтому ее рассмотрение следует отложить до тех пор, пока она не будет обнаружена в каком-нибудь убедительном контексте после отожествления некоторых других слов, — и тогда будет легко показать, что она означает союз *и*. Следующая, заслуживающая внимания, группа знаков повторяется в энхорической надписи двадцать девять или тридцать раз, а в греческом тексте столь же часто повторяется только слово *царь* с его производными, обнаруженное около тридцати семи раз. Четвертая группа знаков обнаружена в энхорической надписи четырнадцать раз, повторяясь почти так же часто, как имя *Птолемей*, которое в греческой надписи встречается одиннадцать раз, причем обычно — в отрывках, соответствующих по своему относительному расположению отрывкам энхорического текста. С помощью такого же сравнения отожествляется название Египта, хотя в энхорической надписи оно встречается гораздо чаще, чем в греческой, где оно нередко заменяется словом *страна* или же совсем опускается. Таким образом, получив достаточное количество общих точек подразделения, мы можем затем написать греческий текст над энхорическим, так, чтобы все уже установленные отрывки по возможности полнее совпали друг с другом. И очевидно, что промежуточные части [5] одной надписи окажутся тогда расположенными очень близко от соответствующих отрывков другой.

Применяя этот способ, необходимо иметь в виду, что строки энхорического текста написаны справа налево, согласно обычаю египтян, о котором нам сообщает Геродот [6]; в некоторых случаях деление на слова и фразы ясно указывает направление, в каком их следует читать. Хорошо известно, что отдельные

иероглифические надписи, высеченные на различных памятниках, отличаются одна от другой направлением соответствующих знаков: они всегда обращены в правую или в левую сторону от зрителя, в зависимости от того, в какую сторону смотрят основные персонажи рисунков, к которым они относятся. Там, где рисунков нет, знаки почти всегда обращены в правую сторону, и нетрудно доказать, что они всегда должны были читаться, идя от начала по направлению к концу каждой строки [7]; попеременно же, то назад, то вперед [8], — как это иногда делали в древнейшие времена греки, — египтяне, повидимому, никогда не писали. Однако в обоих случаях [9] расположенные таким образом знаки, во всей их совокупности, оказывались при этих двух различных способах их употребления совершенно перевернутыми одни по отношению к другим, как если бы они были видны в зеркале или были оттиснуты подобно оттиску печати.

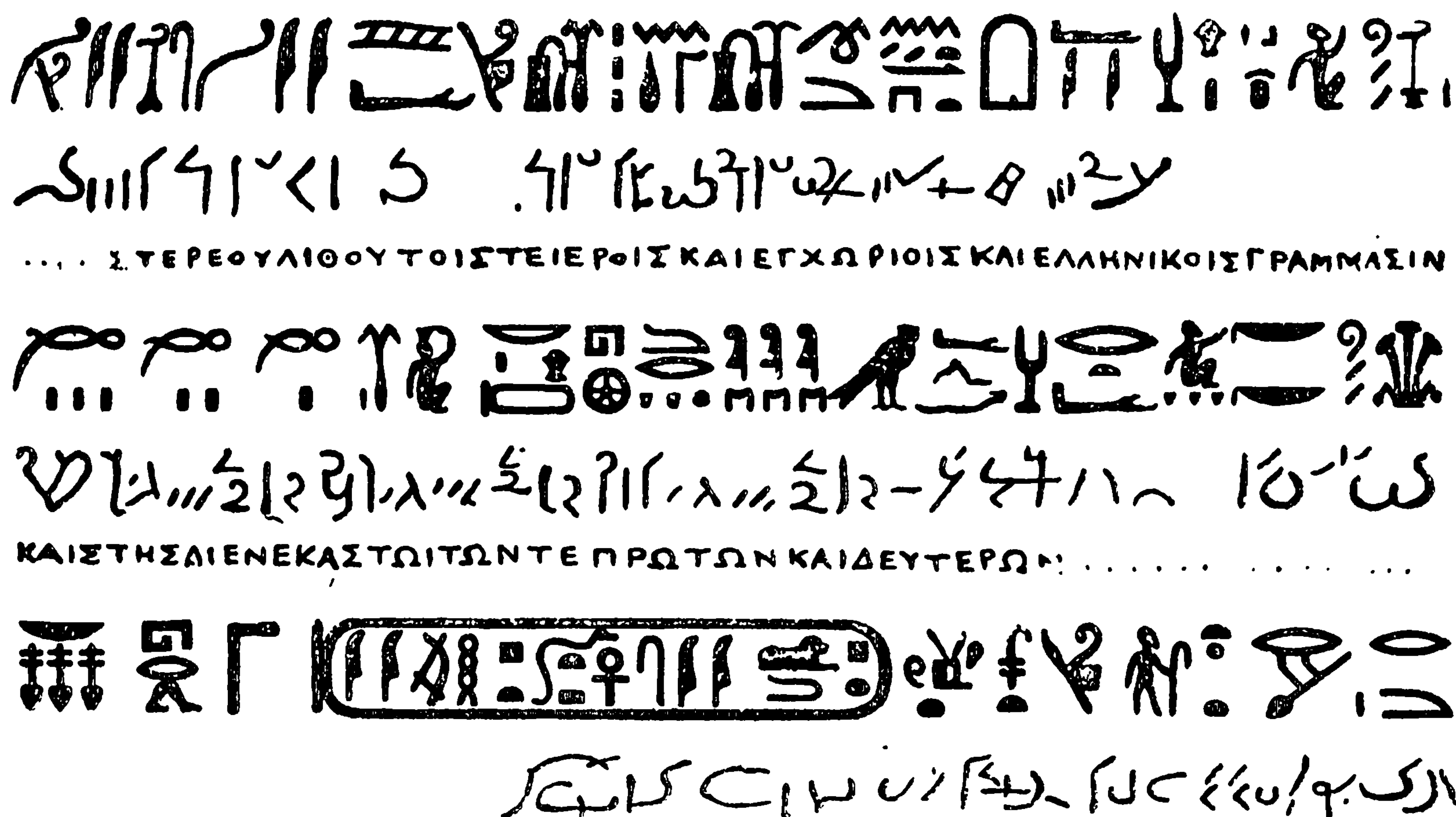
Продолжая сравнение надписей, расположенных таким образом [10], мы, наконец, раскрываем значение большей части отдельных энхорических слов и в результате исследования обнаруживаем некоторые незначительные различия в оформлении и в порядке отдельных частей разных надписей, приведенных в „предположительном переводе", опубликованном в *Archaeologia* и в *Museum Criticum* [11]. Степень достоверности предполагаемого значения каждой группы знаков можно лучше учесть, если расположить их в виде словаря, в соответствии со словами перевода, причем энхорические слова, сами по себе, не легко поддаются подобному расположению; впрочем, данная тема не представляет широкого интереса, а потому нет необходимости воспроизводить этот небольшой словарь полностью.

Естественно было бы ожидать, что последние знаки энхорической надписи, значение которых, несмотря на отсутствие соответствующей части греческой надписи, установлено, таким образом, с достаточной достоверностью, непосредственно приведут нас к пониманию заключительной фразы, написанной

отчетливыми иероглифическими знаками и оставшейся неповрежденной. Но соответствие между этими двумя заключительными фразами ни в коем случае не является точным, и затруднение может быть устранено только в том случае, если предположить, что царь ясно назван по имени в одной из них, в то время как в другой указаны лишь его титулы. Учитывая это небольшое расхождение и тот единственный случай, когда имя Птолемея встречается в энхорической надписи три раза в отрывке, в котором греческая надпись дает его лишь дважды, мы переходим к отожествлению этого имени среди священных знаков [12]; оно достаточно заметно по своему внешнему виду [13], и мы могли бы распознать его при самом поверхностном осмотре надписей, если бы не это полное несоответствие в числе случаев повторения, потребовавшее длительного и тщательного исследования — непременного условия для разрешения столь трудной загадки. Поскольку, однако, это условие должным образом выполнено, мы получаем более или менее точную шкалу для определения относительного размера надписи, начертанной священными знаками; почти половина строк этой надписи теперь, повидимому, совершенно отсутствует, а оставшиеся сильно повреждены. Такую шкалу можно получить и другим способом, если отмечать на прямой линейке, на расстояниях, пропорциональных действительным расстояниям от конца [14], те места, в которых наиболее характерные слова, как, например, *бог*, *царь*, *жрец* и *храм* [15], встречаются в заключительных частях других [16] надписей, и затем отыскивать соответствующие знаки среди иероглифов первой надписи, изменяя отклонения от указаний линейки таким образом, чтобы найти соответствия любым размерам, какие, предположительно, эта надпись могла бы иметь, и постоянно допуская при этом известную свободу для изменений относительной длины различных фраз и выражений. При помощи таких приемов не особенно трудно убедиться, что *храм* и *жрец* обозначены рисунками, которые, очевидно, и предназначались для изображения этих предметов, и именно это обстоятельство придает иссле-

дованию полную наглядность и обещает прочную основу для дальнейших выводов. Другие термины, *бог* и *царь*, еще легче установить вследствие того, что они находятся рядом с именем Птолемея.

Поскольку, таким образом, отожествлены наиболее существенные пункты этих трех надписей, все они могут быть

Фиг. 1. Последняя строка иероглифической надписи Розеттского камня, сопоставленная Юнгом с последними строками демотической и греческой надписей этого памятника.

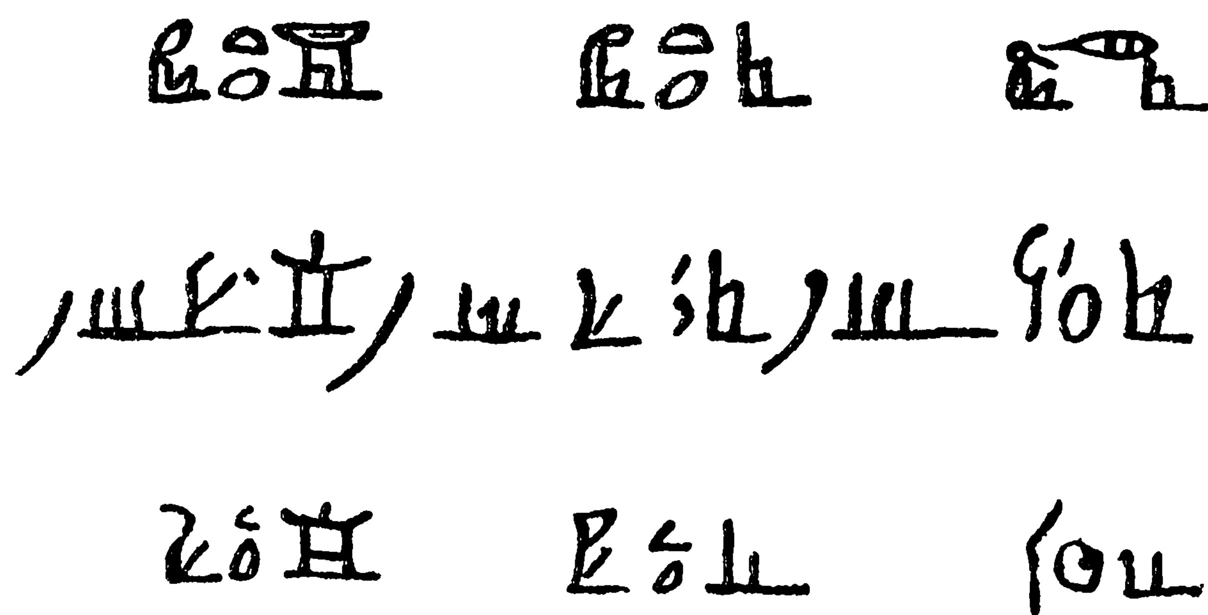
написаны рядом и исследование значения соответствующих друг другу знаков может быть продолжено путем тщательного сопоставления различных частей между собой. Последняя строка священных знаков вместе с соответствующими частями других надписей является прекрасным примером того результата, который был достигнут этими опытами.

Сопоставляя таким образом энхорические и священные знаки, мы обнаруживаем в их начертаниях множество совпадений, слишком точных для того, чтобы предположить, будто энхорические знаки могли быть чисто алфавитными по своей

природе [17]. Так, например, очевидно, что энхорические знаки для *короны, аспида* и *живущего вечно* непосредственно заимствованы из знаков священных. Несомненно, все же, что такое совпадение не может быть прослежено в этих надписях [18] полностью, и это, естественно, заставило нас предположить, что алфавитные знаки [19] могли быть перемешаны с иероглифами [20] таким же способом, каким нередко пользуются современные астрономы и химики, применяя условные обозначения, которые в наиболее сжатой форме дают представление о предметах, чаще всего упоминающихся в их науках. Тем не менее все усилия, как настойчивы и упорны они ни были, не смогли привести к открытию какого-либо алфавита, который действительно сделал бы язык этой надписи [21] хотя бы в общих чертах отвечающим требованиям удобочитаемого египетского языка. Правда, в большинстве собственных имен как будто бы обнаруживается некоторое соответствие с начертаниями букв, указанными г-ном Океркладом [22], но, конечно, такое совпадение могло бы иметь место и в китайском и в любом другом не алфавитном письме в том случае, если бы оно употребляло для написания сложных собственных имен слова, состоящие из простейших звуков [23].

И все же вопрос относительно природы энхорического знака, повидимому, удовлетворительно разрешается благодаря сопоставлению различных, еще сохранившихся, папирусов. Некоторые из них, опубликованные в многотомном *Description de l'Égypte*, всегда считались образчиками алфавитного письма египтян [24] и, несомненно, столь же мало представляют собой подражание реальным предметам, как любой из знаков этой надписи [25] или как древние арабские или сирийские письмена, с которыми они, на первый взгляд, имеют большое сходство. Однако они почти всегда сопровождаются рисунками, изображающими определенные сцены, состоящие из немногих реальных предметов, либо обособленных, либо находящихся в определенной и понятной связи между собой, причем обычно мы можем распознать отдельные черты некоторых из этих пред-

метов среди знаков сопровождающего их текста. Подобное соотношение между текстом и рисунками еще легче заметить в других рукописях, выполненных отчетливыми иероглифами, начертанными хотя и небрежно, но не без изящества — письменами, которые, повидимому, были обозначены термином *иератические* [26]. Сопоставляя между собой те части текстов указанных рукописей [27], которые находятся под рисунками одинакового содержания, мы, после тщательного изучения,

Фиг. 2.

обнаруживаем, что каждый знак из числа отчетливых иероглифов имеет свое соответствие в скорописи; иногда это всего лишь штрих или линия, в которой, тем не менее, нередко можно легко распознать грубую копию контуров оригинала и которая всегда одинакова, если она соответствует одному и тому же знаку. Отдельные отрывки, устанавливающие это тожество и содержащие, в общей сложности, свыше десяти тысяч знаков, были перечислены в *Museum Criticum* [28]. Они были переписаны смежными строками и тщательно сличены между собой. Число этих отрывков еще более возросло благодаря сопоставлению с некоторыми еще не опубликованными свитками папирусов, недавно привезенными из Египта. Достаточно будет нескольких образчиков из разных рукописей [29], чтобы показать формы, через которые прошло первоначальное изо-

бражение на пути его деградации от *священного* знака [30], через *иератический* [31], к *эпистолографическому*, или к общеупотребительной туземной скорописи [32].

На первый взгляд кажется непонятным, почему это совпадение или, скорее, соответствие не наблюдается также и в двух надписях Розеттского камня, которые, — как это естественно было бы предположить в том случае, если энхорический знак является лишь деградированным священным знаком, — должны были быть так же сходны между собой, как и тексты из различных, только что упомянутых нами рукописей. В действительности же проследить более или менее заметную аналогию между ними нам удается лишь очень редко. Дело в том, что энхорический знак вследствие длительного, связанного с потребностями обыденной жизни, применения в скорописи приобрел, повидимому, столь неотчетливую форму, что часто приходилось в целях более точного обозначения предмета добавлять к этому знаку какой-либо эпитет или синоним — совершенно так же, как в разговорном китайском языке, где при переводе слов с письменных знаков на более ограниченное число звуков часто бывает необходимо, вследствие несовершенства устной речи, добавлять родовое слово для уточнения смысла и читать, например, *гусь птица*, в то время как написано только *гусь*, чтобы отличить это понятие от какого-либо другого, переданного такими же звуками. Ведь и в английском языке мы бываем иногда вынуждены говорить *yew tree* для того, чтобы отличить его от *ewe sheep*, или от *you yourself* [33], или от *буквы u*. Следовательно, вряд ли можно считать, что энхорическое письмо, в этой форме [34], передает тот же язык, что и язык священных иероглифов, — хотя оба вида письма и восходят к одному и тому же источнику; священные иероглифы, вероятно, остались неизменными с древнейших времен, в то время как скоропись, претерпевшая все изменения народных диалектов, сохранила лишь слабое сходство со своим первообразом. В самом деле, если бы эта скоропись была совершенно тожественна с ним, то не было бы никакой надобности

в повторении надписи, столь незначительно измененной по форме.

По всей вероятности, ритуалы и гимны, содержащиеся в упомянутых нами рукописях, либо восходят к более отдаленным временам, чем Розеттская надпись, либо сохранили бо́льшую чистоту письма вследствие того, что они непрерывно переписывались с более древних оригиналов. Заслуживает внимания и тот факт, что в одном из этих свитков папируса, гравюра которого издана Деноном [35], вводная часть выполнена священным письмом, а некоторые из содержащихся в ней фраз повторяются в последующей части рукописи, являющейся какой-то разновидностью скорописи, хотя и менее деградированной, чем в большинстве других случаев.

Естественно было надеяться, что сравнение этих различных рукописей поможет нам найти соответствующий иероглиф для каждого энхорического знака, — в той мере, в какой сохранились в целости части соответственных надписей, — и даже поможет нам восстановить недостающие священные знаки там, где есть пробелы [36]. Несомненно, что кое-какие результаты и были достигнуты благодаря этому в отношении имен некоторых божеств, но вследствие постепенно образовавшихся расхождений между формами языка, выраженного священными знаками, и формами языка, выраженного скорописными знаками, эти результаты были до сих пор крайне ограничены. В самом деле, данное исследование в целом как будто бы показало, что его этапы неизбежно связаны с такими трудностями, каких мы не могли себе представить, исходя из нашего предварительного знакомства с этим вопросом, и что, несмотря на существовавшую в разные времена уверенность отвлеченно мыслящих людей в своей способности полностью прочитать самым удовлетворительным образом иероглифическую надпись, начиная с любого ее конца, — все же единственный памятник, который дал нам сколько-нибудь реальные основы для обсуждения этого вопроса, может скорее уменьшить, чем поощрить наши надежды когда-либо в совершенстве

овладеть древнеегипетской литературой, хотя не подлежит сомнению, что этот памятник может послужить ключом ко многим важным сведениям, касающимся истории и мифологии Египта; вполне возможно также, что тщательное изучение других, уже известных памятников или новых памятников, которые в наше время открывают чуть не каждый день, поможет нам обнаружить некоторое число неизвестных знаков, расположенных по отношению к другим, уже объясненным знакам таким образом, что они сами принесут с собой свое истолкование, подкрепленное такой степенью очевидности, которая выйдет далеко за пределы простого предположения.

Анализ имени Птолемей [1]

Относительно значения имени ПТОЛЕМЕЯ, в том виде, в каком оно встречается на Розеттском камне, не может быть ни малейшего сомнения; однако далеко не так легко отожествить его в некоторых других случаях, где, быть может, оно могло видоизменяться вследствие сокращения, искажения или сочетания. В данном имени и в нескольких других собственных именах чрезвычайно интересно проследить некоторые этапы, какие, повидимому, прошло алфавитное письмо при возникновении из письма иероглифического. Этот процесс может, до некоторой степени, быть иллюстрирован тем способом, каким современные китайцы выражают чуждую для них комбинацию звуков, когда знаки, вместо того чтобы сохранить свое первоначальное значение, превращаются, при помощи соответствующей приметы, в знаки чисто „фонетические“ [2]; и эта примета в некоторых современных печатных книгах очень похожа на кольцо, окружающее иероглифические имена [3].

Энхорическое имя [4] Птолемея, на первый взгляд, кажется резко отличающимся от иероглифического, и было бы невозможно вывести одно из другого без знания эпистолографических [5] форм отдельных знаков, уже установленных путем сравнения рукописей. Начало и конец несомненно являются частями кольца, которое в священном письме [6] окружает все собственные имена, за исключением имен божества. Квадратный чурбан [7] и полукруг [8] во всех рукописях неизменно соответствуют знакам, похожим на P и T Окерблада [9] и находящимся в начале энхорического имени [10]. Следующий знак, который, повидимому, представлял собой нечто вроде узла, не является существенно необходимым, поскольку он часто опускается в священном письме и всегда — в энхорическом [11]. Лев соответствует LO Окерблада, ибо в рукописях лев всегда выражается подобным знаком, причем наклонная перечеркнутая линия передает туловище, а вертикальная линия — хвост [12]. Вероятно, это читалось не LO, а OLE, хотя позже, в коптском языке, OILI переводится как баран [13]; есть также и слово EIUL — олень [14], а в скорописи фигура оленя становится немного похожей на фигуру льва. Следующий знак известен тем, что он имеет некоторое отношение к „месту", по-коптски MA, и, повидимому, он читался либо MA, либо просто M [15], а в скорописи этот знак всегда выражался посредством M алфавита Окерблада. Два пера [16], каково бы ни было их подлинное значение, соответствуют трем параллельным черточкам энхорического текста и, повидимому, в нескольких случаях читались I или E. Изогнутая линия, вероятно, означала „большой" и читалась OSH или OS [17], ибо коптское SHEI [18], повидимому, являлось эквивалентом греческой СИГМЫ. Соединив вместе все элементы, мы получаем в точности PTOLEMAIOS, самоё греческое имя; или, быть может, PTOLEMEOS [19], что более естественно звучало бы в коптском языке. Незначительные изменения этого слова в различных частях энхорического текста можно рассматривать как выражение своего рода придыханий или акцентуаций.

Анализ имени Береника[1]

Супругой Птолемея Сотера[2] и матерью Филадельфа[3] была БЕРЕНИКА, чье имя обнаружено на одном из плафонов в Карнаке, в следующей фразе: „Птолемей и . . .Береника, боги—спасители“. В этом имени мы, повидимому, имеем еще один пример комбинированного слогового и алфавитного письма, по своим приемам не слишком отличающегося от той нелепой смеси из слов и предметов, какою иной раз забавляются дети, ибо — хотя, по всей вероятности, это сравнение и возбудило бы негодование Уорбертона[4] — поистине справедливо, что иногда „от великого до смешного один шаг“. Первый знак этого иероглифического имени имеет точно такую же форму, как корзина, изображенная в Бибан-эль-Молуке[5] и названная в Description[6] „panier à anses“[7]; в коптском языке корзина — это BIR. Овал, похожий на глаз без зрачка[8], означает в другом месте „to“[9], что в коптском языке передается через E[10]; волнистая линия[11] означает „of“[12] и должна быть передана через N[13]; перья[14] — I; маленькая скамейка для ног[15], повидимому, является лишней; гусь[16] — это KE или KEN; Кирхер[17] дает нам KENESOÜ для гуся; но ESOÜ означает домашний, вероятно, в противоположность египетской дикой утке, а основное слово близко к названию гуся во многих других языках. Следовательно, мы имеем буквально BIRENICE, или, если следует вставить N, винительный падеж BIRENICEN[18], который легко мог быть смешан египтянами с именительным. Заключительные знаки являются просто окончанием женского рода.

Фонетические иероглифы

Фонетические знаки в соответствии с теми данными, которые могут быть извлечены из слов Береника, Птолемей, грек и некоторых других, дадут нечто вроде иероглифического

Фиг. 3. Составленная Юнгом таблица фонетических иероглифов.

алфавита [1], который, однако, составлен нами только как образчик способа выражения звуков в некоторых особых случаях, но не в качестве алфавита, имеющего всеобщее применение там, где есть необходимость в звуках.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Среди новаторов науки почетное место занимает Ж.-Ф. Шампольон, рассеявший, более 125 лет тому назад, туман мистицизма, скрывавший веками подлинный облик древнего письма страны пирамид и преграждавший тем самым доступ к сокровищнице одной из мощных культур человечества.

Открытие Шампольоном ключа к чтению письма древнего Египта дало историкам возможность изучить историю и культуру, пожалуй, первого по времени цивилизованного народа мира, преодолевшего варварство на несколько тысячелетий раньше, нежели греческий народ, и даже задолго до рождения эгейской цивилизации, созданной до-греческим населением Греции. Однако Шампольон в своем утверждении, что „истоки нашей современной цивилизации“ мы должны искать в Египте (см. стр. 78 настоящей книги), переоценивал роль египетской культуры в истории человечества. В этом его ошибка.

Созданная Шампольоном новая научная дисциплина — египтология — вызвала к жизни многочисленные экспедиции, исследующие древнейшие памятники долины Нила и обогатившие историю человечества новыми замечательными источниками. Были созданы трудами русских ученых ценнейшие, пользующиеся мировой известностью собрания памятников древнего Египта в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и в Государственном Эрмитаже.

Советские ученые вместе с Марксом и Энгельсом называют историю „единственной наукой“, так как только при историческом подходе возможно подлинно научное изучение закономерностей природы и общества. Поэтому у нас так велик интерес к истории науки вообще и к истории любой специальной дисциплины в частности. Естественно поэтому, что история египтологии также привлекает внимание нашей научной общественности. До настоящего времени у нас, к сожалению, не было обстоятельного исследования, которое давало бы достаточно полное и строго научное, но в то же время и доступное не только одним специалистам-египтологам изложение открытия Шампольона, способствовавшего развитию ряда исторических дисциплин.

Настоящее издание заполняет этот пробел и знакомит советского читателя с открытием, которое встретило глубокое понимание уже среди русских ученых, современных Шампольону. Именно в России, давшей миру гениальных представителей во всех областях науки, литературы и искусства, сразу же, раньше, чем во многих странах Западной Европы, сумели по достоинству оценить все значение открытия Шампольона. В связи с данным фактом надлежит, я полагаю, подчеркнуть со всей решительностью и тот момент, что русские ученые, как справедливо указано в статье И. Г. Лившица,[1] питали к истории и культуре древнего Египта подлинный научный интерес, „в то время как во Франции и в Англии интерес к долине Нила был обусловлен устремлениями их колониальной политики. Так, наполеоновский поход в Египет имел, как известно, целью захват Египта и Сирии, — государств, издавна привлекавших французских правителей как своими природными богатствами, так и своим географическим положением, столь важным в стратегическом отношении“.

В труде И. Г. Лившица даны те два исследования Шампольона, которые знаменуют собой важнейшие вехи на его

---

[1] См. ниже, стр. 231.

творческом пути. Одной из самых важных работ французского ученого, открывшей ему путь к решению столь мучившей его загадки, было его знаменитое „Письмо к г. Дасье о египетском иероглифическом алфавите“, в котором впервые была изложена суть его открытия. Это исследование Шампольона не было до сих пор переведено на русский язык, точно так же, как и вторая его важная работа, „Вступительная речь“ к курсу археологии, которая была произнесена им менее чем за год до смерти. В „Речи“ Шампольон излагает свои взгляды, исходя из доступных в его время материалов, на место египтологии в ряду других наук и намечает перспективы этой новой науки. Таким образом, в публикуемой книге даны первая работа, излагающая открытие Шампольона, и последняя — в которой он как бы подводит итоги своей научной деятельности.

И. Г. Лившиц, подходя к вопросу о дешифровке египетского письма с максимальной полнотой, включил в настоящее издание также отрывки из статьи Томаса Юнга „Египет“ (1819 г.), которые касаются египетского иероглифического алфавита и представляют с точки зрения истории египтологии большой интерес. Физик Юнг был вместе с тем одим из наиболее крупных предшественников Шампольона. Хотя он и не разрешил проблемы чтения иероглифических надписей, однако Шампольон отмечает в своих трудах наряду с ошибками, допущенными этим ученым, в то же время и те несомненные заслуги, которые Юнг имеет в области дешифровки египетского иероглифического письма (см. стр. 20—21 и 71 настоящей книги). В статье и в комментариях И. Г. Лившица, крупного советского египтолога, дается наиболее полное из всех существующих, основанное на изучении первоисточников, изложение истории египтологии, начиная с предшественников Шампольона и кончая трудами французского ученого. В данной статье прекрасным знатоком материала дается подробное изложение основного труда Шампольона „Очерк иероглифической системы“, без знакомства с которым невозможно полу-

чить ясное представление о ходе исследования и подлинных взглядах Шампольона на возникновение, историю развития египетского иероглифического письма и его связях с другими видами письма страны пирамид.

Акад. Н. Я. Марр указывал, какой гигантский шаг сделала наука от первых достижений дешифровки Шампольоном иероглифов до успехов египтологии нашего времени, когда исторгнутое из мира забвения древнее письмо дает нам возможность изучить тексты, повествующие о восстании в Египте бедняков и рабов за много веков до нашей эры. Один из таких текстов, свидетельствующий о первом известном нам в истории крупном социальном движении, вызванном жестокой эксплоатацией народных масс, хранится в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже, и научная разработка этого текста является плодом исследовательской пытливости советских ученых. Труды этих ученых говорят о той интенсивной работе, которая ведется у нас в области изучения и производственных отношений и надстроечных явлений древнеегипетского общества, а также издания египетских памятников. В данной связи надлежит назвать исследования советских египтологов В. И. Авдиева, В. И. Евгеновой, И. Г. Лившица, И. М. Лурье, М. Э. Матье, В. В. Павлова, Ю. Я. Перепелкина, Н. Д. Флиттнер, И. Г. Франк-Каменецкого, Ю. П. Францова и др.

Акад. *В. В. Струве.*

И. Г. ЛИВШИЦ

ДЕШИФРОВКА ЕГИПЕТСКИХ ИЕРОГЛИФОВ ШАМПОЛЬОНОМ

I. Предшественники Шампольона

1. Писатели классической древности и ученые XVII—XVIII вв.

Когда говорят о дешифровке египетского письма, то обычно имеют в виду те высеченные на камне знаки, в которых, наряду с изображениями фантастических существ и геометрических фигур, можно, в большинстве случаев, легко узнать изображения людей, животных, растений, небесных тел и других творений природы, а также предметов, являющихся результатом деятельности человека (строений, орудий труда, оружия, домашней утвари, музыкальных инструментов и т. п).

Действительно, эти живописные фигурки, в огромном количестве усеивающие поверхность колонн и стен храмов, гробниц и других древнеегипетских памятников, перемешанные между собой, на первый взгляд, в таком хаотическом беспорядке, казалось бы никак внутренне друг с другом не связанные, издавна привлекали к себе внимание ученых и путешественников, попадавших в Египет. Уже в сочинениях греческих и римских авторов, нередко считавших эту страну родиной

письма, встречается, наряду с данными по истории и религии египтян, немало — иногда довольно глубоких, иногда поверхностных — наблюдений и различных теорий, касающихся графической системы древнего народа. И, по большей части, эти наблюдения и теории связаны с вопросами о значении и происхождении загадочных знаков, известных под названием иероглифов,[1] другие же виды египетского письма затрагиваются, и при том далеко не всеми авторами, лишь вскользь. Отдельные замечания о египетском письме, которые мы встречаем у Геродота и Плотина, Цицерона и Диодора Сицилийского, Страбона и Плиния старшего, Тацита и Платона, Аммиана Марцеллина и Макробия (называем лишь некоторых из писателей классической древности),[2] постоянно привлекались исследователями, пытавшимися прочитать египетские иероглифы, и сыграли известную роль в деле их дешифровки. Ссылки на многих из этих авторов мы неоднократно встречаем в основном труде Шампольона.[3] Однако дешифровка иероглифов явилась лишь завершением длительного процесса исканий, а первые серьезные успехи в деле изучения египетского письма связаны с тем его видом, который известен под названием письма демотического[4] и знаки которого, казалось бы, даже отдаленно не напоминают иероглифы.

Основные вопросы, без разрешения которых невозможно было достичь понимания египетских надписей и текстов, можно свести к следующим трем вопросам.

Во-первых: сколько видов египетского письма существовало в древности?

---

[1] Наиболее поздняя из дошедших до нас иероглифических надписей датируется временем правления римского императора Феодосия I (379—395).

[2] P. Marestaing. Les écritures égyptiennes et l'antiquité classique. Paris, Geuthner, 1913.

[3] J. F. Champollion. Précis du système hiéroglyphique.

[4] Последние по времени демотические тексты относятся к эпохе императора Восточной Римской империи Зенона (474—491).

Во-вторых: являлись эти виды письма обособленными одна от другой системами или же они находились между собой в какой-то связи?

В-третьих: какова природа древнеегипетских письмен — передавали они понятия (т. е. были идеографическими знаками) или звуки (т. е. являлись фонетическими знаками); если они являлись фонетическими знаками, то какой они имели характер: алфавитный или слоговой?

Манефон говорил только об одном виде древнеегипетского письма, Геродот и Диодор Сицилийский — о двух, Климент Александрийский — о трех.

Общим мнением в древности было, что иероглифы передают понятия, а не звуки. При этом обычно полагали, что идеи, содержащиеся в написанных при помощи этих знаков текстах, непременно носили чрезвычайно глубокий характер и были связаны с тайными учениями египетских жрецов и философов. Еще Плотин писал о символических, не звуковых, знаках,[1] которыми пользовались египетские мудрецы для передачи своих знаний.[2] Апулей[3] говорит о „чудных письменах египетских“, об „удивительных египетских иероглифах“ и упоминает о „книгах, исполненных письмен совсем неизвестных“, заключавших „в коротких словах весь смысл и все содержание священных таинств и молитв; из них одни изображены были в виде различных зверей; другие составляли из себя неразрешимый узел, иные были круглые наподобие колеса, иные извиты различным образом; и сие для того единственно, дабы непросвещенные, будучи любопытны, не могли ничего понять в сиих книгах“.[4]

Наибольшего развития аллегорическое толкование иероглифов достигло у Гораполлона, египтянина, жившего в IV в.

---

1 ἀγάλματα.

2 Marestaing, ук. соч., стр. 103.

3 Золотой осел. Перев. Е. Кострова, изд. 3-е, М., 1911, стр. 372, 377—378.

4 Золотой осел, стр. 385—386.

нашей эры и написавшего, повидимому на коптском языке, сочинение, переведенное на греческий язык Филиппом, под названием Hieroglyphica.[1] Несмотря на то, что значение многих иероглифов указывается в этом труде правильно, приводимые автором причины, по которым тот или иной из них якобы получил свое значение, возможно и отражавшие взгляды его современников по этому вопросу, не имеют ничего общего с действительностью, а принцип объяснения иероглифов как символических знаков, каждый из которых самостоятельно выражает какую-либо мысль, давал полную волю фантазии. По этому именно пути и пошли в дальнейшем исследователи, совершенно игнорируя указания Климента Александрийского[2], на наличие в египетском письме звуковых элементов.[3] Они без колебания присваивали небольшому количеству знаков, объясненных Диодором Сицилийским, Гораполлоном, Климентом Александрийским, Плутархом, Евсевием, те значения, часто противоречившие друг другу, которые им давали эти писатели. Что же касается огромного количества других знаков, не объясненных древними авторами, то каждый угадывал в них то, что ему хотелось в них видеть.[4]

Ярким выразителем этого направления в области изучения египетских древностей был иезуит Афанасий Кирхер (1602—1680 гг.), следовавший Гораполлону в отношении толкования египетских письмен и полагавший, что ему удалось постичь тайную премудрость и распознать демонологические учения,

---

[1] Оригинал этого сочинения не сохранился.

[2] Тит Флавий Климент (ок. 150 — ок. 217 гг.). Ученый богослов александрийской школы.

[3] Шампольон объясняет факт отсутствия каких-либо указаний на наличие в египетском письме звуковых элементов со стороны многочисленных древних авторов, касавшихся вопросов египетского письма, тем обстоятельством, что египетские фонетические знаки, не представлявшие ничего принципиально нового по сравнению с их собственным фонетическим письмом, не вызывали у них никакого интереса, а все их внимание было сосредоточено на письменах нового, неизвестного типа.

[4] Précis², стр. 434—435.

скрытые от непосвященных многочисленными иероглифическими текстами на обелисках, статуях, амулетах и т. п. Для иллюстрации метода Кирхера Шампольон привел два примера из переводов иероглифических надписей, сделанных ученым иезуитом. Один из этих примеров, с тех пор неизменно фигурирующий во всех исторических очерках, посвященных дешифровке египетских иероглифов, касается заключенной в картуш группы, состоящей из семи знаков, находящейся на одном из римских обелисков и передающей, как это впервые установил Шампольон, греческий титул императора Домициана „автократор“.[1] Кирхер же в этих иероглифах, каждый из которых в действительности передавал лишь один определенный звук, прочитал следующее: „Осирис — создатель плодородия и всей растительности, производительную способность которого низводит с неба в свое царство святой Мофта“. Второй пример является переводом другой, более обширной, группы иероглифов, находящейся на том же самом римском обелиске и означающей в действительности „Цезарь Домициан Август“. Кирхер же переводит ее длинной латинской фразой с таким туманным смыслом, что Шампольон дает лишь латинский текст, не решаясь перевести его на французский язык „из боязни, — как он иронически замечает, — не уловить мысли Кирхера, если предположить, что он сам вкладывал в них [т. е. в свои слова] таковую“.[2]

После Кирхера и под сильным его влиянием, вплоть до XIX в., в работах, трактовавших вопросы египетского письма, попрежнему развивались теории, не имевшие ничего общего с подлинной наукой, и продолжала преобладать точка зрения большинства древних авторов, получившая широкое распространение и вне круга людей, специально интересовавшихся египетскими иероглифами. Наиболее сжато и в то же время ясно эта точка зрения выражена шведом Страленбергом (Табертом) в изданном им в 1730 г. в Стокгольме труде, посвя-

---

[1] αὐτοκράτωρ, „самодержец“.

[2] Précis², стр. 436—437.

щенном, в основном, историко-географическому описанию северо-восточной части России и Сибири.[1] Говоря о наскальных изображениях Сибири и определяя их термином „иероглифы“,[2] он поясняет, что под последними следует понимать „обозначающие нечто сокровенное символы и письмена, какие были в употреблении у египтян, скрывавших в них тайны своей религии“.[3]

Всего на пять лет раньше работы Страленберга появилось первое издание книги Вико,[4] в которой утверждалось, что „нужно искоренить то ложное мнение, будто иероглифы были изобретены Философами, чтобы скрыть в них тайны высокой Мудрости, как думали Египтяне“.[5] Однако призыв итальянского ученого, зло высмеявшего Кирхера,[6] не нашел отклика,[7] и долгое время Египет, памятники которого поражали своей грандиозностью воображение европейцев, продолжал считаться страной чудес.

Если даже в двадцатом столетии могла существовать теория, по которой строители большщой пирамиды Хеопса в Гизе

---

[1] Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der Grossen Tatarey in sich begreiffet... von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm, 1730.

[2] „Hieroglyphica oder Hieroglyphische Figuren“. Критику фактического материала, приводимого Страленбергом, см. у И. Т. Савенкова (О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки. Труды XIV Археологического съезда в Чернигове, 1908, т. I, М., 1910), стр. 68 сл.

[3] Страленберг, ук. соч., стр. 362.

[4] Джамбаттиста Вико. Основания новой науки об общей природе наций. Перев. и коммент. А. А. Губера, под общей ред. и со вступ. статьей М. А. Лифшица, ГИХЛ, Л., 1940.

[5] Там же, стр. 161.

[6] Там же, на стр. 257, говорится о „безумии“ утверждения Кирхера, по которому „Памфильский Обелиск означает Святую Троицу“.

[7] Позднее аналогичное мнение высказал де-Бросс в труде, озаглавленном „О механическом составе языков“. Однако и его голос не был услышан специалистами. О де-Броссе, в связи с изучением иероглифов, см. ниже, стр. 197 сл.

создали этот памятник (почти за три тысячелетия до нашей эры) исключительно для того, чтобы хранить в нем образец нормальной единицы измерения, своего рода „эталон“, якобы воплощенный в каменном саркофаге фараона,[1] то не приходится удивляться появлению в 1789 г. книги, содержащей не менее фантастическую, хотя и совершенно иного характера, теорию происхождения египетских пирамид.[2] Автору работы, ростокскому профессору, представлялось невероятным, чтобы человеческие руки могли воздвигнуть столь огромное сооружение, и поэтому он совершенно серьезно доказывает, что эти памятники, так же как и развалины Персеполя, являются творениями природы и появились в результате вулканических извержений. Не столь решительно, но все же в виде предположения, заслуживающего внимания, он высказывает мнение об аналогичном происхождении египетских обелисков. Что же касается надписей на этих обелисках, то в их образовании, — продолжает автор, — повидимому, принимали участие особого рода улитки, которые точат камень.[3]

О иероглифических текстах высказывались самые противоречивые взгляды. Одни видели в них только древнее средство орнаментального характера[4] (выдававшееся впоследствии египетскими жрецами, злоупотребившими доверчивостью народа, за таинственные, лишь им одним доступные письмена) или же рассматривали иероглифы и произведения египетского искусства как „многочисленные эмблемы, относящиеся исключительно к астрономии, календарю и земледельческим рабо-

---

1 L. Borchardt. Gegen die Zahlenmystik an der grossen Pyramide bei Gise. Vortrag, gehalten in der Vorderasiatisch-ägyptischen Gesellschaft zu Berlin am I Februar 1922, Berlin, Verlag von Behrend & C°, 1922, стр. 3.

2 Samuel Simon Witte. Ueber den Ursprung der Pyramiden in Egypten und der Ruinen von Persepolis, ein neuer Versuch, Leipzig, in der J. G. Müllerischen Buchhandlung. 1789.

3 Там же, стр. 182—183.

4 *Dissertation sur l'écriture hiéroglyphique*, par l'abbé Tandeau de Saint-Nicolas, Paris, Barbou, 1762, in-8°. См. Précis[2], стр. 305.

там".[1] При этом иногда египетским памятникам приписывалась необычайная древность. Другие [2] считали иероглифические тексты целиком состоящими из символических знаков и полагали, что на стенах египетского храма в Дендера начертан „перевод сотого псалма Давида, составленный для того, чтобы побудить народы войти в храм божий".[3] Больше того, в труде, вышедшем в год, предшествовавший опубликованию открытия Шампольона, заявлялось, что египетские тексты содержат главы из Библии,[4] а все иероглифы рассматривались попросту как буквы, передающие слова еврейского, а не египетского языка.[5] Нередко при этом авторы подобных исследований принимали за подлинные иероглифы фигуры, вовсе таковыми не являвшиеся и взятые из различных сцен, изображенных на барельефах египетских храмов.[6]

Наряду с такими взглядами, в XVIII в. — и даже раньше — высказывались некоторые правильные соображения и делались

---

[1] Аббат Плюш (Pluche, *Histoire du ciel*, de l'ecriture symbolique des Égyptiens, t. I). См. Précis[2], стр. 438—439.

[2] См., напр., анонимную пятитомную работу, изданную в Париже в 1612 г. под заглавием: De l'étude des hiéroglyphes.

[3] Там же, т. IV, стр. 22, 27 сcл. Цитирую по Précis[2], стр. 439.

[4] H. Hartleben. Champollion, sein Leben und sein Werk. Berlin, 1906, т. I, стр. 366.

[5] P. Lacour. Fragmens. — Essai sur les hiéroglyphes égyptiens. Bordeau, Brossier, 1821. — Автор убежден в том, что египтяне исповедовали религию евреев (стр. XIII), а „еврейский язык был тем языком, на котором говорили в Египте в ту эпоху, когда, под предводительством Моисея, евреи покинули эту страну после четырехсотлетнего пребывания в ней" (стр. 1).

Буквы еврейского письма, так же как и греческого, он возводит к египетским иероглифам, причем нередко включает в число последних египетские изображения, вовсе не являющиеся знаками письма. Так, букву S, еврейское ס, он выводит из египетского изображения змеи и полагает, что указанная буква, имитирующая, по его мнению, змею, „выражает шипение этого пресмыкающегося". Еврейскую букву ש (š) он считает имитацией египетской фигуры, и т. п. См. ук. соч., стр. 48.

[6] Précis[2], стр. 438—439.

ценные наблюдения. Так, еще Афанасию Кирхеру принадлежит необычайно плодотворная, использованная впоследствии так успешно Шампольоном, мысль о необходимости привлечь к изучению иероглифов язык христианского Египта, коптский.

В 1738 г. появилась работа английского протестантского епископа Уорбертона,[1] часть которой была посвящена изложению теории происхождения и развития египетского письма, почти буквально воспроизведенной затем в Энциклопедии Дидро и Даламбера.[2] Автор работы, указав на ошибку Кирхера, рассматривавшего египетские иероглифы исключительно как средство, придуманное жрецами для того, чтобы скрывать от народа их тайные учения, дает, исходя главным образом из указаний древних авторов, свою теорию происхождения этих письмен.

В основе всякого письма (так же как в основе звуковой речи), — пишет Уорбертон, — лежит образ, воспринимаемый человеком посредством зрения (или слуха). Возникновение и развитие письма и звуковой речи относится к глубокой древности и является следствием „природы и необходимости", — необходимости, вызванной потребностями всего народа, — а не результатом произвольного акта, совершенного людьми лишь на очень высокой ступени развития человеческого общества в интересах небольшой замкнутой общественной группировки, как это неизбежно следовало бы признать, если придерживаться теории Кирхера. Первым и самым простым средством, при помощи которого люди научились запечатлевать свои мысли, —

---

[1] Warburton. Divine Legation of Moses, Demonstrated on the Principles of a Religious Deist, часть I, 1738. — Извлечение из этой работы, касающееся вопросов письма, было издано в 1744 г. в Париже на французском языке. (Essai sur les hiéroglyphes des Égyptiens...).

[2] Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des metiers, par une société des gens des lettres..., т. 5, A Paris, 1755, статья „Письмо", стр. 358—360, и статья „Египетское письмо", стр. 360—361; т. 9, Neuf-châtel, 1765, статья „Иероглиф", стр. 205—206.

продолжает автор, — были примитивные рисунки вроде тех, какие применяли мексиканцы. Однако эти грубые изображения, дававшие очень несовершенное представление о человеческих деяниях, которые они были призваны сохранять в памяти народа, занимали слишком много места. По этой, а не по какой-либо иной причине народы, достигшие сравнительно высокого уровня культуры и нуждавшиеся в широком применении письма, придумали другие, более совершенные и в то же самое время сравнительно более экономные способы графической передачи своих мыслей. Один из таких способов и привел к созданию египетских иероглифов, являющихся уже не просто рисунками, а рисунками и одновременно письменными знаками.

Схема истории развития египетского письма, как она изложена в труде Уорбертона, предусматривает три этапа в развитии этой графической системы.

Первый этап характеризуется указанным только что превращением грубых примитивных рисунков в рисунки-письмена, т. е. в иероглифы. Это превращение осуществлялось в течение трех, следовавших один за другим, периодов времени тремя различными, отличающимися один от другого по степени их совершенства, приемами, в основе которых лежало употребление тех или иных графических образов в переносном значении.

Полученные таким путем собственно иероглифы, двух видов, каждому из которых был свойствен особый способ передачи понятий, первоначально служили для удовлетворения нужд гражданской жизни. Позже, в целях использования этой системы письма в трактатах религиозно-философского содержания, сохранявшегося в тайне от непосвященных, жрецы внесли в нее изменения и создали новую, недоступную народу систему, состоявшую из символических иероглифов двух (так же как и собственно иероглифы) видов, различавшихся по способу передачи понятий. Это — второй этап в развитии египетского письма.

В результате дальнейшего усложнения разрабатывавшихся жрецами религиозных и философских доктрин возникла необходимость в еще более быстром и более экономном письме, чем применявшееся до сих пор. Так появился переходный — от иероглифов к скорописи — тип письма, который Уорбертон называет беглым иероглифическим письмом. Последнее применяло уже не реалистические изображения предметов внешнего мира, как прежде, а письмена, передававшие лишь контуры этих предметов. Постепенно, все больше и больше схематизируясь, эти письмена превращались в род знаков, почти вовсе не напоминавших иероглифы, от которых они произошли. Все приведенные виды египетского письма состояли из знаков заместителей „предметов, а не слов“.

Длительное употребление символических иероглифов, особенно их последней, по времени возникновения, разновидности — письмен, в которые превратились контурные иероглифы, — способствовало постепенному отвлечению внимания египтян от изобразительной стороны символического знака. На передний план выдвинулась функция этого знака, заключавшаяся в передаче определенного понятия. Тем самым было подготовлено создание системы письма, качественно отличного от иероглифического, — письма, элементы которого, являвшиеся уже заместителями „слов, а не предметов“, наиболее совершенно передавали понятия. Из символических знаков-иероглифов возникли знаки-буквы, составившие алфавитное письмо, необходимость в котором остро ощущалась египтянами в связи с возросшими потребностями государственного административного аппарата. Таким образом был достигнут последний, третий этап в развитии египетского письма. С течением времени появился второй вид египетского алфавита, применявшийся — в отличие от первого, общенародного — только жрецами.

Из приведенной схемы видно, что Уорбертон разделял ряд заблуждений своих предшественников и современников в трактовке некоторых вопросов, связанных с проблемой развития

египетского письма. Так, например, он приписывал иероглифам только идеографический, а египетской скорописи — исключительно алфавитный характер, причину возникновения некоторых видов египетского письма он усматривал в стремлении жрецов скрыть от народа свои тайные учения, и т. д. Наряду с этим он пришел к совершенно правильному выводу о существовании у древних египтян туземной скорописи, генетически связанной с иероглифами.[1] Это положение, являющееся необходимой предпосылкой для успешного изучения письма древнего Египта, почти полностью игнорировалось учеными до появления исследований Юнга и Шампольона. Уорбертон распознал также наличие еще одного вида египетского письма, который он, так же как впоследствии Шампольон, назвавший этот вид „линейным", считал переходным от иероглифов к скорописи.[2]

Тем не менее, практического значения для дешифровки египетских иероглифов труд Уорбертона не имел, вследствие того что английский епископ подходил к изучаемому вопросу только теоретически, без привлечения данных подлинных египетских памятников, известных в то время почти исключительно по небольшому числу неточных воспроизведений. В результате он допустил кардинальную ошибку, полагая, что каждый из установленных им типов египетских письмен (собственно иероглифы, символические иероглифы, алфавитные знаки) образовывал обособленную систему.

---

[1] Эту мысль высказывали после него и другие ученые XVIII в.: французский ученый де-Гинь (см. ниже), ростокский профессор Тихсен, посвятивший специальное исследование египетскому письму (Tychsen. Ueber die Buchstabenschrift der alten Aegypter. Bibliothek der alten Litteratur und Kunst. Herausgegeben von T. C. Tychsen und A. H. L. Heeren, Sechstes Stück. Göttingen, 1789, стр. 1—63).

[2] В приведенном Уорбертоном, на табл. V к стр. 140 первого тома французского издания его работы, примере этого переходного вида египетского письма, заимствованном им из труда Кирхера, Oedipus Aegyptiacus, даются знаки из надписи на флорентийском обелиске, являющейся фальсификацией.

Много места уделял в своих исследованиях египетскому письму профессор сирийского языка в Коллеж де Франс — Жозеф де-Гинь. Он, так же как и до него Гюэ, считал, что китайцы — выходцы из Египта. Китайское письмо, по мнению французского семитолога, — египетского происхождения, а иероглифы обитателей долины Нила являются не чем иным, как письмом первых людей, тщательно сохраненным египтянами, говорившими на языке этих первых людей, из которого произошли все другие восточные языки.[1]

Сопоставляя некоторые группы древних китайских иероглифов с египетскими, исходя при этом из их внешнего сходства, де-Гинь приходит к заключению, что „древние китайские письмена должны дать нам истолкование памятников Египта" и что „древний китайский словарь становится для нас египетским словарем".[2] Иначе говоря, по его мнению, к чтению и пониманию египетских иероглифов можно притти путем изучения древнего китайского письма.[3]

Несмотря на эту ложную предпосылку о тожестве китайского и египетского письма, явившуюся следствием ошибочного взгляда на происхождение китайцев, французский ученый высказал в отношении графической системы древних египтян целый ряд правильных соображений как общего, так и частного характера. Де-Гинь первый совершенно четко сформулировал мысль, что египетское письмо не всегда передавало гласные звуки,[4] — мысль, недооценка которой явилась впоследствии одной из причин, обусловивших неудачу попыток де-

---

1 De Guignes. Essai sur le moyen de parvenir à la lecture et à l'intelligence des hiéroglyhes égyptiens (Assemblée publique de Pâques, 1766). — Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles Lettres, avec Les Mémoires de Littérature tirés des Registre de cette Académie..., т. XXXIV, Paris, 1770, стр. 13—14.

2 Там же, стр. 25.

3 Там же, стр. 47.

4 Там же, стр. 41: письменные системы некоторых восточных народов „имеют с египетским письмом то общее, что они не выражают гласных...".

Саси, Окерблада и Юнга прочитать египетские надписи. Де-Гиню ясна была и генетическая связь египетской скорописи с египетскими иероглифами. Он считал также, что в египетских текстах должны были существовать особые знаки вспомогательного характера, которые, наподобие 214 ключей китайского письма, присоединялись к иероглифу, изображавшему тот или иной предмет или живое существо, и „определяли“[1] смысл, в каком надлежало понимать этот первый иероглиф, допускавший несколько толкований. Наконец, к числу правильных, в основном, догадок французского ученого относится и его предположение о том, что встречающиеся на египетских памятниках „овалы“ (носящие в современной египтологии название картушей) со вписанными в них иероглифами должны передавать собственные имена. Де-Гинь исходил при этом опять-таки из данных китайского письма, в котором аналогичные овалы обрамляли „либо собственное имя, либо титул“.[2] Следует однако заметить, что применение вспомогательного знака такого рода в китайской иероглифике является сравнительно редким и, кроме того, носит иной характер, чем в Египте. В египетских текстах всех времен, начиная с древнейших эпох и до периода греко-римского владычества, картуши содержат в себе, как увидим ниже, имена и титулатуру царей. В Китае эти овалы, несколько иной формы, чем египетские картуши, встречаются только в словарях и учебных пособиях, причем содержат в себе имена авторов литературных произведений и названия этих произведений.[3]

Наличие овалов, или картушей, на египетских памятниках отмечено было уже в „Древностях“ Келюса,[4] вышедших в свет

---

1 Де-Гинь, ук. соч., стр. 7. — Об „определителях“ или „детерминативах“ см. ниже, стр. 219 сл.

2 Де-Гинь, ук. соч., стр. 9.

3 Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность академику В. М. Алексееву, которому я обязан этими сведениями.

4 Recueil d'antiquités égyptuennes, etrusques, grecques, romaines et gauloises, т. V. A Paris, 1762, стр. 79.

за четыре года до того, как де-Гинь читал в Академии надписей указанное выше сообщение о египетских иероглифах. Наблюдение это принадлежит аббату Бартелеми, на которого и ссылается издатель „Древностей".[1] Подобное же мнение о назначении картушей в иероглифических текстах высказывал и датский ученый Георг Соэга, написавший большой труд, посвященный римским обелискам. Подвергнув критическому разбору исследования своих предшественников о египетском письме (Уорбертона, де-Гиня и др.) и отчасти исходя из этих исследований, он высказал предположение о существовании среди иероглифов знаков фонетического характера.[2] Вместе с тем, роль фонетических иероглифов в системе египетского письма осталась Соэге неясной, и он приписывал им очень ограниченное применение в египетских надписях.

Соображения об алфавитном характере некоторых категорий иероглифов высказывал еще шведский естествоиспытатель, ученик Линнея, Форсколь,[3] участник путешествия К. Нибура в Аравию.[4]

Карстен Нибур, с чьим именем связана и история дешифровки клинописи, также полагал, что среди иероглифов есть алфавитные знаки. Он указал на необходимость привлечь к изучению египетского письма данные коптского языка и обратил внимание на то обстоятельство, что как греческие авторы, так и современные путешественники нередко принимали за иероглифы фигуры на различных барельефах, изображенные рядом с подлинными иероглифами. Для того чтобы положить

---

[1] Бартелеми считал, что в картушах египтяне писали имена царей и богов. Он высказывал также предположение о возможной связи египетской скорописи с иероглифами.

[2] Georg Zoëga. De origine et usu obeliscorum, Romae, 1797, стр. 374, 465, 469.

[3] Peter Forskål, 1732—1763.

[4] Beschreibung von Arabien. Aus eigenen Beobachtungen und im Lande selbst gesammelten abgefasset von Carsten Niebuhr. Kopenhagen, 1772, стр. 90—91.

начало систематической работе по установлению числа подлинных иероглифов, которую он рассматривал как первый этап исследования египетского письма, Нибур дал в своем труде, описывавшем его путешествие на Восток, таблицу — конечно, очень несовершенную — отдельных знаков, срисованных им с подлинных египетских памятников.[1]

За несколько десятилетий до опубликования труда Нибура русский путешественник В. Г. Барский, посетивший Египет в 1727 и в 1730 г., с исключительной для своего времени точностью срисовал с обелиска Тутмоса III большую иероглифическую надпись.[2]

Алфавитными знаками считал египетские иероглифы и петербургский ученый И. Кох.[3]

Однако эти правильные наблюдения терялись в массе соображений, носивших более или менее случайный характер, являвшихся результатом теорий, базировавшихся не на систематическом изучении подлинных египетских текстов, а на априорных построениях. Три основных вопроса (о количестве видов египетского письма, об их взаимосвязи и о природе знаков, которые применялись этим письмом), стоявших перед исследователями, попрежнему оставались неразрешенными. Все попытки читать иероглифы не имели успеха, и в конце XVIII в. в глазах большинства серьезных ученых дело казалось настолько безнадежно скомпрометированным, что дальнейшая работа в этом направлении рассматривалась как напрасная трата вре-

---

[1] C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern, Erster Band. Kopenhagen, 1774, табл. XLI.

Попытки выяснить точное количество отличающихся друг от друга по форме иероглифов делались и другими учеными и путешественниками XVIII в. Соэга насчитывал 958 таких знаков только на римских обелисках и на других египетских памятниках, находившихся в Италии, а шотландский путешественник Джемс Брюс определял количество различных иероглифов, обследованных им на месте, во время пребывания в Египте, в 514 знаков.

[2] О В. Г. Барском см. ниже, стр. 225 сл.

[3] О Кохе см. ниже, стр. 229.

мени, считалась столь же бесцельной, как попытки разрешить проблемы квадратуры круга, вечного движения и превращения металлов.[1]

И вот, когда убеждение в невозможности проникнуть в тайну загадочных письмен стало всеобщим, образованные круги Европы узнали о находке необычайной важности.

2. Розеттский камень и исследования Сильвестра де-Саси и Окерблада. „Описание Египта"

В середине июля 1799 г., во время военной экспедиции Наполеона в Египет, на левом берегу западного (розеттского) рукава Нила в процессе земляных работ по сооружению укрепления, известного нам под названием форта Сен-Жюльен,[2] руководивший этими работами молодой офицер инженерных войск экспедиционной армии Пьер-Франсуа-Ксавье Бушар обнаружил черную базальтовую плиту. На ее поверхности были вырезаны три надписи, отделенные одна от другой узкими полосками не заполненного текстом пространства. В верхней части плиты можно было легко узнать письмена, высеченные на множестве древних египетских памятников, рассеянных по всей стране. Определение характера нижней надписи не представляло никаких затруднений — она выполнена греческими буквами. Но знаки средней надписи не были известны. Первое краткое описание памятника содержится в официальном донесении, посланном военными властями в Каир.[3]

„Верхняя надпись, — говорится в этом донесении, — значительная часть которой отломана, содержит четырнадцать строк иероглифов, фигуры которых, размером в 6 линий, расположены

[1] См.: Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte... t. VI, Paris, A.-J. Dénain, 1832, стр. 429.

[2] Севернее города Розетты, находившегося, примерно, в 10 километрах от Средиземного моря.

[3] См.: Histoire scientifique et militaire de l'expedition française en Egypte..., т. VI, стр. 432.

слева направо, следуя не общему для восточных языков направлению, а направлению наших европейских языков.[1]

„Вторая надпись, под иероглифической частью, наиболее полная. Она состоит из 32 строк алфавитных письмен, которые следуют в обратном направлении по отношению к верхней надписи, и характер ее не известен.

„Третья часть, расположенная непосредственно под двумя предшествующими, является греческой надписью, выполненной архаическими буквами. Она содержит 54 строки, последние из которых лишены большей или меньшей своей части, вследствие того что от одного из нижних углов отломан треугольный кусок".

Этой плите, известной теперь под названием Розеттского камня, попавшей, вследствие неблагоприятного для французов хода военных действий, в руки англичан и хранящейся в настоящее время в Лондоне, в Британском музее, суждено было сыграть выдающуюся роль в истории науки. Даже людям, далеко стоявшим от работ по дешифровке египетских письмен, над которой так долго и безуспешно трудились многие ученые, сразу же стало ясно огромное значение находки для исследований этого рода. Еще офицеры экспедиционной армии Наполеона, познакомившиеся с памятником непосредственно после его обнаружения, высказали мнение, что все три надписи являются тожественными по содержанию и что вследствие этого удастся раскрыть секрет чтения египетских иероглифов. 19 июля в Каире, на заседании учрежденного французским правительством Института по изучению Египта, было прочитано письмо инженера Ланкре,[2] сообщавшего из Розетты о находке плиты. В письме давалось описание плиты и выражалось убеждение, что благодаря вырезанным на ней надписям станут

---

[1] Это замечание не соответствует действительности. Иероглифические знаки верхней надписи Розеттского камня идут справа налево, так же как и знаки второй надписи.

[2] Один из авторов „Описания Египта".

доступны для исследования язык, история, религия, обычаи и нравы древних египтян.[1] Это убеждение разделялось французскими учеными, находившимися тогда в Египте. В статье, помещенной в № 37 журнала Courrier de l'Égypte,[2] издававшегося в Египте, также было дано описание надписей и высказывалось предположение, что средний текст написан сирийским письмом. Здесь же сообщалось, что французский генерал Мену распорядился перевести часть греческой надписи. „Этот камень, — говорилось в заключение, — представляет большой интерес для изучения иероглифических письмен, возможно даже, что он, наконец, даст ключ к ним".

В Европе известие о находке вызвало огромную сенсацию. Интерес к египетскому письму вспыхнул с новой силой, и как только стали доступны воспроизведения Розеттской надписи, сделанные французами в Каире, ученые разных стран приступили к исследованию нового памятника, с которым связывалось столько надежд. И действительно, Розеттский камень явился тем средством, благодаря которому были дешифрованы египетские письмена и стали доступны все египетские тексты, давшие богатейший материал для новой науки, науки о древнем Египте с его измеряющейся тысячелетиями историей. Однако успех пришел не сразу. Был даже период, когда учеными вновь овладело разочарование и некоторые из них пришли к выводу о бесполезности дальнейших попыток дешифровки египетских письмен.

Из греческого текста Розеттского камня было известно, что все три надписи содержат одно и то же, относящееся к 196 г. до н. э., постановление египетских жрецов в честь правившего тогда Египтом греческого царя Птолемея V Эпифана и что эти надписи высечены „священными, туземными и эллинскими буквами" (τοῖς τε ἱεροῖς καὶ ἐγχωρίοις καὶ ἑλληνικοῖς γράμμασιν). Под „священными буквами", еще со времен Геродота и Диодора

[1] Lagier, ук. соч., стр. 7.

[2] Hartleben, ук. соч., т. II, стр. 565, где это сообщение воспроизведено.

Сицилийского, подразумевали иероглифы, из которых и состояла первая надпись плиты. Следовательно, поскольку нижняя надпись была греческой, „туземными буквами“ могла быть написана только средняя надпись памятника. Эта средняя надпись в первую очередь и привлекла внимание ученых, направивших свои усилия на ее дешифровку. Она казалась более доступной для исследования, чем иероглифическая часть плиты, вследствие большего сходства, по своему внешнему виду, с другими известными восточными письменами алфавитного характера. Некоторую роль при этом сыграло и то обстоятельство, что указанная надпись сохранилась почти полностью, в то время как значительная часть иероглифического текста погибла вследствие повреждения верхней части камня.[1]

Первые правильные наблюдения в области изучения письменных систем древнего Египта, сделанные на основании анализа средней надписи Розеттского камня, связаны с именем известного востоковеда, основателя школы французских арабистов Антуана Исаака Сильвестра де-Саси (1758—1838) и шведского ученого и дипломата Иоганна Давида Окербладa (1763—1819).

Сильвестр де-Саси имел в своем распоряжении три, различных по качеству выполнения, копии надписей Розеттского камня. Он предполагал, что при помощи греческой надписи этого памятника и данных коптского языка, правильно поставленного им в связь с языком древних египтян, ему удастся если не дешифровать полностью среднюю, известную теперь под названием демотической, надпись, то во всяком случае распознать в ней ряд слов, которые дали бы ему представление о ее языке. Результаты своих изысканий он изложил в „Письме к гражданину Шапталю“, французскому химику, занимавшему тогда пост министра внутренних дел.

Исходным моментом исследования для де-Саси послужили собственные имена, столь удачно использованные ранее Барте-

[1] Позже был найден второй экземпляр этого декрета, содержавший лишь иероглифическую и демотическую части его. См.: K. Sethe. Hieroglyphische Urkunden der griechisch — römischen Zeit, III, стр. 167 сл.

леми при открытии пальмирского алфавита и им самим в связи с изучением персидских надписей сассанидской эпохи. Из указания греческого текста Розеттской плиты, по которому все три надписи этого памятника являются одинаковыми по содержанию, он сделал совершенно правильный вывод, что в интересующей его египетской надписи должны встречаться собственные имена, упоминающиеся в надписи греческой. Если бы, — писал де-Саси, — ему удалось отыскать их в этой средней надписи, в алфавитном характере которой он не сомневался, то, разложив затем группы демотических знаков, образующих собственные имена, на отдельные составные элементы, можно было бы получить известное количество алфавитных египетских знаков, соответствующих буквам указанных имен в их греческом написании. Применив затем эти алфавитные знаки к некоторым другим словам, египетского происхождения, которые, судя по изложению греческой надписи, должны встречаться в средней надписи чаще других, — например слова „бог“, „царь“, „сын“ — и коптские эквиваленты которых были известны, можно было бы итти дальше в деле дешифровки египетского письма.

Де-Саси, считавший первоначально каждую из трех надписей буквальным переводом двух других, думал, что будет нетрудно найти в средней, демотической надписи группы знаков, передающие эти греческие собственные имена. Он полагал, что ему удастся это сделать, если он установит пропорцию между демотическим текстом, состоящим из 32 строк, и греческим, содержащим 54 строки, и затем при помощи циркуля определит в первом тексте место, соответствующее тому или иному собственному имени текста второго. И действительно, таким путем он сразу же установил группы демотических знаков, передающие имя царя А л е к с а н д р а и название города А л е к с а н д р и я, причем последнее слово было обнаружено в 10-й строке средней надписи, как раз там, где де-Саси и предполагал его встретить, а имя царя, которое, по его расчетам, должно было находиться в начале 3-й строки надписи,

стояло очень близко от намеченного для него французским исследователем места — в конце 2-й строки. Большое сходство этих двух групп знаков, — и в греческом тексте оба собственных имени отличаются одно от другого лишь окончаниями, — исключало возможность ошибки. Однако для обнаружения других греческих собственных имен в демотической надписи такой механический прием оказался непригодным, и де-Саси пришлось искать их, по его собственному выражению, „ощупью". В итоге французскому ученому удалось правильно определить группы египетских знаков, передававших имена — Александр, Птолемей, Арсиноя — и название города Александрия.[1] Но при анализе этих групп, предпринятом им с целью установления египетских алфавитных знаков, входящих в состав указанных имен, он успеха не имел.

Основной причиной неудачи явилось то обстоятельство, что, не поняв самобытного характера египетского демотического письма, он пытался анализировать его, исходя из мнимого внешнего сходства отдельных знаков или групп знаков этого письма с семитическими, а иногда и с греческими буквами. Так, в двух начальных египетских знаках имени Александр, соответствующих двум первым буквам этого имени в его греческом написании, он усмотрел первую букву древнееврейского алфавита (א). Группу египетских знаков, в действительности передающую в этом же имени греческие буквы δ, ρ и σ, он также принял за один алфавитный знак, равнозначный греческой прописной букве Ξ, и т. д. Вместе с тем, хотя де-Саси и исходил при анализе приведенных выше собственных имен из данных семитических графических систем, он не учел для египетского письма возможности, столь характерной для многих восточных письменных систем, обходиться в ряде случаев без специального обозначения гласных звуков, — возможности, о которой писал уже де-Гинь. Вследствие всего этого де-Саси, полагавший, что изучаемые им собственные

[1] Остальные группы знаков отожествлены им с другими греческими собственными именами неверно.

имена в средней египетской надписи Розеттского камня следует читать полностью, со всеми гласными, в соответствии с их греческими формами, ошибочно относил к указанным именам некоторые знаки, стоящие после этих слов и либо вовсе к ним не относящиеся, либо хотя и связанные с ними, но лишенные звукового характера; таков, например, знак для фрагмента картуша, имеющего в средней надписи Розеттского камня совершенно иной вид, чем в египетском иероглифическом письме. Де-Саси принял его за еврейскую курсивную букву алеф. Естественно поэтому, что алфавитные значения, приписываемые де-Саси знакам, полученным в результате изучения средней надписи найденного в Розетте памятника, были совершенно неправильны и попытки французского ученого читать с помощью своего алфавита египетские слова демотического текста не увенчались успехом. Он прекратил дальнейшую работу в этой области, сам признав свою неудачу, и передал копию надписи Окербладу для дальнейшего исследования. Несмотря на указанные недостатки, „Письмо к гражданину Шапталю“ сыграло положительную роль в истории дешифровки египетской графической системы благодаря установлению автором „Письма“ в демотическом тексте Розеттского камня групп знаков, соответствующих трем собственным именам греческой надписи — Александр, Птолемей, Арсиноя — и названию города Александрия.[1]

---

[1] По свидетельству авторов истории египетской экспедиции Наполеона Histoire scientifique etm ilitaire de l'expédition française en Égypte..., т. VI, стр. 435—443), к систематическому изучению Розеттского камня было приступлено сразу же после его обнаружения. Исследование памятника было поручено участникам экспедиции, молодым востоковедам Жану Жозефу Марселю (J. J. Marsel), директору французской типографии в Каире во время похода Наполеона, и переводчику Реми Рэжу (Remi Raige). Как только памятник прибыл в Каир (в середине августа 1799 г.), Марсель позаботился о том, чтобы сделать отпечатки со всех трех надписей. В январе 1800 г. работа была закончена. Один из таких отпечатков получил губернатор Каира генерал Дюгуа, отославший его в Париж, и, таким образом, вновь открытые надписи стали доступны ученым Европы.

Окерблад, предметом научных занятий которого был, наряду с другими восточными языками, коптский язык, подверг

Рэж и Марсель прежде всего транскрибировали и перевели греческий текст, благодаря чему они узнали содержание остальных двух текстов памятника, его назначение и время выполнения. Затем они перешли к своей основной задаче — к попыткам прочитать среднюю, демотическую надпись камня, в алфавитном характере которой они были убеждены. Метод, примененный ими для этой цели, в том виде, в каком он описывается составителями указанного выше труда по истории наполеоновского похода, почти полностью совпадает с методом, известным нам из „Письма к гражданину Шапталю“ де-Саси.

Ход исследования Марселя и Рэжа излагается следующим образом. Отправным пунктом для них послужили многочисленные собственные имена греческой надписи, которые надлежало отыскать в тожественной с ней по содержанию надписи египетской (демотической). Оба текста — греческий, состоящий из пятидесяти четырех строк, и египетский, — из тридцати двух строк, — были разделены при помощи циркуля на соотносительные отрезки. Каждый из таких отрезков средней надписи находился по отношению к соответствующему ему отрезку надписи греческой в математической пропорции тридцати двух к пятидесяти четырем.

После этого было подвергнуто исследованию наиболее часто встречающееся в греческой надписи (всего 11 раз) имя Птолемей. Отыскав, исходя из указанной пропорции, в египетской надписи места, соответствующие местам, на которых это имя находится в надписи греческой, исследователи действительно обнаружили во всех этих пунктах группы одинаковых знаков. Не сомневаясь теперь в том, что искомое имя в египетском тексте распознано, они приступили к его анализу с целью установления составляющих его алфавитных знаков, начав с первого, который должен был соответствовать букве P. Это предположение подтвердилось после сравнения указанного знака с первым знаком другого имени египетской надписи, соответствовавшего имени Пирра первой строки надписи греческой. Значение второго знака — эквивалента греческой буквы T — было проверено путем сопоставления с таким же знаком, соответствовавшим той же греческой букве T, в имени Аэт. Знаки для звуков L и M были установлены благодаря сравнению демотического имени Птолемея с группами демотических знаков, предположительно соответствовавших греческим именам Александр и Александрия. Таким образом, в среднем, демотическом тексте было полностью прочитано имя ΠΤΛΟΜΑΙΟΣ и при этом установлено, что „древние египтяне, так же как и большинство восточных народов, почти всегда писали вместе с согласными только большие

критическому разбору „Письмо к гражданину Шапталю" и в адресованном де-Саси „Письме о египетской надписи из Розетты" изложил некоторые выводы из своего анализа этой надписи. Из отдельных замечаний, рассеянных в „Письме" к де-Саси, видно, что автору этой работы, кроме установления в демотическом тексте двуязычного памятника ряда собственных греческих имен и некоторых других греческих, а также египетских слов, удалось правильно понять целые демотические фразы. Этого он достиг путем замены определенных групп демотических письмен соответствующими им коптскими словами. Он предложил даже совершенно правильное по смыслу

гласные, или гласные долгие, часто игнорируя в своем письме малые гласные, или гласные краткие".

Дальнейшая работа по изучению Розеттского камня, прерванная военными событиями и вызванной этими событиями эвакуацией французов из Египта и возобновленная затем в Париже, совершенно прекратилась после смерти Рэжа, последовавшей в 1810 г. Исследование Рэжа о египетском письме не увидело света. Лишь составленная им таблица демотических алфавитных знаков (некоторые из них он правильно определил) была опубликована Жомаром в „Описании Египта". В том же издании напечатана статья Рэжа о египетских зодиаках, в которой упоминается и о задуманной автором этой статьи работе о египетском языке и системах египетского письма. В указанной статье Рэж, исходя из разделявшейся тогда многими учеными теории о семитическом характере египетского языка, считает этот язык близким к языку финикийскому.

Из суммарно изложенных в истории наполеоновского похода фактов, касающихся исследований Марселя и Рэжа, можно сделать вывод, что первые серьезные успехи в деле дешифровки демотической надписи Розеттского камня (установление групп демотических знаков, передававших ряд греческих собственных имен, и алфавитный анализ указанных групп) следует связывать с именами этих ученых. Однако правильность утверждений авторов истории французской экспедиции невозможно проверить, вследствие того что исследование Рэжа о демотической надписи Розеттского камня осталось в рукописи. Что же касается демотического алфавита Рэжа, изданного Жомаром, то неясным является время его составления, а тем самым является неясным и вопрос о том, была ли известна Рэжу работа Окерблада, напечатанная в 1802 г., в которой был впервые опубликован в значительной части правильный демотический алфавит.

восстановление поврежденной последней строки греческой надписи, используя для этой цели верно понятый им демотический текст. Им был сделан целый ряд наблюдений (некоторые из них получили впоследствии свое подтверждение). Так, он распознал демотический знак для суффикса 3-го лица мужского рода единственного числа (*-f*) и поставил его в связь с имеющей ту же форму коптской буквой для звука *f*.

В иероглифической надписи Розеттского камня он указал иероглифы, означающие в ней числительные 1, 2, 3. Касался он и проблемы более широкого характера — связи египетских скорописных текстов на папирусах с письмом средней надписи изучаемого им памятника. Но все эти вопросы затрагивались им вскользь. Свою задачу в данной работе он ограничил рассмотрением небольшого числа слов, необходимых для составления демотического алфавита. При этом он пошел по уже испытанному до него пути, начав исследование с установления в демотической надписи собственных имен, известных из надписи греческой. Он разложил затем группы демотических письмен на их составные элементы и получил, таким образом, ряд алфавитных знаков. Прежде всего ему сравнительно легко удалось найти группы знаков, содержащие греческие имена Птолемей, Александр и Арсиноя и в общем совпадавшие с демотическими группами знаков, указанными для этих имен в работе де-Саси. Обнаружение в демотической надписи других греческих собственных имен — Береника, Аэт, Пирра, Филин, Ария, Диоген, Ирина — представили Окербладу бо́льшие трудности, и часть из них была распознана им лишь после установления в этой надписи значения некоторых египетских слов, находящихся рядом с указанными именами. В результате анализа греческих собственных имен, написанных демотическими знаками, шведский ученый составил — в значительной своей части правильный — алфавит, который затем, после проверки на нескольких других греческих словах, обнаруженных им в демотическом тексте, он попытался применить уже к египетским словам этого текста. В качестве вспомогательного сред-

ства Окерблад использовал теперь и данные коптской лексики, привлекая последние лишь после того, как ему тем или иным путем удавалось установить, что исследуемая группа демотических знаков действительно соответствует определенному греческому слову, с которым он ее сопоставлял, и должна иметь то же значение, что и это последнее.

Окерблад допустил в своих изысканиях две ошибки принципиального характера, разделяя их с де-Саси. Во-первых, он не учел того обстоятельства, что в египетском письме, так же как и в ряде других восточных систем письма, гласные звуки не всегда имеют соответствие в алфавитных знаках, и приписывал значение определенных гласных звуков знакам, вовсе не имевшим его. Во-вторых, он был неправ, полагая, что в демотическом письме все знаки имеют алфавитный характер. В связи с последней ошибкой он принял, как и до него автор „Письма к Шапталю", фрагмент картуша, который в демотическом письме мало отличается по своей форме от некоторых других демотических знаков, за определенную демотическую букву, с той лишь разницей, что он приписывал этому знаку одно алфавитное значение, а де-Саси — другое. Вследствие этого в алфавите Окерблада, с одной стороны, оказались знаки, отнюдь не имевшие звукового характера, с другой — некоторые подлинно алфавитные знаки получили не свойственное им значение. В итоге, Окерблад, — хотя он и правильно установил в демотической надписи ряд египетских слов и при этом, благодаря знанию коптского языка, верно понял их значение, — оказался в состоянии дать более или менее правильный алфавитный анализ лишь египетскому слову *rpjw* — „храмы" и слову *Wjnn* — „иониец", „грек".

Впоследствии, при дальнейшей разработке проблемы, те положительные данные, которые содержались в работах де-Саси и Окерблада, особенно установленный ими факт наличия в египетском демотическом письме звуковых алфавитных знаков, применявшихся, как они полагали, только при передаче иностранных собственных имен, сыграли большую роль. Однако

должно было пройти немало времени, прежде чем исследователи снова вернулись к изучению египетского письма.

Для того скептического отношения к данному вопросу, которое вновь стало характерно для большинства ученых начала XIX в., показательно письмо де-Саси к брату Шампольона, датированное 1810 г. и содержащее следующие строки: „Я не думаю, чтобы ему [Шампольону] следовало заниматься дешифровкой Розеттской надписи. Успех такого рода изысканий является скорее результатом счастливого стечения обстоятельств, чем следствием упорной работы, которая иной раз заставляет принимать иллюзию за действительность“.[1]

В течение многих лет не было никаких новых достижений как в области изучения демотической надписи Розеттского камня, так и в области исследования египетского письма в целом. Появлявшиеся время от времени работы не имели никакой научной ценности. Анализ фактического материала снова уступил место беспочвенным гипотезам, причем иной раз авторы исследований о египетском письме даже ставили себе в заслугу то обстоятельство, что их труды написаны без всякой предварительной подготовки, как бы по наитию. Особенно характерны в этом отношении слова, предпосланные графом Палином его брошюре, посвященной анализу иероглифической надписи Розеттского камня[2] и законченной им, по его собственному утверждению, в течение недели. „Автор писем о иероглифах,[3] — говорит Палин, — получив копию выполнен-

---

1 Письмо это частично издано на стр. 155 книги: Aimé Champollion-Figeac. Les deux Champollion. Leur Vie et leurs Oeuvres, leur correspondance archéologique relative au Dauphiné et à l'Égypte. Étude complète de biographie et de bibliographie 1778—1867. D'après des documents inédits. Grenoble, Xavier Drevet. 1887.

2 Analyse de l'inscription en hiéroglyphes du monument trouvé à Rosette... Дрезден, 1804. Переиздана во Флоренции в 1830 г. В обоих изданиях фамилия автора (Nils Gustaf Palin) не указана.

3 Имеется в виду другая работа Палина: Essai sur les hiéroglyphes ou nouvelles lettres sur ce sujet. Weimar, 1804.

ной этими знаками надписи памятника из Розетты, поспешил изложить и довести до сведения читателей мысли, возникшие у него сразу же, как только он получил указанный памятник, дешифрованный им за одну бессонную ночь. Он думал тем самым уберечь себя от систематических ошибок — неизбежного следствия длительных размышлений...". Снова всплыла старая теория о египетско-китайских связях. В целях успешного исследования египетских текстов рекомендовалось, например, переписывать древними китайскими иероглифами псалмы Давида.[1]

Переломный момент в истории изучения древнеегипетского письма связан с выходом в свет печатавшегося в Париже в течение семнадцати лет труда, в котором, по распоряжению французского правительства, были опубликованы результаты деятельности ученых, сопровождавших экспедиционную армию Наполеона.[2] Из десяти томов таблиц пять в этом труде посвящено древностям. Особое внимание было уделено египетскому письму. Ученые получили, наконец, возможность пользоваться несравненно более точными, чем все существовавшие до того, воспроизведениями иероглифических надписей, высеченных на стенах и колоннах храмов, дворцов и на других монументальных сооружениях, а также смогли познакомиться с прекрасными, выполненными в натуральную величину, факсимиле папирусов, содержащих как иероглифические, так и скорописные египетские тексты. Эти папирусы

---

[1] Мысль принадлежит тому же Палину. См.: Thomas Y o u n g. An account of some recent discoveries in hieroglyphical literature... London 1823, стр. 7.

[2] Description de l'Égypte ou Recueil des observations et des recherches qui on été faites en Égypte pendant l'Expédition de l'Armée Française, publié par les ordres de Sa Majesté l'empereur Napoléon le Grand... Paris, Imprimerie Impériale, 1809—1828. 10 фолиантов таблиц, географический атлас и 9 томов текста. Над изготовлением таблиц работало около 400 граверов. Всего над подготовкой к печати „Описания Египта" трудилось более 2000 человек. —В 1821 г. было предпринято второе издание, в котором количество томов текста увеличено до 24.

впервые удалось обнаружить участникам наполеоновского похода, хотя глухие сведения о существовании подобных памятников египетской письменности доходили в Европу значительно раньше.[1] Введение в научный обиход огромного количества новых материалов давало возможность исследователям приступить к систематическому изучению разных видов египетского письма, опираясь на реальные факты. Начало такому изучению положили уже некоторые из авторов многочисленных статей, опубликованных в „Описании Египта". Из этих авторов, являвшихся почти исключительно инженерами и принимавших участие в собирании изданных ими материалов, вопросами египетского письма специально занимался Жомар.[2]

Тщательное изучение найденных в Фивах папирусов позволило Жомару сделать целый ряд утверждений, вплотную подводивших исследователя к положительному разрешению одного из важнейших вопросов, стоявших перед учеными, стремившимися прочитать египетские иероглифы, — к вопросу о генетической связи между письмом иероглифическим и письмом курсивным.

Внимание Жомара привлекло внешнее оформление этих папирусов: взаимоотношение текста и сопровождающих его рисунков, деление текста папируса на страницы, расположение строк и т. п.[3] Совершенно правильно установив, что в египетских курсивных (скорописных) текстах строки писались справа налево,[4] Жомар переходит к сопоставлению рисунков

[1] Такие сведения приводит уже Форсколь, участник путешествия К. Нибура. См.: C. Niebuhr. Beschreibung von Arabien, стр. 80.

[2] Edme François Jomard (1777—1862), участник египетского похода Наполеона. Впоследствии возглавлял комиссию по изданию „Описания Египта".

[3] Один из папирусов, больших размеров, содержал иероглифический текст, остальные были написаны курсивными знаками. Вдоль верхнего края всех папирусов тянулась целая серия рисунков.

[4] Description de l'Égypte, текст, т. I (1809), стр. 373 сл. = т. III 2-го изд. (1821), стр. 143 сл.

с расположенным под ними текстом и устанавливает, что количество страниц и число основных сцен, изображенных наверху, на одном и том же папирусе всегда одно и то же, так что под каждой такой сценой всегда находится одна страница текста. Иногда, при этом, в страницах, расположенных на разных папирусах под одинаковыми рисунками, встречаются совершенно одинаковые по внешнему виду составляющих их знаков строки. Эти факты приводят Жомара к убеждению о существовании связи между содержанием каждой страницы текста и соответствующим ей рисунком. Сопоставляя затем эти скорописные папирусы с найденным в Фивах большим иероглифическим папирусом, Жомар делает два наблюдения. Во-первых, он замечает, что в иероглифическом папирусе некоторые знаки текста воспроизводят фигуры, изображенные на сценах, расположенных в его верхней части, и что эти сцены повторяют рисунки скорописных папирусов. Следовательно, — заключает Жомар, — с одной стороны, подтверждается его мнение о наличии внутренней связи между определенным рисунком и находящейся под ним страницей текста, с другой стороны, — сам собой напрашивается вывод, что содержание текстов на иероглифическом и на курсивных папирусах, имеющих одинаковые рисунки, повидимому, одно и то же. Во-вторых, ему бросилось в глаза сходство многих иероглифов из фиванского иероглифического папируса с знаками упоминавшихся курсивных папирусов. В связи со всем этим Жомар ставит вопрос о происхождении курсивных „алфавитных“ египетских письмен из иероглифов, — вопрос, который он склонен решать положительно.

Ряд наблюдений в его работе, посвященной описанию фиванских папирусов, связан с вопросом о природе знаков египетского письма. Заметив, что в курсивных папирусах встречаются знаки, являющиеся видоизмененными иероглифами, и высказывая некоторые соображения о роли этих знаков, Жомар считает возможным видеть в них такие же буквы, как и обычные знаки курсивных папирусов, с той лишь разницей,

что они, приобретя способность передавать звуки разговорного языка египтян, не потеряли в то же время своего изобразительного характера.[1] В другом месте[2] он ставит более общий вопрос о превращении иероглифов в алфавитные знаки египетской скорописи.[3]

Другой участник египетского похода Наполеона и один из авторов статей, опубликованных в „Описании Египта", возглавлявший до Жомара Комиссию по подготовке этого издания к печати, инженер путей сообщения Ланкре,[4] обследуя руины на острове Филе, проделал в отношении памятников египетской письменности, высеченных на стенах и колоннах зданий, работу, в известной мере аналогичную работе, произведенной Жомаром над письменами и рисунками папирусов. Ланкре также предположил, что иероглифические тексты имеют отношение к изображениям живых существ, возле которых они начертаны, и передают их речи или же излагают обстоятельства, связанные с их действиями. Правильность этого предположения подтверждается, как он полагает, тем фактом, что среди иероглифов, составляющих надписи, сопутствующие изображениям людей и богов, есть знаки, воспроизводящие эти существа.[5] Из последнего наблюдения он делает вывод, устанавливающий существование категории иероглифов, названных впоследствии „фигуративными" или „изобразительными" иероглифами.[6] Ряд верных наблюдений

---

1 Жомар разделял господствовавшее в его время мнение об алфавитном характере египетской скорописи и о символическом значении иероглифов.

2 Description de l'Égypte, текст, т. II (1818), стр. 59 = т. IX 2-го изд., стр. 79.

3 Теоретически обосновать такую возможность пытался уже Уорбертон (см. выше, стр. 108).

4 Michel-Ange Lancret.

5 Description de l'Égypte, т. I (1809), стр. 39, 41 = т. I 2-го изд., стр. 79, 83.

6 Там же, стр. 41: некоторые предметы „передавались в иероглифическом письме только при помощи их собственного изображения".

над египетскими письменами содержится и в других статьях „Описания Египта“.

Таким образом, значение этого труда для дешифровки египетских иероглифов заключается не только в издании большого числа хороших воспроизведений памятников древнеегипетской письменности и не только в тщательном описании внешнего вида папирусов и иероглифических надписей, обнаруженных и зарисованных во время египетского похода Наполеона, но также и в постановке, в результате длительного изучения подлинных памятников, некоторых общих вопросов. Наиболее существенным из них является вновь поднятый Жомаром вопрос о генетической связи египетской скорописи и иероглифов.

Однако французский ученый не дал в напечатанных им работах систематического и развернутого изложения своих взглядов, а только наметил, исходя из реальных фактов, путь к правильному разрешению проблемы.

Впервые неопровержимые материальные доказательства существования генетической связи египетского курсивного письма с иероглифами были опубликованы в трудах английского физика Томаса Юнга, в которых он изложил и некоторые весьма важные результаты изучения иероглифической надписи Розеттского камня.

3. Томас Юнг

Т. Юнг родился 13 июня 1773 г. в городе Милвертоне (графство Сомерсет) в семье коммерсанта Томаса Юнга. Богато одаренный от природы, Юнг рано проявил свои способности и влечение к гуманитарным наукам. Будущий ученый, бегло читавший, по утверждению его биографов, уже в двухлетнем возрасте, с девяти лет начал изучать древние и новые языки и к четырнадцати годам знал, кроме французского и итальянского, греческий, латинский, древнееврейский, арабский и персидский языки.

Получив медицинское образование, Юнг стал врачом-профессионалом, занимаясь, наряду с практической, также и и теоретической медициной. В 1799 г. он поселился в Лондоне. С 1811 г. до конца своей жизни он преподавал в лондонском госпитале святого Георга.

Юнг был разносторонне образован, и его научная деятельность не ограничивалась областью медицины. Его исследования по физике принесли ему широкую известность. К изучению египетского письма привели английского ученого его лингвистические интересы. Читая в 1813 г. „Митридата“ Аделунга,[1] он обратил внимание на замечание профессора И. С. Фатера, что средняя надпись Розеттского камня написана при помощи алфавита, состоящего приблизительно из 30 букв.

В следующем году он вспомнил об этом утверждении проф. Фатера в связи с изучением папирусов, привезенных в Англию из Египта одним из его друзей. К этому времени Юнг относит начало своих занятий египетским письмом.

Некоторые свои соображения о египетских папирусах и о средней надписи Розеттского камня он изложил в письме, прочитанном в мае 1814 г. в Королевском обществе антикваров и опубликованном в следующем году в 18-м томе журнала Archaeologia вместе с добавлением, содержавшим предположительный перевод демотической надписи Розеттского камня.

В том же 1815 г. указанная статья, дополненная перепиской автора с де-Саси и Окербладом, была переиздана в журнале Museum Criticum (т. VI).

---

[1] J. Chr. Adelung. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde... Берлин, т. I, 1806, т. 2—4, 1809—1817. — Аделунг умер в 1806 г., и последние 3 тома его труда были изданы Фатером (J. S. Vater). Большая часть 4-го тома написана петербургским ученым Ф. П. Аделунгом (1768—1843). — Юнг дал изложение указанного труда в десятом томе английского журнала Quarterly Review. Впоследствии это изложение составило часть статьи, помещенной им под названием Languages в Британской Энциклопедии (Supplement to the Encyclopaedia Britannica, vol. V, 1824).

В последней публикации Юнг дал целый ряд дополнений и исправлений к алфавиту Окерблада и пытался прочитать среднюю надпись Розеттского камня, исходя из убеждения, разделявшегося им с шведским ученым, о полностью алфавитном характере демотического письма. Однако вскоре он изменил свою точку зрения. Поводом для этого послужил установленный им факт происхождения курсивного египетского письма из письма иероглифического, в идеографической, не звуковой, природе которого он, как и большинство его современников, не сомневался.

Уже в письме к де-Саси, датированном 3 августа 1815 г., Юнг делится с французским востоковедом своими сомнениями в правильности общепринятого взгляда на египетское демотическое письмо как на целиком алфавитную систему. Более решительно он высказывается по этому вопросу в другом письме,[1] в котором уведомляет своего адресата эрцгерцога австрийского Иоанна, интересовавшегося работами английского ученого, посвященными изучению Розеттского камня, о достигнутом им на этом поприще успехе. Успех этот, — пишет Юнг, — является результатом исследования, предпринятого им „в области сравнения различных египетских надписей между собой, а также с другими остатками египетской литературы, в целях более полного истолкования содержания этих памятников в их взаимной связи“.

Ссылаясь на свое письмо к де-Саси, в котором было установлено, „что Розеттская энхорическая[2] надпись содержала некоторое число отдельных знаков, похожих на соответствующие иероглифы“, и указывая, что он уже тогда не возлагал „особенно больших надежд на алфавитное истолкование

---

[1] От 2 августа 1816 г. Опубликовано в 1821 г. в седьмом томе журнала Museum Criticum. Переиздано в 1855 г. (См.: Thomas Young. Miscellaneous Works, т. III, стр. 74—79).

[2] Т. е. „туземная“. Юнг имеет в виду среднюю, демотическую надпись Розеттского камня. См. стр. 265, прим. [3].

сколько-нибудь значительной части этой надписи", автор письма продолжает: „Теперь я полностью доказал иероглифические происхождение скорописи, которой обычно бывают написаны папирусы, найденные вместе с мумиями, и которая явно представляет собой тот же род письма, что и энхорические знаки Розеттского камня...".[1] Продолжая, английский ученый следующим образом описывает путь, приведший его к установлению генетической связи между курсивными знаками и иероглифами: „В многотомном Description de l'Égypte, — говорит Юнг, — есть несколько гравюр папирусов. Один из них содержит более пятисот столбцов четко обрисованных иероглифов,[2] состоящих из знаков, число которых, по мнению г-на Жомара, доходит почти до тридцати тысяч и которые расположены под целым рядом виньеток, тянущихся вдоль большей части верхнего края.[3] Сначала явная связь некоторых из фигур, находящихся наверху, с расположенным внизу текстом меня удивила, но, заметив те же фигуры в верхней части нескольких других, скорописных, папирусов, я начал внимательно исследовать соответствующие тексты и, в конце концов, почти во всех обнаружил такое же согласование. Тогда я переписал смежными строками соотносительные отрывки и обнаружил полное соответствие знаков, совершенно устраняющее мысль об алфавитной природе любого из них.[4] Таким

---

[1] В действительности энхорическое письмо Розеттского камня не тожественно письму папирусов, о которых говорит Юнг, а составляет особый, наиболее курсивный вид египетского письма, названный Шампольоном демотическим, в отличие от иератического письма папирусов, упоминаемых Юнгом.

[2] Юнг имеет в виду заупокойный папирус с иероглифическим письмом, которое Шампольон впоследствии назвал линейным. Юнг, как и авторы статей в „Описании Египта", называл его иератическим.

[3] Юнг имеет в виду серию рисунков, почти целиком заполняющих верхнюю часть некоторых заупокойных папирусов, на которых текст, как правило, расположен под этими рисунками.

[4] Юнг говорит здесь о соответствии между иероглифическими знаками большого иероглифического папируса и курсивными письменами

путем я получил удвоенную, а иногда утроенную и учетверенную копию почти половины большой иероглифической рукописи, хотя и не без отступлений в отдельных отрывках, а в рукописи, первый столбец которой опубликовал, если не ошибаюсь, Денон и гравюру которой любезно прислал мне г-н де-Саси, я установил отрывки, тожественные нескольким другим отрывкам большого иероглифического папируса, не встречающиеся ни в одной из рукописей, содержащихся в Description de l'Égypte. В начале одной из таблиц Денона есть также отрывок, состоящий из нескольких коротких столбцов, который написан отчетливыми иероглифами и очень ясно повторяется в основной части папируса, выполненного скорописью".

Дальше Юнг переходит к перспективам, открывающимся благодаря положительному разрешению такого важного вопроса, каким является вопрос о взаимосвязи различных видов египетского письма, перед учеными, занимающимися исследованием иероглифической надписи Розеттского камня. „В связи с этим открытием,— пишет Юнг, — естественно было надеяться, что при помощи столь многочисленных промежуточных этапов, пройденных знаком на пути его развития от священной к энхорической форме,[1] мы будем в состоянии сделать обратный перевод всей скорописи Розеттского камня на отчетливые иероглифы и, таким образом, сравнить ее со множеством других памятников, — ибо, поскольку энхорическая надпись сохранилась почти целиком и смысл почти всех ее частей установлен с достаточной достоверностью, поскольку, далее, было доказано, что эти знаки являются подлинными иероглифами, хотя и в искаженной, деградированной форме, — очевидно, что нам нехватает лишь достаточного количества связующих звеньев, чтобы иметь возможность использовать всю надпись

остальных, опубликованных в „Описании Египта", папирусов. Ср. выше, стр. 87.

[1] Иначе говоря — от иероглифической к демотической форме.

для истолкования подлинных священных знаков.[1] Но, к несчастью, деградация слишком велика, а связующие звенья слишком малочисленны, чтобы осуществить это в полном объеме...".

„Небрежное подражание иероглифическим знакам, — продолжает английский ученый, — можно проследить при помощи промежуточных звеньев даже в энхорическом имени Птолемея, являющемся единственным собственным именем, сохранившимся среди иероглифов Розеттского камня. В то же время, едва ли можно отрицать, что во всех собственных именах[2] обнаруживается нечто вроде слогового алфавита, и это, повидимому, точно соответствует гипотезе г-на Окерблада, что не могло бы иметь места без какой-то связи между знаками и звуками. Если недостающие фрагменты камня когда-либо будут обнаружены, они, быть может, помогут нам раскрыть эту тайну, которая, очевидно, окутывает весьма интересный вопрос о непосредственном переходе подлинных иероглифов в алфавитные знаки. У греческих авторов мы не найдем по этому поводу никаких данных: они были столь несведущи во всех языках, кроме своего собственного, что нельзя доверять их свидетельству относительно этих языков, даже и в тех случаях, где оно не опровергнуто убедительными доказательствами.

„Однако, несмотря на случайные обстоятельства, ограничивающие пользу от такого сравнения различных видов знаков, оно уже дало мне возможность установить некоторые важные факты и, быть может, приведет к целому ряду других. Так, я давно подозревал, что гусь с яйцом над ним означает сын,[3]

---

[1] Юнг имеет в виду иероглифы.

[2] Автор письма говорит здесь о собственных именах, встречающихся в демотической, или — по его терминологии — энхорической, надписи Розеттского камня.

[3] О действительном значении этой группы иероглифов см. ниже, стр. 203.

потому что на множестве различных надписей эта эмблема помещалась между двумя собственными именами, а теперь я обнаружил в некоторых отрывках большого иероглифического ритуала такую же птицу, с черточкой под ней, превратившуюся в дублетных текстах[1] в энхорический знак, впервые установленный Окербладом в значении сын или дочь и занимающий в моем списке слов, опубликованном в последнем номере Museum Criticum,[2] девятое место. Теперь, зная один только этот иероглиф, а также иероглиф, передающий эмблему царского достоинства, мы, может статься, сумеем когда-нибудь получить полную генеалогическую таблицу египетских царей,[3] — если предположить, что сохранилось достаточное количество их надписей, — а в некоторых случаях, быть может, окажемся в состоянии установить, исходя из дополнительных данных, и произношение имен лиц, о которых идет речь... Я оказался также в состоянии полностью установить знак, обозначающий ИСИДУ, — это трон с добавлением, указывающим на женский род, и я установил, что такой же трон, предшествуемый глазом, является эмблемой главного божества египетской мифологии, наиболее правильным именем которого было, очевидно, ОСИРИС хотя иногда его, повидимому, смешивали с СОЛНЦЕМ...". Вместе с тем Юнг считает трудности, связанные с изучением иероглифов, настолько серьезными, что момент, когда будет достигнуто полное понимание текстов, написанных этими знаками,[4] не представляющих, впрочем, по его мнению, большого интереса со стороны их содержания и в основном, якобы, касающихся лишь вопросов религии этого „столь глупого и легкомысленного народа", наступит не скоро.

---

1 Юнг имеет в виду скорописные тексты.

2 Список этот приведен Юнгом в его письме к де-Саси от 21 декабря 1814 г., опубликованном в шестом номере указанного им журнала, вышедшем в 1815 г.

3 О допущенной здесь Юнгом ошибке см. ниже, стр. 203—204.

4 Об их чтении английский ученый даже и не ставит вопроса.

Высказанное Юнгом в приведенном письме, — дающем ясное представление о направлении его первых работ, посвященных изучению надписей Розеттского камня и текстов египетских папирусов, — сомнение относительно правильности взгляда на египетское курсивное письмо как на письмо чисто алфавитное вскоре перешло у него в полную уверенность в ложности этого взгляда. Впадая в другую крайность, он полагает теперь, что египетская скоропись совершенно не передает звуков разговорного языка древних египтян.

Свою новую, принципиально отличную от первоначальной, концепцию он изложил в известной статье „Египет", помещенной в Британской энциклопедии в 1819 г. Египетское письмо, — говорится в этой статье, — состоит из двух видов — иероглифического и курсивного. Курсивным письмом написаны неиероглифические папирусы, и знаки его, по существу, являются абревиатурами иероглифов. К последнему виду он относит и среднюю, демотическую, надпись Розеттского камня, названную в греческом тексте памятника туземной (энхорической). Некоторое расхождение между письмом этой надписи и курсивным письмом папирусов Юнг объясняет исключительно искажением знаков последнего, допущенным средней надписью Розеттского камня. Теперь английский ученый считает идеографическим и второй вид египетского письма, курсивный. Вместе с тем, он допускает возможность, что в некоторых случаях (именно, для передачи греческих собственных имен) египтяне использовали идеографические знаки в необычном для них звуковом значении, как это наблюдается, по его словам, и в китайском иероглифическом письме. Исходя из аналогичных соображений и учитывая установленную им генетическую связь между иероглифами и скорописью, он пытается подойти к чтению собственных имен греческих правителей Египта, сохранившихся в первой надписи Розеттского камня и на некоторых других памятниках. Группы иероглифов, передававших эти имена, было легко определить по известному еще со времен Бартелеми, де-Гиня и Соэги признаку — нали-

чию картуша. Однако дальше не вполне удавшегося фонетического анализа иероглифических имен Птолемей и Береника он не пошел.

В итоге, Юнг, помимо распознания тесной связи между иероглифическими и курсивными знаками, достиг в области изучения египетского письма лишь некоторых, хотя и важных, однако носивших частный характер результатов, наиболее существенными из которых являются определение в иероглифической надписи Розеттского камня подлинного значения целого ряда иероглифов[1] и установление правильного алфавитного значения пяти иероглифов.

Недооценка роли письма в жизни древнего народа с высоко развитой культурой и связанное с этой недооценкой недоверие к свидетельству греческих писателей о существовании в египетской графической системе звуковых знаков сузили исследовательскую базу Юнга, не понявшего роли фонетического принципа, являющегося, по словам Шампольона, как бы „душой трех[2] видов египетского письма“.[3] С другой стороны, ограничившись в своих попытках установить египетский фонетический алфавит лишь именами греческих царей, Юнг допустил при анализе этих имен чреватую большими последствиями ошибку — так же, как де-Саси и Окерблад, он не учел возможности, что эти имена в иероглифической передаче написаны не полностью.

Все это завело в тупик английского ученого, так близко, казалось бы, подошедшего к правильному решению задачи, привлекавшей внимание многих поколений ученых.[4] Египетские

---

[1] По Шампольону, Précis[2], стр. 443, 445, Юнг правильно определил значение 76 или 77 иероглифов и иероглифических групп.

[2] Шампольон различал три вида египетского письма — иероглифическое, иератическое и демотическое. Эта классификация принята и в настоящее время.

[3] Précis[2], етр. 444.

[4] Юнг до конца своей жизни (он умер 10 мая 1829 г. от склероза аорты) сохранил интерес к изучению египетского письма. Последняя

надписи попрежнему не поддавались чтению и продолжали оставаться книгой за семью печатями.

Только через двадцать три года после находки Розеттского камня и через двадцать лет после первых, предпринятых де-Саси и Окербладом, попыток прочитать вырезанную на ней демотическую надпись оправдались самые пылкие надежды, связывавшиеся с этим памятником, и тайна египетских иероглифов, разгадать которую в течение столетий безуспешно стремились европейские ученые, была, наконец, раскрыта.

Это удалось сделать молодому французскому ученому — Шампольону. Его открытие не было результатом случая, „счастливого стечения обстоятельств".[1] Острый глаз, тонкое критическое чутье и огромной силы обобщающий ум сочетались у Шампольона с исключительным трудолюбием, с необычайной настойчивостью в достижении поставленной перед собой цели. До последнего дня своей недолгой жизни он неуклонно шел по пути, намеченному еще в юношеские годы. К решению задачи он подошел во всеоружии знаний, доступных для его времени.

Но открытие Шампольона было результатом не только его личного дарования. Шампольон был сыном века, отмеченного могучим общественным движением, порожденным бур-

---

его работа, так же как и его первые исследования, посвящена демотическому письму. Обессиленный тяжелой болезнью, он все же не переставал следить за печатанием составленного им демотического словаря, который вышел в свет уже после смерти Юнга. Словарь этот (см.: Henry Tattam. A compendious grammar of the Egyptian language... With an appendix, consisting of the rudiments, of a dictionary of the ancient Egytian language in the enchorial charakter: by Thomas Young. London, J. and A. Arch, 1830) свидетельствует о том, что английский ученый снова вернулся к своему первоначальному взгляду на демотическое письмо как письмо алфавитное. В начале словаря, построенного по алфавитному принципу, дается (на странице 39) таблица демотических алфавитных знаков („artificial alphabet") с их коптскими соответствиями.

[1] См. выше, стр. 125.

жуазной французской революцией, историческое значение которой В. И. Ленин охарактеризовал следующими словами: „Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции“.[1] Человеческий ум, освобожденный от клерикальных уз Средневековья, обрел новые силы. Перед научным познанием открылись новые, неведомые до того горизонты.

II. Шампольон. Первые шаги

1

Жан Франсуа Шампольон родился 23 декабря 1790 г. в Фижаке, небольшом провинциальном городе, расположенном на берегах реки Селе в департаменте Ло, в семье состоятельного книготорговца Жака Шампольона, род и фамилия которого связаны с селением Шамполеон (Champoléon)[2] в Верхних Альпах. Свое имя будущий ученый получил в честь матери, Жанны Франсуазы Гуалье (Gualieu).

Еще в детстве мальчик обнаружил блестящие способности и исключительный интерес к древности. Он рос среди книг, и в нем рано пробудилось желание учиться. Ему не было пяти лет, когда он, по семейному преданию, совершенно самостоятельно научился читать и писать, причем, если верить этому преданию, в методе, примененном Шампольоном для овладения грамотой, уже сказался талант будущего дешифровщика.

В девятилетнем возрасте он любил декламировать латинские и греческие стихи, а в зимние вечера нередко разы-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е т. XXIV, 1935, стр. 304.

[2] Aimé Champollion-Figeac. Les deux Champollion..., стр. 6, прим. 1.

грывал перед родными целые сцены, импровизируя на темы, взятые им из Гомера и Вергилия. Первым учителем Жана Франсуа был сыгравший большую роль в его жизни старший брат Жак Жозеф, печатавшийся впоследствии под именем Шампольона-Фижака, в отличие от основателя египтологии, известного под именем Шампольона младшего. Позже (осенью 1798 г.), после переезда Жака Жозефа в Гренобль, Жана Франсуа отдали в школу. Однако учился он плохо, особенно не давалась ему арифметика; в частности слабым местом у него было (и осталось на всю жизнь) вычисление в уме. Родители взяли его из школы и дальнейшее обучение поручили старому канонику Дом Кальме, а в марте 1801 г. его отвезли к брату в Гренобль, где осенью он поступил в частную школу аббата Дюсера и одновременно в центральную школу.

В Гренобле в 1802 г. Шампольон впервые увидел подлинные памятники древнего Египта с начертанными на них непонятными письменами. Об этой удивительной стране ему еще в Фижаке весной 1798 г. рассказывал его старший брат в связи с предполагавшимся, но не осуществившимся участием последнего в египетском походе Наполеона. В апреле 1802 г. в Гренобль, главный город департамента Изеры, прибыл префект этого департамента, известный физик и математик Жозеф Фурье,[1] ранее занимавший, наряду с высоким административным постом, должность секретаря находившего в Каире Института по изучению Египта, учрежденного Наполеоном во время военной экспедиции. Имя Фурье было тесно связано со всеми научными начинаниями французов в Египте, в том числе и с подготовлявшимся тогда к изданию, по распоряжению правительства, большим трудом по описанию этой страны,[2] сыгравшим значительную роль в деле изучения Египта и его письма. Фурье привез с собой коллекцию египетских памятников, содержавшую, наряду с подлинными предметами, копию

[1] Jean-Baptiste-Joseph Fourier, 1768—1830.

[2] Description de l'Égypte...

дендерского зодиака,[1] по поводу древности которого в то время в Европе велась оживленная дискуссия, причем некоторые ученые относили его к эпохе, удаленной от начала нашей эры на 12—15 тысячелетий.

Все это живо обсуждалось в ученых кругах Гренобля и в сильнейшей степени возбудило любопытство Шампольона, занятия которого уже в это время носили серьезный характер. Особенно большой интерес вызывали в нем вопросы хронологии. Он даже занялся, с целью проверки по первоисточникам данных библии, изучением древнееврейского языка. Естественно, что ему очень хотелось увидеть коллекцию Фурье, и осенью 1802 г. Жак Жозеф, имевший доступ в дом префекта, привел к нему своего младшего брата. Одиннадцатилетним мальчиком, впервые увидевшим подлинные египетские письмена, вырезанные на камне и начертанные на папирусе, овладело страстное желание прочитать когда-нибудь эти загадочные знаки, и, как он сам рассказывал через много лет, он почувствовал твердую уверенность в том, что выполнит эту задачу.

Шампольон стал изучать свидетельства о Египте и его культуре, сохранившиеся у классических авторов — у Геродота, Страбона, Диодора Сицилийского, Плиния старшего, Плутарха. Вскоре он приступил также к изучению арабского, сирийского и арамейского языков. 20 ноября 1804 г. он поступил в открывшийся в Гренобле лицей и расстался со своим братом.

В лицее царила военная дисциплина, каждый шаг воспитанника строго контролировался. Никаких отступлений от установленного порядка и от программы, по которой велись занятия, не допускалось, и Шампольон был лишен возможности работать в давно избранной им области. А сделать ему предстояло немало. Опубликованные много лет назад соображения де-Гиня и аббата Бартелеми о связи языка христиан-

---

[1] См. стр. 251 сл., прим. [78].

ского Египта, коптского, с языком древних египтян натолкнули его теперь на мысль о необходимости изучить для дешифровки египетских иероглифов этот язык. Он считал также нужным усилить свои занятия арабским языком. Но даже часы досуга он не имел права использовать по своему усмотрению. Порой на него находило полное отчаяние, и он помышлял о бегстве из этой „тюрьмы", как он называл лицей в письмах к брату.

Шампольон все же нашел выход — он стал заниматься тайком, по ночам. После вечернего обхода, когда все засыпали, он доставал спрятанные под подушкой книги и принимался за работу при тусклом свете фонаря, освещавшего дортуар. Позднее (в 1805 г.) благодаря ходатайству друзей ему разрешили, наконец, заниматься открыто в свободные часы. Однако бессонные ночи и чрезмерное умственное и нервное напряжение не прошли для него бесследно. Здоровье крепкого от природы мальчика было серьезно подорвано.

Еще в лицее Шампольон решил написать большой труд, названный им „Египет при фараонах" („L'Égypte sous les Pharaons") и начал работу над подготовкой его первого тома, посвященного географии древнего Египта. 1 сентября 1807 г., через четыре дня после окончания лицея, он сделал в гренобльской Академии сообщение о плане своей работы и представил также свой набросок географической карты древнего Египта.

Результатом сообщения было избрание шестнадцатилетнего юноши членом гренобльской Академии.

В течение последующих двух лет Шампольон завершает свое образование в Париже, где продолжает изучать ряд восточных языков, в том числе санскритский, зендский и пехлевийский. Среди его учителей был и Сильвестр де-Саси, безуспешно пытавшийся когда-то прочесть демотическую надпись Розеттского камня. В Парижской Национальной библиотеке Шампольон работает над коптскими рукописями. К этому же времени относится и его первое знакомство с надписями

Розеттского камня и первые шаги в области их изучения.[1]

В 1809 г. Шампольон возвращается в Гренобль профессором истории. В течение ряда лет он ведет занятия в Университете и продолжает интенсивно работать над своим большим трудом „Египет при фараонах", два тома которого вышли в свет в 1814 г. В то же время он не прекращает изысканий в области египетского письма, в центре которых теперь стоит Розеттский камень и результаты которых он время от времени сообщает на заседаниях гренобльской Академии.

Вскоре мирное течение жизни обоих братьев было нарушено и начался период невзгод: преследование после Ста дней за политические взгляды и приверженность Наполеону, отстранение от должности, высылка в Фижак, последовавшее затем разорение отца и необходимость поддерживать семью педагогической работой, оставлявшей мало времени для занятия любимым делом. В Гренобле, после возвращения из Фижака (в 1817 г.), начались интриги недоброжелателей и политических противников. Все это довело Шампольона до болезни. Однако работу, которую он считал делом своей жизни, Шампольон не бросал, используя каждую свободную минуту для пополнения своих знаний и для дальнейшего изучения египетского письма.

[1] С этих лет Шампольон приобрел привычку, в целях лучшего овладения демотическим письмом, вести свои личные записи при помощи демотических знаков, а также пользоваться этими знаками для транскрипции коптских текстов. О высокой степени мастерства, достигнутой при этом Шампольоном, свидетельствует тот факт, что после его смерти один из таких текстов, обнаруженный среди его бумаг, ввел в заблуждение члена Академии Надписей Солси, издавшего этот документ как написанную рукой Шампольона копию подлинного демотического памятника и датировавшего этот последний временем императора Антонина. — См: F. de Saulcy. Notice sur un fragment d'écriture démotique, faisant partie du Cabinet égyptien de feu Champollion le jeune, Revue archéologique, V, 1848, стр. 104—111 и табл. 89. Копией подлинного демотического памятника счел, очевидно, этот текст и французский египтолог де-Руже (см. там же, стр. 104 и 322).

В ту пору своей деятельности молодой ученый не встречал сочувствия и поддержки со стороны авторитетных востоковедов, в том числе и со стороны своего бывшего учителя, прославленного ученого, Сильвестра де-Саси. В противоположность этому, непременный секретарь Академии надписей Дасье и такие выдающиеся представители естественных и точных наук, как Лаплас, Кювье и математик Фурье, сразу же по достоинству оценили все значение работ Шампольона.

Де-Саси, сам испытавший, и при том неудачно, свои силы в области изучения египетского письма, не мог поверить заявлениям мало известного в то время юноши из провинции о якобы достигнутых им на этом трудном поприще успехах.[1] Характерно, в этом отношении, его письмо к Юнгу,[2] в котором о Шампольоне сказано следующее: „В некоторых местах своей работы он пытается уверить, что он распознал много слов в египетской надписи из Розетты". И далее, распространяя свое недоверие на других современных ему ученых, де-Саси продолжает: „...я не мог бы убедить себя в том, что, если бы г. Окерблад, Э. Катрмер или Шампольон сделали действительные успехи в чтении египетского текста,[3] они совершенно не спешили бы с обнародованием своего открытия. Это было бы весьма редкой скромностью, на которую мне кажется не способен ни один из них".

Большую роль в отношениях учителя и ученика сыграло расхождение в политических взглядах и участие в общественной жизни страны в противоположных лагерях. Шампольон, как отмечалось выше, в юности был сторонником Наполеона. В период Ста дней, разделяя чаяния либеральной буржуазии, представителем которой он являлся, на осуществление обещанных теперь Наполеоном политических свобод, Шампольон писал в издававшейся в Гренобле газете статьи и произносил

---

[1] Такие заявления содержатся в исследовании Шампольона „Египет при фараонах".

[2] Датировано 20 июля 1815 г. См.: Young, Misc. Works, III, стр. 51.

[3] Имеется в виду средняя, демотическая, надпись Розеттского камня.

речи, направленные против Бурбонов и призывавшие к поддержке императора. Де-Саси, напротив, был убежденным роялистом, приветствовавшим реставрацию Бурбонов. 20 января 1816 г. Де-Саси писал Юнгу, имея в виду деятельность Шампольона во время гренобльских событий, связанных с возвращением Наполеона с острова Эльбы: „Я не желаю больше говорить о Шампольоне. Его политическое поведение во время трехмесячного правления Аримана[1] делает ему мало чести, и, без сомнения, он больше не осмелится писать мне“.[2]

В июле 1821 г. Шампольон переезжает вместе с женой[3] в Париж, где его исследования, имевшие целью дешифровку египетских иероглифов, вступили в новый этап. Исследования эти шли по двум направлениям. Необходимо было, во-первых, окончательно установить, какие виды письма существовали в древнем Египте, во-вторых, нужно было выяснить характер каждого из этих видов письма и их взаимную связь.

Впоследствии Шампольон так охарактеризовал предшествовавшее появлению его работ состояние изучения египетского письма: „Таким образом, — писал он,[4] — сумма достоверных данных, полученных до настоящего времени о египетской графической системе в целом, ограничивалась чтением нескольких собственных греческих имен, написанных демотическими письменами, определением значения 77 иероглифических знаков или групп и очень несовершенной попыткой чтения двух собственных греческих имен, написанных иероглифами“. Что же касается вопроса, относящегося „к теории этих письменных систем и к их взаимоотношениям“, то он совершенно не был разрешен.[5]

---

[1] Олицетворение зла в иранской мифологии.

[2] Young, Misc. Works, III, стр. 59.

[3] Шампольон женился в декабре 1818 г. на Розине Блан (Blanc).

[4] Précis², стр. 445—446.

[5] Позже во вступительной речи к курсу археологии (1831 г.) Шампольон отмечает, что „некоторые достоверные данные о... взаимных связях“ этих письменных систем содержались уже в работах Юнга. Ср. выше, стр. 71.

2

Как уже было сказано, в основу всех своих работ Шампольон, несмотря на предостережение де-Саси, положил исследование надписей Розеттского камня, к анализу которых он привлек коптский язык. При этом вначале он подверг сравнительному изучению лишь демотическую и греческую надписи памятника.

Ко времени переезда в Париж у него, в результате долголетнего исследования египетских текстов, накопился большой материал и им было сделано много ценных наблюдений, касающихся характера египетского письма. Вместе с тем, он высказал ряд предположений, не оправдавшихся при дальнейшей проверке. Свой „первый шаг“, о котором мы узнаем из письма Шампольона к его брату, он сделал уже в 1808 г., в Париже. В этом году ему удалось познакомиться с изготовленной в Лондоне несовершенной копией надписей Розеттского камня.[1] Исходя из данных Плутарха о наличии в египетском письме 25-ти букв, Шампольон путем сопоставления отдельных знаков демотической надписи Розеттского камня с знаками одного иератического папируса, принятого им за демотический, правильно установил значение некоторых демотических знаков Розеттской плиты. При этом значения двенадцати из них совпали с значениями, которые им приписывал Окерблад.

7 августа 1810 г. Шампольон прочел в Гренобльской Академии сообщение о древнеегипетской системе письма,[2] в котором допустил ряд серьезных ошибок. Вместе с тем Шампольон,

---

[1] Имевшиеся в Париже прекрасные копии этих надписей были ему недоступны.

[2] Извлечение из этого сообщения было напечатано в 1858 г. в 14-ом томе Revue archéologique, стр. 592—594 (в статье Шампольона-Фижака: Observations sur un passage de l'Introduction a l'étude des hiéroglyphes de M. Birch).

исходя из предположения о единстве трех письменных систем древнего Египта, в этом же сообщении, задолго до появления работ Юнга, высказал убеждение, что в египетском иероглифическом письме должны были существовать фонетические знаки. Только при помощи фонетических знаков, — утверждал Шампольон, — египетские иероглифические надписи, предназначенные для увековечения исторических деяний фараонов, были в состоянии передавать потомству имена чужеземных царей и народов, покоренных Египтом. Переходя к Розеттскому камню, он заявлял, что „Розеттская надпись содержит греческие имена... Они, — продолжал Шампольон, — не могли бы быть выражены в иероглифической части этого памятника, если бы иероглифы не имели способности передавать звуки“.[1] Наряду с этим, он отметил наличие у древних египтян двух различных курсивных видов письма, чего не заметил позднее Юнг, указал на некоторые черты сходства и различия между ними, а также на взаимодействие как между этими двумя видами письма, так и между ними обоими и письмом иероглифическим.

Наблюдение это имело чрезвычайно важное значение для дальнейшей работы в области дешифровки египетских иероглифов, хотя, на данном этапе исследования, Шампольон и неправильно представлял себе последовательность, в которой один вид египетского письма развивался из другого вида этого письма. Самым древним он считал наиболее курсивный из них (демотический), за ним, как он полагал, в хронологическом порядке следует второй вид египетской скорописи (иератическое письмо), из которого якобы возникло письмо иероглифическое. Все три вида письма он рассматривал как звуковые системы, но лишь демотические и иератические письмена он считал строго алфавитными.[2] Кроме того, он приписывал египетскому письму еще четвертый вид („тайнопись жрецов“),

---

[1] См. указанную статью Шампольона-Фижака, стр. 592—593.

[2] Позднее, как увидим, Шампольон отказался от этой концепции.

состоящий из символических иероглифов, которые он, следуя Порфирию, называл анаглифами.[1]

В 1813 г. Шампольон впервые говорит о подлинно алфавитных иероглифических знаках. В письме от 11 февраля этого года он пишет: „Среди иероглифов есть 2 рода знаков: 1) шесть алфавитных знаков;[2] 2) значительное, но определенное количество подражаний предметам природы".[3] В исследовании, опубликованном в 1814 г., Шампольон отмечает очень важный факт, ускользнувший от внимания не только де-Саси и Окерблада, но также и от внимания Юнга, выступившего в 1819 г. с попыткой дешифровки египетских иероглифов, не имевшей успеха в значительной мере вследствие неучета этого факта. Наблюдение сформулировано Шампольоном следующим образом: „древние египтяне, повидимому, игнорировали гласные и очень часто они их не писали".[4]

В 1818 г. Шампольон отказывается от признания фонетического характера за иероглифическими знаками. Он продолжает рассматривать иероглифическое письмо как идеографическую систему даже и тогда, когда ему удается установить, что иероглиф, изображающий рогатую гадюку (𓆑), применяется в иероглифической надписи Розеттского камня в качестве местоименного суффикса 3-го л. ед. ч. мужск. р. и что к этому иероглифу восходит коптская буква для звука *f* (ϥ), передающая тот же суффикс в коптском языке. Ложное мнение об

---

[1] Порфирий перечислял следующие четыре вида египетского письма: демотическое (народное), иератическое (литургическое), иероглифическое (монументальное) и анаглифическое (символическое). См.: Marestaing, ук. соч., стр. 105 сл. и Hartleben, т. I, стр. 151, прим. 1.

[2] Эти знаки, как он полагает, служили для выражения в иероглифическом письме префиксов и суффиксов, соответствовавших коптским префиксам и суффиксам (см.: Hartleben, т. I, стр. 378).

[3] Там же, т. II, стр. 588.

[4] J. F. Champollion. L'Égypte sous les Pharaons ou recherches sur la géographie, la religion, la langue, les écritures et l'histoire de l'Égypte avant l'invasion de Cambyse. Description géographique, т. I, Paris, 1814, стр. 105.

исключительно идеографическом характере иероглифического письма и неправильное представление о последовательности этапов развития отдельных видов египетского письма заставляют Шампольона видеть в этом факте, казалось бы, так ясно свидетельствующем о звуковом значении иероглифов, лишь подтверждение своей теории. „Я считаю, — пишет он в письме от 6 мая 1818 г., — что алфавитная система[1] была завершена до иероглифической и доказательство тому представляет встречающаяся в древнейших иероглифических текстах курсивная буква ꓬ ...“.[2]

Таким образом, вследствие ошибочного представления о характере иероглифического письма, Шампольон, несмотря на целый ряд правильных наблюдений, все еще не был в состоянии выяснить подлинную природу знаков, образующих это письмо. Разрешение этой задачи стало возможным лишь в результате дальнейшей работы над демотической надписью Розеттского камня и иератическими и демотическими папирусами.

III. Сообщения об иератическом и демотическом письме

Перейдя к изучению папирусов, Шампольон обратил внимание на иллюстрации, изображавшие религиозные сцены, совершенно тожественные на нескольких папирусах, один из которых, опубликованный в „Описании Египта“, был написан особым видом иероглифического письма, названного Шампольоном линейным,[3] а другие — курсивным, иератическим.

---

[1] Алфавитными он считал, как указывалось выше, знаки демотические и иератические.

[2] Hartleben, т. I, стр. 383. Позднее, все же, это наблюдение сыграло свою роль в определении подлинного характера иероглифического письма, как это указано самим Шампольоном. „Открытие этого чрезвычайно любопытного факта, — говорится в Precis[2], стр. 130—131, — сильно помогло мне убедиться в подлинно фонетическом характере большей части знаков, составляющих иероглифические надписи“.

[3] См. ниже, стр. 209.

Ему пришла в голову мысль, что и содержание обоих папирусов может оказаться одинаковым. Для проверки этого предположения он сопоставил знаки иероглифического текста с знаками текста иератического и, уловив связь между их начертаниями, которая частично была ему ясна еще раньше, в 1810 г., составил сравнительную таблицу иероглифических и иератических знаков.[1] В результате этой работы он пришел к выводам, сформулированным в сообщении „Об иератическом письме древних египтян“[2] следующим образом: „Из моих сопоставлений следует: 1) что письмо египетских рукописей второго вида[3] не является алфавитным; 2) что эта вторая система является лишь простым видоизменением иероглифической системы и отличается от нее только формой знаков; 3) что этот второй вид письма есть иератическое письмо греческих авторов и должно быть рассматриваемо как иероглифическая скоропись;[4] 4) наконец, что иератические письмена (и, следовательно, письмена, от которых они произошли)[5] являются знаками предметов, а не звуков“.[6] Кроме того, в этом сообщении было установлено, что как в иероглифическом, так и в иератическом письме есть „грамматические знаки“, применявшиеся „для фиксации логического порядка мыслей с целью образования

---

[1] Так излагает происхождение сравнительной таблицы иероглифических и иератических знаков, приложенных Шампольоном к его работе о египетском иератическом письме, автор статьи, помещенной в т. XVI журнала „Nouvelles annales des voyages...“, стр. 113—114 (см. ниже, стр. 154). В статье отмечается, что „в Англии доктор Юнг, с своей стороны, пришел к аналогичным результатам“, хотя он их и не углубил должным образом.

[2] Это сообщение было прочитато Шампольоном в парижской Академии надписей в августе 1821 г. Опубликовано, в сокращенном виде, в Гренобле в том же году.

[3] Имеется в виду иератическое письмо.

[4] „...une tachygraphie hiéroglyphique“.

[5] Т. е. иероглифы.

[6] „...les caractères hiératiques... sont des signes de choses et non de sons“. См.: Lagier, ук. соч., стр. 64.

из них правильных предложений" и что „знаки иератического письма группируются между собой так же, как иероглифы, и разделяются на четыре класса: 1) знаки, представляющие грубые изображения соответствующего иероглифа; 2) знаки, образованные из основных черт иероглифа; 3) знаки, имитирующие лишь какую-либо часть иероглифа; 4) знаки, совершенно не связанные по форме с иероглифом, т. е. совершенно произвольной формы: этот класс знаков очень многочислен".[1]

Высказанный Шампольоном в сообщении „Об иератическом письме древних египтян" взгляд, по которому знаки иероглифического письма, так же как и знаки письма иератического, служили для обозначения предметов, а не для передачи звуков древнеегипетского языка, дал впоследствии противникам французского ученого основание утверждать, что мысль о существовании в графической системе древних египтян звуковых иероглифов, изложенная в „Письме к г. Дасье", появилась у Шампольона лишь в 1822 г., под влиянием исследования Томаса Юнга „Египет", напечатанного в Британской энциклопедии. Несостоятельность этого утверждения была отмечена уже Шампольоном-Фижаком в приведенной выше (стр. 147, прим. 2) статье.

Говоря о знаках „предметов, а не звуков", Шампольон, конечно, не имел в виду отрицать, что в случае необходимости эти знаки могли служить и для передачи звуков. Как мы только что видели, он уже в своем сообщении о древнеегипетской системе письма, прочитанном в Гренобльской академии 7 августа 1810 г. и частично изданном его братом в 1858 г., настаивал на существовании иероглифов такого рода, предназначенных, как он тогда думал, для передачи в египетских надписях имен чужеземных царей и народов.

Ровно через год, в августе 1822 г., Шампольон в той же Академии надписей сделал сообщение о демотическом письме.

[1] См.: Nouvelles annales des voyages..., т. XVI, стр. 113.

Это сообщение явилось результатом его нового анализа демотической надписи Розеттского камня, к исследованию которой он теперь подошел с учетом данных, полученных в результате изучения иератического письма. Он установил, что средний текст Розеттского камня содержит те же самые знаки, что и иератические папирусы, только в несколько измененном, более курсивном, виде.

Шампольон разбивает строки демотической надписи Розеттского камня на группы, образующие отдельные слова. После этого, подсчитав, сколько раз повторяются одинаковые демотические группы в средней надписи плиты и сколько раз повторяются одни и те же слова в ее греческой надписи, он сопоставляет демотические группы и греческие слова, встречающиеся равное количество раз. В результате этого сопоставления Шампольон получает демотическо-греческий словарь, а затем сравнительную таблицу демотических знаков с установленным уже значением. Это позволило ему выделить демотические группы, передающие собственные имена, а также сделать ряд наблюдений в отношении каждой демотической группы, в том числе и наблюдений грамматического характера, причем выяснилось соответствие между грамматическими фактами, засвидетельствованными демотическим текстом, и грамматической системой коптского языка.[1]

Что касается иноземных собственных имен, то Шампольон уже давно был убежден в том, что египтяне должны были иметь способ для их фонетической передачи. И действительно, путем анализа демотических собственных имен, встречающихся на Розеттском камне и в одном демотическом папирусе,[2] и последующего сопоставления этих имен с греческой надписью Розеттского камня ему удается составить фонетический алфавит, дополнявший и исправлявший алфавит Окерблада. Таким образом, Шампольон сумел прочитать на Розеттском камне

[1] L a g i e r, ук. соч., стр. 65 сл.

[2] В папирусе Казати.

написанные демотическими алфавитными знаками царские имена — Александр, Птолемей, Береника, Арсиноя, шесть других собственных имен (Диоген, Ирина, Пирра и др.), слова (также написанные демотическими алфавитными знаками) σύνταξις — „содержание“, „жалованье“ и *Wjnn* — „иониец“, „грек“, а в демотическом папирусе Казати он прочел, кроме имен Александр, Птолемей, Береника и Арсиноя, еще пять имен, среди них — царские имена Эвпатор и Клеопатра.[1]

„Сообщение о демотическом письме“, подготовившее почву для окончательного разрешения вопроса о характере иероглифического письма, не было напечатано, но изложение его, принадлежащее, как полагают, перу Шампольона-Фижака, было дано в статье, опубликованной в 1822 г.[2]

Выводы Шампольона о демотическом письме сформулированы в статье следующим образом. Шампольон, — говорит автор изложения, — доказал, „что: 1) демотическое письмо, так же как и письмо иероглифическое и иератическое, было *по природе своей идеографическим*; 2) простые знаки (les signes simples), из которых оно состоит, *заимствованы, без всякого искажения*,[3] из *иератической* системы; 3) эти простые знаки, перешедшие в демотическое письмо, часто сочетались между собой согласно правилам, свойственным этому виду письма и существенно отличавшим его от двух первых;[4] он называет *семой* (sème) всякую комбинацию из нескольких простых *знаков*, выражающую какое-либо понятие; 4) число первоначаль-

[1] См.: Précis², стр. 44.

[2] В работе: *Précis de mémoires relatifs aux écritures égyptiennes*, rédigés par M. Champollion le jeune, et lus à l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, опубликованной в Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire, т. XVI. Paris, 1822, стр. 103—119. Об авторстве Шампольона-Фижака см.: Aimé Champollion-Figeac. Les deux Champollion, стр. 91, где указывается, что рукопись анонимной статьи в Nouvelles annales..., т. XVI, излагающая сообщения Шампольона о трех системах египетского письма, написана рукой Шампольона-Фижака.

[3] Юнг считал их искажениями иератических знаков.

[4] Имеются в виду иероглифическое и иератическое письмо.

ных демотических знаков (des signes primitifs démotiques) было довольно ограничено, но различные сочетания этих знаков между собой производили такое множество новых средств передачи понятий, что народное письмо Египта было бы в состоянии, в случае надобности, сравняться по богатству с письмом китайского народа; 5) египетское демотическое письмо было тесно связано с разговорным языком египтян таким образом, что каждый простой знак или каждая *сема* могли постоянно соответствовать тому или иному слову языка, в результате чего любой демотический текст получил возможность быть выраженным египтянином устно таким же образом, как китайцы выражают свои такие же идеографические письмена; 6) демотическая система письма передавала однослоги, слова или частицы посредством такого же количества совершенно определенных письмен, какое в разговорном языке служит для обозначения рода, числа в именах существительных и прилагательных, лица в местоимениях и глаголах, артиклей, наклонений и времен в глаголе, и т. д., что образует класс знаков, если можно так выразиться, *чисто логических* или *грамматических*; 7) эти логические знаки, большая часть которых была распознана, частично также заимствованы из иератического письма, где они выполняют аналогичные функции; этот факт, во-первых, приводит к самому источнику демотического письма, во-вторых, устанавливает реальные точки соприкосновения между тремя системами египетского письма и обнаруживает тожественность их природы; уже только из этих данных ясно, каким образом изучение одной системы должно вести к познанию двух других, подобно тому как это дает понять Климент Александрийский в своем ценном высказывании в Строматах; 8) для выражения *слов* или *собственных имен, чуждых египетскому языку*, демотический метод применял, так же как китайское письмо, род алфавитно-слогового письма, элементы которого были установлены и собраны".

„Эти результаты, — продолжает автор статьи, — были почерпнуты из одного только сравнительного анализа трех тек-

стов Розеттской надписи. И, чтобы пополнить ряд положительных фактов, которые современное состояние наших познаний о демотическом письме позволяет извлечь из этого ценного памятника, Шампольон младший присоединил к своему сообщению полный текст египетской надписи, который он, в целях анализа, расположил в шести соответствующих друг другу строках, написанных справа налево.

„Первая строка дает *демотический текст*, в котором каждый знак или *сема*, выражающие какое-нибудь определенное понятие, отделены от предшествующих и последующих знаков или сем. Известно, что на самом памятнике они начертаны в виде непрерывной строки, без всяких интервалов. Эта операция должна была стать одновременно и главной и наиболее трудной частью его работы. Она должна была также стать наиболее надежным средством для проверки точности его выводов и для подтверждения правильности, в основном, их применения. В этой первой строке письмена, нанесенные красными чернилами, относятся к числу тех, которые были определены как *логические* или *грамматические* знаки. Знаки, нанесенные желтыми чернилами, являются фонетическими письменами, образующими слова, написанные полуалфавитным способом.[1]

„Во второй строке приводятся слова греческого текста той же самой надписи, помещенные непосредственно под демотическими знаками или *семами*, выражающими то же самое понятие, причем автором не было допущено никакой перестановки фраз или слов, если только этого не требовало различие, существующее между духом обоих языков. Понятно, какую убедительность придает этой работе такая подстрочная транскрипция, столь важная во многих отношениях.

---

[1] Позднее, в Précis[2], этот термин применяется Шампольоном в ином смысле и указывает на то обстоятельство, что в египетском письме гласные звуки не всегда передаются самостоятельными алфавитными знаками. Здесь же имеется в виду алфавитно-слоговое письмо. (*И. Л.*).

„Третья строка является еще одним доказательством убедительности анализа *сем* и подстрочной транскрипции надписи. Она состоит из цифр, указывающих по порядку все строки демотической надписи, в которых один и тот же знак или одна и та же *сема* повторяется в одном и том же значении, подтвержденном, кроме того, греческим словом, выражающим то же самое понятие: согласование, не оставляющее никакого сомнения в значении, приписываемом каждому из этих знаков или каждой из этих сем.

„Для того чтобы возможно ближе подойти к ряду слов, произносившихся египтянином, *читавшим* эту демотическую надпись, в четвертой строке даны написанные коптскими буквами слова, которые казались наиболее отвечающими смыслу знаков и *сем*. В этой строке есть пробелы. Неудовлетворительность современных словарей египетского языка[1] заставила предпочесть эти пробелы гадательным выражениям. Эта, казалось бы, мало необходимая операция имеет, тем не менее, важное значение, которое будет лучше понято при ее применении в процессе работы над чисто иероглифическим письмом.

„Французские слова, выражающие значение знаков или *сем*, под которыми они расположены, образуют пятую строку.

„Наконец, в шестой строке находятся те *иероглифические знаки* и *семы* того же самого памятника, которым можно с уверенностью приписать соответствие демотическим знакам и *семам*, постольку, однако, поскольку это позволяют утрата более чем половины этого текста, трещины, повредившие то, что осталось, и желание не забегать вперед в сопоставлениях, относящихся к сообщению о иероглифах в собственном смысле слова".[2]

Из изложенного видно, что Шампольон в августе 1822 г. знал, какому греческому слову и каким демотическим знакам или группам знаков (семе) соответствовали многие иероглифы или группы иероглифов Розеттского камня, являвшиеся само-

[1] Имеются в виду коптские словари (*И. Л.*).

[2] См.: Nouvelles annales des voyages, т. XVI, стр. 114—118.

стоятельной смысловой единицей. Таким образом, в двух сообщениях об иератическом и демотическом видах египетского письма, в которых Шампольон привел в систему установленные им ранее факты, было с несомненностью доказано, что все три вида египетского письма — иероглифическое, иератическое и демотическое — генетически связаны между собою, причем древнейшим из них Шампольон теперь правильно считает иероглифическое письмо, позднейшим — демотическое. В этих сообщениях было также доказано, что в Египте была только о д н а система письма. Принцип, лежащий в основе этой системы, по мнению Шампольона, заключался в идеографичности знаков всех трех видов письма, не имевших самостоятельного фонетического значения. Тем не менее, эти знаки или группы знаков, передававшие отдельные понятия (семы), имели в разговорном языке свои эквиваленты в определенных словах с теми же значениями, что и данные семы. В виде исключения некоторые идеографические знаки могли терять свою значимость и передавать звуки чужеземных слов и собственных имен.

Подготовительная работа была, наконец, закончена, и Шампольон переходит к применению результатов, добытых на материале курсивных письмен, к иероглифическому письму.

IV. Открытие иероглифического звукового алфавита

1. Анализ иероглифических имен греческих и римских правителей Египта

Было бы, конечно, ошибкой утверждать, что исследования Шампольона велись им так же планомерно и в той же последовательности, как это изложено в приведенном выше резюме, приписываемом Шампольону-Фижаку.[1] Изучая иерати-

[1] Следует заметить, что до настоящего времени среди специалистов нет полного единогласия относительно последовательности, в какой были сделаны Шампольоном, в процессе дешифровки иероглифов, некоторые

ческое и демотическое письмо, он ни на минуту не оставлял работы над иероглифами и никогда не упускал из вида конечную цель своих исследований — дешифровку этих письмен.

Как отмечалось выше, со времени его „первого шага“ в этой области (в 1808 г.) он накопил большой фактический материал и много верных наблюдений. Особенно важное значение для дальнейшего хода его работ по дешифровке иероглифов имело открытие, сделанное им 23 декабря 1821 г.,[1] после сообщения об иератической системе письма, прочитанного в Академии надписей.

Еще в апреле 1819 г. Шампольон установил, какой части греческой надписи Розеттского камня соответствует сохранившаяся часть иероглифической надписи этого памятника, и мог указать в первой из них место, отвечавшее началу сохранившейся части иероглифической надписи, которая, по его мнению, содержала приблизительно $^{1}/_{3}$ первоначального текста.[2] Теперь, путем подсчета количества иероглифов верхней надписи и количества слов в соответствующей части греческого текста плиты, он выяснил, что первых (их оказалось 1419) гораздо больше, чем последних (их оказалось 486), т. е., если приписывать идеографическое значение каждому иероглифу, в иероглифической части Розеттского камня оказалось бы значительно больше смысловых единиц, чем соответственно слов в его греческой части. Их оказалось в иероглифической части гораздо меньше, после того как Шампольон, учтя частые повторения ряда одинаковых знаков, свел их количество к 166

важные наблюдения над материалом и выводы из них. См., напр.: H. Sottas. Notes complémentaires sur le déchiffrement des hiéroglyphes (Bulletin de l'Institut Français d' Archéologie Orientale, т. XXVII, Le Caire, 1927), стр. 69—72.

Существующая в этом вопросе неясность может быть устранена только в результате изучения неизданных рукописей французского ученого, ибо его опубликованные труды не всегда содержат необходимые для этого данные.

[1] По поводу этой даты см.: Sottas, ук. соч., стр. 70—71.

[2] Hartleben, т. I, стр. 385.

различным знакам. Из этого наблюдения неизбежно вытекало, что нельзя говорить об идеографическом характере каждого иероглифа,[1] и Шампольон снова возвращается к мысли о необходимости существования фонетических иероглифов для передачи иностранных слов и собственных имен, причем обращает внимание на то обстоятельство, что в демотических текстах знаки фонетического характера встречаются также помимо слов и собственных имен чужеземного происхождения.[2]

В дальнейшем, поскольку было с несомненностью установлено, что демотические знаки восходят, через посредство иератических, к иероглифам, сама собою напрашивалась мысль, что собственные имена греческих правителей Египта в иероглифической надписи Розеттского камня должны быть написаны с помощью тех иероглифов, которые являются прообразами алфавитных знаков, из которых состоят эти имена в демотическом тексте, т. е. — с помощью алфавитных иероглифов. Для того чтобы проверить правильность этого вывода, Шампольон предпринял сравнительный анализ двух, заключенных в картуши, групп иероглифов. Ему было известно, что одна из этих групп передает на Розеттском камне имя греческого правителя Египта, Птолемея. Во второй группе, — взятой из иероглифической надписи, высеченной на другом памятнике,[3] поскольку в уцелевшей части иероглифического текста Розеттского камня встречалось только одно царское имя, Птолемей,— Шампольон предполагал найти имя Клеопатры. Последнее предположение полностью оправдалось и было вызвано наблюдением, что передававшая на лондонском обелиске это

---

[1] См.: Précis², стр. 315—316, и Hartleben, т. I, стр. 400. Ср. высказывания де-Бросса (Рассуждение о механическом составе языков..., т. I, стр. 342) в связи с сделанным Германионом переводом надписи одного из римских обелисков. См. ниже, стр. 197 сл.

[2] Hartleben, там же.

[3] На происходящем из Филе лондонском обелиске, литографированную копию надписи которого Шампольон получил в январе 1822 г. На базе обелиска, оставшейся в Египте, была вырезана греческая надпись.

женское[1] имя группа иероглифов находилась рядом с иероглифическим именем Птолемея, а греческий текст на базе обелиска упоминал рядом с Птолемеем имя Клеопатры. Эти два имени были выбраны Шампольоном по той причине, что в греческом написании несколько букв первого имени повторяются во втором. Если бы соответствующее повторение знаков удалось установить и в иероглифических написаниях этих имен, то тем самым было бы неопровержимо доказано, что иероглифические имена Птолемей и Клеопатра состоят из знаков фонетического характера.

Ранее, в целях проверки правильности своего чтения имени Птолемей в демотической надписи Розеттского камня, Шампольон проделал аналогичный опыт, сопоставив демотическое написание этого имени на Розеттском камне с демотическим именем Клеопатра в папирусе Казати,[2] причем выяснилось, что несколько знаков, повторяющихся в обоих демотических именах, употребляются в них с одинаковым звуковым значением. Исходя из теории единства происхождения всех трех видов египетского письма, Шампольон восстанавливает иероглифические эквиваленты для демотических знаков, входящих в состав имени Клеопатра,[3] и таким образом получает иероглифическое написание этого имени.[4] Теперь, получив литографию надписи лондонского обелиска (с двумя иероглифическими картушами), он без труда узнает в одном из иероглифических картушей надписи имя Птолемей, в другом — теоретически восстановленное имя Клеопатра. Убедившись в пра-

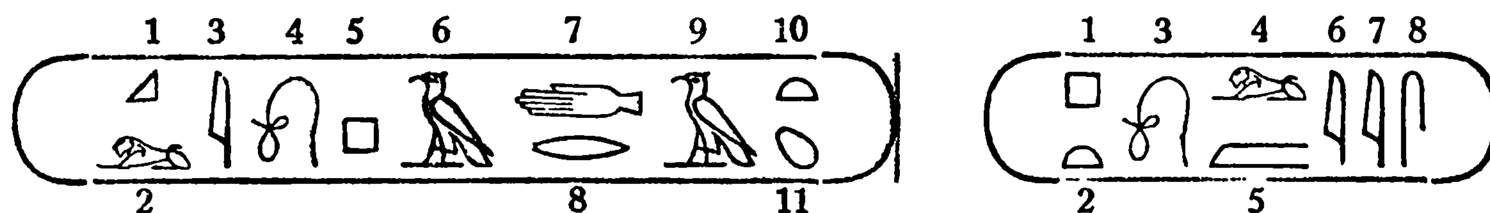
1 Шампольон к этому времени уже умел отличать в иероглифических текстах женские имена по двум иероглифам, обычно стоящим в конце этих имен.

2 На Розеттском камне имя Клеопатра отсутствует.

3 Восстанавливать таким же путем иероглифическое имя Птолемей не было надобности, так как оно фигурирует в иероглифической надписи Розеттского камня.

4 Hartleben, I, стр. 405. — H. Sottas в предисловии к юбилейному изданию „Письма к г-ну Дасье“ (Paris, Geuthner, 1922), стр. 61, оспаривает правильность этого утверждения биографа Шампольона.

вильности своих соображений, Шампольон перешел к сравнительному анализу этих двух иероглифических имен.

Первый знак в левом картуше, — содержащем, пока предположительно, имя Клеопатра, — изображающий холмик, должен передавать звук *к*, отсутствующий в имени Птолемей (правый картуш). И, действительно, этого иероглифа нет в картуше с именем последнего.

Второй знак, изображающий лежащего льва, должен передавать звук *l*. В имени Птолемей он, действительно, повторяется и стоит на четвертом месте, соответствующем звуку *l* греческого имени.

Третий знак имени Клеопатра, изображающий метелку тростника, должен передавать краткую гласную *е*. В имени Птолемей (Ptolemaios) он стоит перед последним знаком и притом удвоен. Он может означать там только дифтонг *ai*.

Четвертый знак, изображающий лассо, в картуше Клеопатры должен передавать звук *о*. И, действительно, этот же знак занимает в картуше Птолемея третье место, соответствующее букве *о* греческого написания этого имени.

Пятый знак, изображающий тростниковую цыновку, должен в имени Клеопатра передавать звук *р* и, следовательно, в картуше Птолемея должен занимать первое место. Так оно и есть в действительности.

Шестой и девятый знаки в картуше Клеопатры, изображающие один из видов коршуна, тожественны, должны передавать звук *а* и, следовательно, не должны встречаться в картуше Птолемея, в котором дифтонг *ai* передан удвоенным третьим знаком имени Клеопатра. Так оно и есть в действительности.

Седьмой знак, изображающий кисть руки, должен в картуше Клеопатры передавать звук *t*. Для такого отождествления препятствием служило то обстоятельство, что звук *t* в картуше Птолемея передавался иероглифом совершенно иной формы, изображающим хлебец. Шампольон обошел это затруднение, предположив, что в иероглифическом письме одни и те же звуки могли передаваться разными знаками.

Восьмой знак, изображающий рот, должен передавать в имени Клеопатра звук *r* и не должен встречаться в картуше Птолемея. Так оно и есть в действительности.

Что же касается десятого и одиннадцатого знаков в имени Клеопатра, то группе из этих двух иероглифов Шампольон не приписывал фонетического значения, а полагал, что она играет роль указателя женского рода данного имени.

Таким образом, иероглифическое имя Клеопатра было прочитано полностью. В имени Птолемея оказались два пробела— остались непроанализированными пятый и восьмой знаки, не встречающиеся в имени Клеопатра. Эти пробелы было теперь нетрудно заполнить, дав двум иероглифам, отсутствующим в имени Клеопатра, значения букв *m* и *s*, также отсутствующих в греческом написании последнего имени.

Два факта могли бы вызвать некоторое сомнение в правильности приведенного чтения этих двух имен. Во-первых, имя Птолемей (греч. Πτολεμαῖος) прочитано Шампольоном как Ptolmais (или Ptolmēs). Во-вторых, оказывается, что одному и тому же звуку (*t*) соответствуют два различных знака. Первое затруднение устраняется указанием Шампольона на то обстоятельство, что египетское письмо, так же как целый ряд семитических письменных систем, не всегда передает гласные звуки. Игнорирование этой ясной для Шампольона еще в 1813 г. особенности египетского письма, наряду с другими ошибками, было причиной неудачи Окерблада и, позднее, Юнга. Что же касается применения разных знаков для передачи одного и того же звука, то этот факт Шампольон объяснил гипотети-

чески восстанавливаемым историческим ходом развития египетской системы письма.[1] Передача звуков, — говорит Шампольон,— являлась вспомогательным, поздно выработанным средством для этой — в основе своей идеографической — системы. Поскольку данным средством приходилось пользоваться на протяжении почти пяти веков греко-римского владычества (и притом в различных пунктах страны) все чаще и чаще, египтяне постепенно, в связи с увеличением количества иностранных собственных имен, с которыми им приходилось сталкиваться, увеличивали количество идеографических знаков, которым они придавали то или иное звуковое значение, поступая так же, как это делали в совершенно сходных условиях китайцы. Желая выразить какой-либо гласный или согласный звук или же какой-либо слог чужеземного слова, египтяне применяли иероглифический знак, воспроизводивший предмет, название которого в египетском разговорном языке содержало, в целом или в его начальной части, звук (гласный или согласный) или слог, подлежащий передаче на письме. Так, например, иероглиф, изображающий рот (восьмой знак в картуше Клеопатры), стал передавать звук *r*, потому что в египетском языке рот обозначался словом, состоявшим из согласного *r* и следующего за ним слабого согласного (в коптском языке *ro*). Иероглиф, изображающий хлеб[2] (второй знак в картуше Птолемея), стал передавать *t*, потому что в египетском языке хлеб обозначался словом *t*. Поэтому различные иероглифы могли служить для передачи одного и того же звука, в том случае, если названия различных предметов, изображавшихся этими иероглифами, начинались одним и тем же звуком. Иероглифы, изображавшие раз-

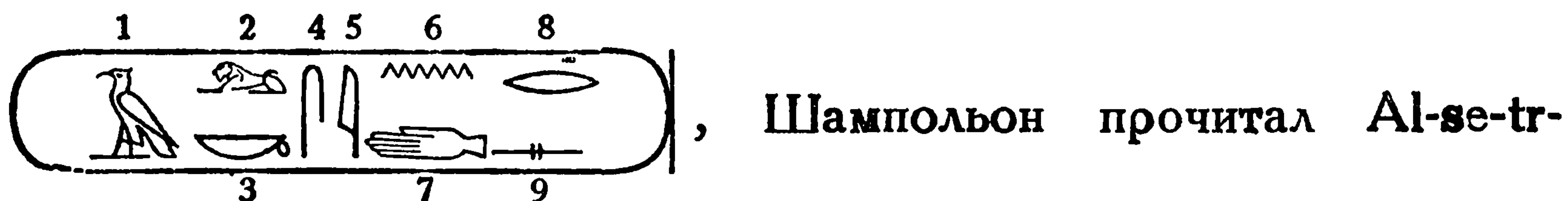
[1] См. выше, стр. 17 сл., 35 сл. и Précis[2], стр. 363 сл.

[2] Шампольону не было известно подлинное значение предмета, изображенного данным иероглифом, и он иначе объяснил причину, по которой этот иероглиф передавал звук *t*: по его мнению, это происходило вследствие того, что указанный иероглиф являлся знаком для артикля женского рода, читавшегося им как *ti*. См. выше, стр. 37.

личные предметы, но служившие для передачи одного и того же звука, Шампольон назвал омофонами.

В результате анализа имен Птолемей и Клеопатра Шампольон определил 12 иероглифических знаков, соответствующих следующим десяти буквам греческого алфавита: α, ε, κ, λ, μ, ο, π, ρ, σ, и τ. Кроме того, иероглиф, соответствовавший греческой букве ε (краткое *е*), мог, как указывает Шампольон, служить для передачи и других кратких гласных, а в случае его удвоения передавал дифтонг *ai*.[1]

Применяя эти значения к иероглифам, при помощи которых написано третье царское имя, состоящее из девяти знаков,

, Шампольон прочитал Al-se-tr- (черточками обозначены неизвестные пока значения иероглифов, занимающих 3-е, 6-е и 9-е места) и, предположив, что здесь скрывается имя Александр, установил алфавитное значение трех новых иероглифов: *к*, *п* и *s*. Следовательно, греческое имя Aleksandros имело в иероглифической передаче форму Alksentrs. И, действительно, в демотической надписи Розеттского камня (и в одном из демотических папирусов) имя Александр написано точно таким же образом, при помощи знаков, являющихся демотическими эквивалентами именно этих девяти иероглифов.[2] Таким образом, иероглифический алфавит пополнился еще тремя знаками, в том числе двумя омофонами: для звуков *k*[3] и *s*.[4]

---

[1] См. выше, стр. 14.

[2] С той лишь разницей, что первый и пятый демотические знаки этого имени тожественны и оба соответствуют первому знаку иероглифического написания этого имени, передающему звук *а* (Alksántrs).

[3] Ср. третий знак в иероглифическом имени Александр и первый знак в иероглифическом имени Клеопатра.

[4] Ср. четвертый и девятый знаки в иероглифическом имени Александра.

Идя дальше таким же путем, Шампольон проанализировал имя Береника и прибавил еще три алфавитных знака, — один[1] для передачи звука *b* и два новых омофона для звуков *k*[2] и *s*,[3] — а затем прочитал целый ряд имен и титулов греческих и римских правителей Египта и, в результате, составил иероглифический алфавит, включавший в себя знаки, соответствовавшие 19 буквам греческого алфавита,[4] и два знака для звука *h* и слога *to*. Вместе с омофонами этот иероглифический алфавит содержал около 60 различных знаков.

2. 14 сентября 1822 г. и „Письмо к г-ну Дасье"

Установив в египетском иероглифическом письме, наряду с идеографическими, звуковые алфавитные знаки и прочитав с их помощью десятки чужеземных собственных имен, Шампольон сделал открытие огромной важности. Впервые стали доступны ученым слова, начертанные иероглифами, — знаками, понимание которых было окончательно утрачено почти полтора тысячелетия назад. Это открытие стало возможным после того, как Шампольон, высказав на протяжении многих лет ряд иногда резко противоречивших одна другой гипотез, пришел, наконец, к стройной

---

[1] Первый иероглиф в картуше Береники.

[2] Ср. пятый знак в картуше Береники с третьим знаком в картуше Александра и с первым знаком в картуше Клеопатры.

[3] Ср. шестой знак в картуше Береники с четвертым и девятым знаками в картуше Александра. — Об ошибке, допущенной в написании этого знака художником, зарисовавшим картуш Береники для „Описания Египта" (вм. иероглифа, передающего звук *s*, в египетском оригинале стоит иероглиф для звука *ē*), см. стр. 248, прим. [49].

[4] Позже (во втором издании „Письма к г-ну Дасье", 1828 г.) этот египетский алфавит был пополнен иероглифическими соответствиями для остальных пяти (букв ζ, ϑ, υ, ψ, и χ) греческого алфавита.

теории о единстве всех трех видов египетского письма, правильно освещающей последовательность развития одного вида из другого.

Еще в 1813 г. Шампольон высказывал мысль о необходимости существования в египетских текстах алфавитных иероглифов для передачи суффиксов и префиксов египетского языка, а через пять лет даже указал иероглиф, соответствовавший одному из этих суффиксов.[1] И все же Шампольон вначале приписывал открытому им иероглифическому алфавиту очень ограниченную роль, полагая, что алфавитные знаки применялись в иероглифических текстах только для передачи собственных имен и титулов греческих и римских повелителей Египта.

Больше того, он считал — и это было широко распространенным мнением среди ученых его времени,[2] — что элементы звукового алфавитного письма были введены египтянами для передачи чужеземных собственных имен только под влиянием греков. „Я также долго разделял эту ошибку, — писал он впоследствии,[3] — и упорно шел по этому ложному пути до того момента, когда очевидные факты показали мне египетское иероглифическое письмо под совершенно неожиданным углом зрения, так сказать, вынудили меня признать *фонетическое* значение за множеством иероглифических групп, содержащихся в надписях, украшающих египетские памятники всех эпох".

Факты, упоминаемые Шампольоном, стали ему известны 14 сентября 1822 г. Эта дата знаменует собой поворотный

---

[1] См. выше, стр. 149.

[2] Ср., например, заявление крупного ученого, эллиниста Летрона, сделанное им в одной из работ, изданной в 1823 г., уже после появления „Письма к г-ну Дасье", заканчивающегося указанием на наличие фактов, свидетельствующих о применении звукового алфавита в иероглифических текстах всех эпох. Летрон утверждал, что „только с помощью греков можно надеяться узнать когда-нибудь Египет, только через посредство их языка можно достичь понимания языков этой страны и дешифровать их памятники". См.: Lagier, ук. соч., стр. 78, прим. 2.

[3] Précis², стр. 299.

момент в деятельности ученого, отделяющий долгие годы исканий от периода созидательной работы, в который были написаны его основные труды и который кончился только с его смертью. В этот день Шампольон с утра был занят тем, что пытался восстановить иероглифические написания эпитетов египетских фараонов, сохранившихся в сделанном Гермапионом[1] греческом переводе надписи одного из римских обелисков, и сравнивал полученные при этом результаты с группами заключенных в картуши иероглифов, изданных в „Описании Египта". С этой же целью он взял одну из таблиц с зарисовками, сделанными в Египте его другом, архитектором Гюйо, и полученными им как раз в это же утро. На таблице с зарисовками высеченного в скалах Абу-Симбела, в Нубии, храма он заметил картуш с четырьмя иероглифами: . Два последние знака картуша совершенно одинаковы и каждый из них передавал, как это было установлено Шампольоном раньше, звук *s*. Значение предшествующего иероглифа ему также было известно: на Розеттском камне, как это явствовало из соответствующего слова греческой надписи памятника, иероглиф в сочетании с иероглифом (передающим в абу-симбельском картуше звук *s*) выражает понятие „рождать", по коптски—*mise*. Учитывая игнорирование египетским письмом гласных звуков, это сочетание следует читать *mś*, а иероглиф , стоящий в картуше на 3-месте от конца, передает, следовательно,

[1] Гермапион, египтянин, живший, как полагают, в эпоху греческого владычества в Египте, написал сочинение, в котором, между прочим, дал перевод на греческий язык надписи одного из обелисков, перевезенных из Египта в Рим. Сочинение это не сохранилось, но часть его, содержащая перевод иероглифической надписи, дошла до нас в работе римского историка IV в. н. э. Аммиана Марцеллина.

звук *m*.[1] Итак, три последние иероглифа картуша можно передать следующим образом: *mss*. Что же касается первого иероглифа, то в нем Шампольон правильно усмотрел изображение солнечного диска и предположил, что здесь этот знак является символом египетского бога солнца. И, действительно, другой картуш на этой таблице содержит те же самые четыре иероглифа, с той лишь разницей, что первый из них вместо солнечного диска изображает фигуру самого божества с диском на голове (𓁛). В коптском языке бог солнца назывался Rê. Следовательно, идеографический иероглиф солнечного диска необходимо также читать Rê, а всю группу из четырех иероглифов — Rêmss, если же вставить гласные, — Rêmsès, Ramesès или Ramsès.[2] Если это чтение правильно, то картуш содержит имя одного из могущественнейших фараонов древнего Египта, Рамсеса, жившего за много веков до эпохи греческого завоевания и упоминающегося в историческом труде Манефона.

Шампольон, еще не решаясь верить своему открытию, берет другую таблицу и обнаруживает на ней второй картуш с тремя иероглифами: (𓅝𓄟𓋴). Два последних иероглифа тождественны второму и третьему иероглифам из картуша с именем Рамсеса, т. е. имеют фонетическое значение *ms*. Первый же знак изображает ибиса, который, как было известно Шампольону, являлся в Египте священной птицей, воплощением божества луны. Имя этого божества в греческой передаче звучало *Thoth* и аналогичную форму имело в коптском языке. В целом, эти три иероглифа, из которых первый, по определению Шампольона, является идеографическим знаком, а два других носят фонетический характер, передают имя Тутмоса, другого фараона, также упоминавшегося Манефоном в качестве одного из древних египетских царей.

---

[1] В действительности этот иероглиф имеет фонетическое значение *ms*. Ср. ниже, стр. 238, прим. 2.

[2] Précis[2], стр. 269.

После проверки полученных результатов на целом ряде других иероглифических групп Шампольон окончательно убедился в том, что им прочитаны начертанные иероглифами на древних египетских памятниках имена фараонов, известных только из поздних греческих источников, фараонов, время жизни которых отделено от нас тысячелетиями, и ему стало ясно все значение сделанного открытия. Наконец-то загадка иероглифов разгадана. Наконец-то юношеские мечты воплотились в жизнь, многолетние искания завершились полным успехом, он постиг „душу" иероглифической системы египтян и установил, что алфавитное иероглифическое письмо существовало у египтян задолго до эпохи греческого завоевания.

Шампольон, как рассказывает его племянник,[1] спешит к брату, работавшему в Institut de France, неподалеку от их дома, вбегает к нему с восклицанием: „я добился своего! (Je tiens mon affaire!)", бросает на стол захваченные с собой материалы и начинает рассказывать о своем открытии. Но потрясение слишком велико, силы оставляют его, „он не в состоянии больше держаться на ногах, его охватывает какое-то оцепенение...".

Только через пять суток Шампольон пришел в себя и лишь 21 сентября смог приступить, с помощью брата, к оформлению работы, известной под названием „Письма к г-ну Дасье",[2]

---

[1] Aimé Champollion-Figeac. Les deux Champollion..., стр. 57.

[2] „Письмо к г-ну Дасье, непременному секретарю королевской Академии надписей и изящной словесности, относительно алфавита фонетических иероглифов, применявшихся египтянами для написания на их памятниках титулов, имен и прозваний греческих и римских государей". Извлечение из этого исследования было напечатано в октябрьском номере Journal des savants за 1822 г. Еще раньше, до доклада в Академии надписей, оно было полностью отпечатано литографским способом. — История рукописи „Письма к г-ну Дасье", как она изложена в книге Лажье, стр. 75, такова. Открытие иероглифического алфавита, при помощи которого Шампольон прочитал имена греческих и римских правителей Египта, отделено, по словам Лажье, от дня 14 сентября, когда он применил этот

законченной на другой день и прочитанной им 27 сентября на заседании Академии надписей.

„Письмо к г-ну Дасье“ Шампольон начинает с упоминания о своих прежних докладах в Академии, посвященных иератическому и демотическому письму,[1] в которых он, по его словам, „набросал основы грамматики и словаря этих двух систем“. Указав затем на достижения, сделанные до него в этой области, в связи с исследованием Розеттского камня, Сильвестром де-Саси, Окербладом и Юнгом, Шампольон обрисовал путь, приведший его от изучения демотической надписи Розеттского камня к анализу иероглифической надписи этого памятника и к выводу о существовании иероглифической „вспомогательной системы письма“, — алфавитных знаков для передачи чужеземных собственных имен. Изложив после этого данные,[2] касающиеся применения таких алфавитных знаков в греко-римскую эпоху, Шампольон дает краткую характеристику фонетической системы, согласно которой написаны греческие и римские имена в иероглифических текстах, называя ее полуалфавитной,[3] поскольку она, так же как и семитические системы письма, с которыми он ее отожествляет, передает только „остов“ слова, часто совер-

алфавит к именам древних фараонов, промежутком в несколько недель. За это время Шампольон набросал черновик исследования, называвшегося сперва „Memoire sur les hiéroglyphes phonétiques et sur leur emploi dans les monuments égyptiens pour y inscrire les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains“. Шампольон-Фижак за дни болезни своего брата привел эти наброски в порядок. 21 и 22 сентября Жан Франсуа отредактировал работу, прибавил к ней таблицу из 24-х египетских алфавитных знаков (с греческими и коптскими соответствиями) и небольшой отрывок, касающийся демотической надписи Розеттского камня, и направил ее 27 сентября, через де-Саси, непременному секретарю Академии надписей Дасье. Ср.: Aimé Champollion-Figeac, ук. соч., стр. 58 и 92, и предисловие Сотта к юбилейному изданию „Письма к г-ну Дасье“, стр. 71, прим. I.

[1] Первый доклад был сделан в августе 1821 г., второй — в августе 1822 г.

[2] См. выше, стр. 21—34.

[3] См. выше, стр. 35.

шенно не отмечая гласные звуки. Пытаясь, далее, выяснить причины, по которым изображение того или иного предмета применялось для передачи того или иного звука, он излагает акрофонический принцип образования алфавитных знаков.[1] Свою теорию возникновения и развития египетского иероглифического фонетического алфавита Шампольон считает почти полностью применимой и к фонетическому алфавиту демотических текстов.[2]

О своем открытии, сделанном 14 сентября, Шампольон из соображений методического характера[3] не упоминает. Он говорит лишь о наличии фактов, позволяющих утверждать, что иероглифические фонетические знаки, применявшиеся „для передачи звуков греческих или римских собственных имен, употреблялись также в иероглифических текстах, высеченных задолго до появления греков в Египте", и что уже в этих текстах они имели такое же фонетическое значение, как и в картушах греко-римской эпохи. Доказательством тому, что эти знаки не были изобретены в греко-римскую эпоху, служит,— говорит Шампольон, — то обстоятельство, что иероглифический алфавит был, в сущности, очень плохо приспособлен для передачи греко-римских имен: вследствие частого опущения гласных, а иногда и неточной передачи согласных звуков, имена эти иной раз искажаются почти до неузнаваемости.[4]

В заключение Шампольон высказывает мысль, что европейское алфавитное письмо — египетского происхождения,[5] мысль, идущую совершенно вразрез с установившимся среди ученых его времени мнением и получившую особенно широкое распространение в двадцатом веке.

---

[1] См. выше, стр. 35 сл.
[2] См. выше, стр. 38 сл.
[3] См. Précis², стр. 228.
[4] См. выше, стр. 39 сл.
[5] См. выше, стр. 40—41.

V. «Очерк иероглифической системы древних египтян»

Доказательства универсальности, древности и туземного происхождения египетского иероглифического звукового алфавита

1. Полемика с Юнгом

Шампольон, по образному выражению одного из современных ученых, оказался в положении человека, искавшего остров и нашедшего, кроме этого острова, целый материк.[1] Об острове он рассказал, но для того, чтобы описать новый материк, нужно было сперва исследовать его. К этому исследованию Шампольон немедленно и приступает. Вскоре он уже мог сообщить в трех докладах, прочитанных в Академии надписей в апреле, мае и июне 1823 г.,[2] о результатах своих работ, а в 1824 г. вышел в свет его основной труд, излагавший учение о системе египетского иероглифического письма и называвшийся „Очерк иероглифической системы древних египтян или изыскания об основных элементах этого священного письма, об их различных комбинациях и о связи между этой системой и другими египетскими графическими методами“.[3] В „Очерке иероглифической системы“ наука получила, наконец, ответ на те три вопроса, без разрешения которых чтение египетских надписей и текстов было невозможно.[4]

В этом, не потерявшем интереса и до наших дней труде, в котором фонетическое письмо египтян рассматривается авто-

---

[1] Lagier, ук. соч., стр. 76.

[2] См.: Aimé Champollion-Figeac, ук. соч., стр. 59.

[3] Précis du système hiérogliphique des anciens égyptiens, ou recherches sur les éléments premiers de cette écriture sacrée, sur leurs diverses combinaisonts, et sur les rapports de ce système avec les autres méthodes graphiques égyptiennes. Avec un volume du planches. Paris, 1824. Treuttel & Würtz. В 1828 г. вышло второе издание этого труда, в которое было включено и „Письмо к г-ну Дасье“. Ссылки на Précis в настоящей работе сделаны по второму изданию.

[4] См. выше, стр. 99—100.

ром уже не как „вспомогательное“ средство,[1] а как „необходимая и неотъемлемая часть“, как „душа“ иероглифической системы письма,[2] Шампольон сперва ответил на обвинение в плагиате, выдвинутое против него, после опубликования „Письма к г-ну Дасье“, Юнгом и его сторонниками.

В анонимной статье, помещенной в одном из английских журналов,[3] указывалось, что египетский иероглифический алфавит не может быть использован для чтения иероглифических текстов, поскольку он применялся египтянами только для транскрибирования греко-римских собственных имен, самое же открытие этого алфавита приписывалось Юнгу. Эти утверждения нашли отклик среди некоторых ученых и были частично повторены в работе самого Юнга, посвященной А. Гумбольдту и озаглавленной: „Сообщение о некоторых новых открытиях в области иероглифической литературы и египетских древностей, с приложением подлинного алфавита автора, дополненного Шампольоном“.[4] Указывалось, что Юнг еще в 1819 г. опубликовал статью,[5] в которой, на основании анализа двух иероглифических имен, Птолемей и Береника, был дан иероглифический фонетический алфавит.

Шампольон, путем детального сравнения своего метода и метода Юнга, примененных ими при анализе указанных двух имен, показал несостоятельность метода Юнга и несправедливость обвинения. Указав на работы своих предшественников в области изучения египетского письма, начиная с Афанасия Кирхера и особенно подробно остановившись на исследованиях Юнга,

---

[1] См. выше, стр. 39.

[2] См. Précis², стр. 2—3.

[3] Quarterly Review LV, 1823. См. Précis², стр. 6.

[4] An account of some recent discoveries in hieroglyphical litterature, and Egyptian antiquities including the author's original alphabet, as extended by M. Champollion, with a translation of five unpublished Greek and Egyptian manuscripts. By Thomas Young, M. D. F. R. S. Fellow of the Royal College of physicians. London, John Murray, 1823.

[5] Имелась в виду упоминавшаяся выше статья Юнга в Британской энциклопедии.

он задает вопрос: если его метод тожественен методу Юнга, то почему же он пришел к результатам, столь отличающимся от результатов исследований английского ученого? „Почему,— спрашивает Шампольон, — Юнг внезапно остановился после своей попытки анализа двух имен, Птолемей и Береника, в то время как я, применив результаты моего анализа, прочитал без труда множество других имен?“.[1] Вопрос о приоритете в деле открытия подлинного египетского фонетического алфавита вовсе не приходится и ставить, потому что „наши две системы, — утверждает Шампольон, — не имеют почти ничего общего“.[2]

Действительно, и Шампольон и Юнг в своих исследованиях исходили из двух одинаковых предпосылок: первая из них говорила о генетической связи курсивного египетского письма и письма иероглифического, вторая — о том, что картуши являлись отличительным признаком царских имен. Но оба эти факта отмечались уже давно, до появления исследований и Шампольона и Юнга, Тихсеном,[3] Жомаром и де-Гинем, Бартелеми и Соэгой.

Что же касается определения звукового значения иероглифов, входящих в состав имени Птолемей, то здесь Юнг, слишком механически сопоставляя их с демотическими знаками этого имени в средней надписи Розеттского камня, допустил ошибку, имевшую важные последствия. Полагая, что имя это написано полностью, Юнг, вследствие того что количество иероглифических знаков в имени Птолемей было меньше, чем число букв в его греческом написании, некоторые иероглифы считал слоговыми и даже двусложными.[4] Кроме того, одному

---

1 Précis,2 стр. 21.

2 Там же, стр. 30.

3 Тихсен рассматривал египетское иератическое письмо как „символическое письмо, составленное из сокращенных иероглифов и произвольных знаков“. См.: Magasin enzyclopédiqne..., redigé par A. L. Millin, 1816, т. II, стр. 287, прим. I, и Précis2, стр. 21

4 Так, иероглифу лежащего льва он приписывал значение *ole*. По Юнгу, имя Птолемея было написано иероглифами полностью: Ptolemaios, Шампольон же правильно читал его как Ptolmes.

иероглифу, занимающему в имени Птолемея третье место,[1] он не приписывал никакого фонетического значения, считая его лишним, повидимому на том основании, что в последней строке иероглифической надписи Розеттского камня этот знак в картуше Птолемея отсутствует, а его соответствие в демотической надписи этого памятника Юнг ошибочно считал частью предшествующего знака.

В результате, Юнг правильно определил значение лишь пяти алфавитных иероглифов, а его система звуковых иероглифов в целом оказалась неоднородной, состоящей из знаков трех категорий — алфавитных, односложных и двусложных. Понятно, что все дальнейшие попытки ее применения к другим иероглифическим именам не могли иметь и не имели успеха.[2]

В противоположность этому, открытая Шампольоном в результате правильного анализа каждого знака в греческих иероглифических именах (Птолемей, Клеопатра, Александр и др.) иероглифическая звуковая система, внутренне однородная и построенная по строго алфавитному принципу,[3] нашла блестящее применение на практике. При помощи этой системы Шампольон правильно прочитал несколько десятков греческих и римских собственных имен и титулов.

К аргументам, изложенным в „Очерке иероглифической системы", теперь, после опубликования многочисленных материалов, освещающих жизнь и творческий путь Шампольона,[4] можно добавить ряд дополнительных фактов. Мы знаем, что самая мысль о необходимости существования у египтян звуко-

---

[1] См. выше, стр. 91 и 269, прим. [11].

[2] О возможности алфавитного анализа иероглифических групп, передававших египетские слова, Юнг даже не ставил вопроса.

[3] Каждый иероглиф передавал один гласный или согласный звук, правильно определенный Шампольоном.

[4] В труде: H. Hartleben. Champollion, sein Leben und sein Werk. Berlin, 1906, 2 тома (из этого труда нами взяты основные факты, касающиеся биографии и научной деятельности Шампольона), в статьях Шампольона-Фижака, и др.

вого письма была высказана им уже 7 августа 1810 г., задолго до того, как были опубликованы работы Юнга.[1] Тогда же Шампольон сделал предположение о том, что греческие имена, встречающиеся на Розеттском камне, могли быть выражены в иероглифической надписи только с помощью знаков, способных передавать звуки.

Мы знаем также, что уже в 1813 г. Шампольон пришел к мысли о существовании в египетском письме, наряду с идеографическими, алфавитных иероглифов, а в 1818 г., он устанавливает один из них.[2] Нам известно также, что в 1818 г., еще до выхода в свет статьи Юнга, опубликованной в Британской энциклопедии, Шампольон, несмотря на ошибочное представление о иероглифической системе как о чисто идеографическом письме, уже был в состоянии дать довольно точный перевод иероглифического текста Розеттского камня и мог указать в этом тексте имя Птолемея.[3]

Указанные факты, наряду с другими, полученными Шампольоном в результате долголетних изысканий, и привели его после того, как ему стала ясна подлинная последовательность развития трех видов египетского письма (от иероглифического, через иератическое, к демотическому), к открытию египетского звукового алфавита, а затем, как только он убедился в универсальности открытого им алфавита, — к созданию учения о системе египетского иероглифического письма. Необходимо также заметить, что Шампольон вовсе не замалчивал достижений Юнга. В самом начале „Письма к г-ну Дасье" он, перечисляя исследователей, труды которых дали первые положительные результаты в деле изучения Розеттского камня, называет, наряду с де-Саси и Окербладом, и английского ученого. В том же „Письме к г-ну Дасье",[4] указав на ошибки,

---

[1] См. выше, стр. 148.

[2] См. выше, стр. 149.

[3] Hartleben, т. I, стр. 299—300, и фиг. 4 на стр. 179 настоящей книги.

[4] См. выше, стр. 20, прим. 2.

допущенные Юнгом при анализе имени Береника, Шампольон вместе с тем снова отмечает „весьма важные результаты", достигнутые Юнгом, проделавшим работу, „аналогичную той", которой он сам был занят „в течение стольких лет".[1]

Основная причина успеха Шампольона заключается в его правильном подходе к изучаемому вопросу. Высокомерное отношение Юнга к народу, письмо которого он стремился дешифровать,[2] имело следствием недооценку высокого уровня развития духовной культуры, достигнутого древним народом. Даже после выхода в свет „Письма к г-ну Дасье" и „Очерка иероглифической системы" английский ученый отрицал наличие у египтян самобытного алфавита. В противоположность этому, верное историческое чутье подсказало Шампольону мысль, что народ, создавший столь высокую цивилизацию, не мог не иметь и высоко развитой графической системы, — мысль, содержавшуюся еще в первых работах создателя египтологии. Эту сторону его теории четко оттенил в своем кратком изложении иероглифической системы Шампольона С. О. Коссаковский,[3] сумевший убедительно показать, в чем заключалась та основная мысль, которая руководила Шампольоном во всех его длительных и неутомимых исканиях: „Отнюдь не случайность, — пишет Коссаковский, и в этих словах чувствуется скрытая полемика автора изложения с неоднократно

---

[1] В своей вступительной речи к курсу археологии Шампольон еще сильнее подчеркивает заслуги Юнга в области изучения египетского письма.

[2] См. выше, стр. 136.

[3] Станислав Осипович Коссаковский родился в 1795 г., умер в 1872 г. Дипломат и литератор. С 1822 по 1826 г. был первым секретарем русского посольства в Риме. Изложение иероглифической системы написано Коссаковским под впечатлением личного общения с французским ученым, с которым он близко познакомился в Риме, где Шампольон, во время своего путешествия по Италии, прочитал в 1825 г. несколько лекций о древнеегипетском письме. — Рукопись Коссаковского хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук СССР и подготовляется нами к печати.

Фиг. 4 Перевод последней строки иероглифической надписи Розеттского камня, сделанный Шампольоном в 1818 г.

высказывавшимся мнением противников французского ученого о случайном характере его открытия, — руководила г-ном Шампольоном в его исследованиях до того, как он получил в свое распоряжение неоспоримые документы, положенные им в основу его системы; соображения общего характера помогли ему предвосхитить те результаты, которых он достиг впоследствии.

„Находясь под впечатлением истины, что письмо или письменный язык всегда находится в соответствии с цивилизацией того народа, который им пользуется, он вынужден был отвергнуть столь распространенную до него мысль, что египетская графическая система была недостаточно совершенной. В самом деле, кто может оспаривать высокий уровень развития культуры древних египтян! Восхищение греческих путешественников, некогда их посещавших, исторические свидетельства, касающиеся их столь сложных социальных отношений, наконец их сооружения, изумляющие даже нашу современную цивилизацию, являются неоспоримыми доказательствами высокого развития духовной культуры у этого народа, господствующая мысль которого при сооружении его многочисленных памятников, повидимому, состояла в том, чтобы бросить вызов векам...

„Считая доказанным соображениями высшего порядка, что графическая система египтян должна была быть совершенной, т. е. что она имела знаки, способные передавать все оттенки мысли цивилизованного народа, г-н Шампольон решил, что египтяне неизбежно должны были иметь в их графической системе знаки для передачи звуков, знаки, без помощи которых, как это нетрудно доказать, язык мог бы только очень приблизительно выражать связь между понятиями, связь весьма обычную даже для мало развитого общества". И Шампольон, после долгих исканий, в процессе которых он нередко отклонялся от правильного пути, открывает, наконец, на египетских памятниках это средство исчерпывающе передавать мысли с помощью письма — звуковые иероглифы.

2. Две категории знаков в иероглифических написаниях греческих и римских собственных имен

Доказав несостоятельность обвинений Юнга, Шампольон переходит к изложению основной цели своего труда, которую он формулирует следующим образом:

„Главной целью является показать, в противовес... к мнению... доктора Юнга,

„1) что мой иероглифический алфавит применим к иероглифическим царским надписям всех эпох;

„2) что открытие иероглифического фонетического алфавита является подлинным ключом ко всей *иероглифической системе*;

„3) что древние египтяне употребляли его во все эпохи для передачи *алфавитным* путем звуков слов их разговорного языка;

„4) что все иероглифические надписи составлены, в большей их части, из знаков *чисто алфавитных* и имеющих именно то значение, которое я установил;

„5) я попытаюсь распознать характер различного рода письмен, одновременно употребляющихся в иероглифических текстах.

„6) Я попытаюсь, наконец, вывести из всех этих предположений, поскольку они уже будут доказаны, общую теорию иероглифической системы, опирающуюся на многочисленные применения ее: эта теория будет одновременно, — я осмеливаюсь говорить об этом, так как она будет вытекать из фактов, — новой и достоверной. Она приведет нас сперва к распознанию, зачастую полному, темы и содержания довольно большого количества надписей, и при помощи последовательного ряда работ, которые она отныне делает возможными..., она скоро даст нам полное понимание всех иероглифических текстов“.[1]

[1] Précis², стр. 11—12.

В качестве исходного момента Шампольон избирает уже установленный им с несомненностью факт передачи собственных имен и титулов греческих и римских правителей Египта алфавитными фонетическими иероглифами, в основе своей идеографическими (т. е. передающими понятия, а не звуки) и якобы лишь для этой цели теряющими свой знаменательный характер.

Вопрос ставится следующим образом. Если группа идеографических иероглифов в некоторых случаях резко меняет свой характер, то естественно было бы ожидать, что в связном тексте эта группа должна сопровождаться каким-либо отличительным знаком, приметой, предупреждающей читателя об особом, в данном случае, употреблении иероглифов, входящих в состав этой группы. Во всех приводившихся до сих пор (в „Письме к г-ну Дасье") написанных фонетическим путем иероглифических именах, действительно, есть элемент, не имеющий фонетического значения, в котором можно было бы заподозреть такой именно отличительный знак, примету.[1] Это — овальной формы обрамление, в которое вписана группа алфавитных иероглифов, передающих собственное имя или титул, так называемый картуш.[2] Однако не подлежит сомнению, что такие же картуши встречаются на памятниках, относящихся к эпохе, предшествовавшей греческому завоеванию Египта, и если считать картуш приметой, указывающей на фонетический характер заключенных в нем иероглифов, то придется высказать идущее вразрез с общепринятым мнением предположение, что звуковые алфавитные иероглифы были известны уже при египетских фараонах. С другой стороны, все известные случаи применения картушей на многочисленных египетских памятниках всех трех стилей[3] свидетельствуют о том, что картуши содержат в себе исключительно ц а р с к и е имена

[1] Таково было мнение Юнга.

[2] Шампольон (Précis², стр. 91) называет его „cartel ou cartouche".

[3] Говоря о трех стилях, Шампольон имеет в виду памятники трех исторических периодов Египта: периода владычества фараонов, периода греческого завоевания и периода римского завоевания.

и титулы, независимо от характера знаков (идеографических или звуковых), которыми эти имена и титулы написаны. Следовательно, „картуш или обрамление эллиптической формы является признаком политического господства, а не графическим знаком“.[1]

Последнее утверждение получает полную убедительность благодаря тому обстоятельству, что собственные имена частных лиц, несколько сот которых Шампольону удалось установить и прочитать на множестве египетских памятников, в иероглифических текстах никогда не имеют картуша и ничем не выделяются среди других иероглифических групп.[2]

Правда, один отличительный признак собственные имена частных лиц в иероглифических текстах имеют. Анализируя эти имена (на памятниках римского времени), Шампольон обратил внимание на тот факт, что все они, в подавляющем большинстве случаев, заканчиваются иероглифом сидящего мужчины,[3] если речь идет о мужском имени, или иероглифом сидящей женщины, если речь идет о женском имени. Но роль этих иероглифов сводится не к обозначению характера предшествующих им знаков, а заключается в указании на характер выраженного последними понятия, независимо от того, являются ли эти знаки фонетическими или идеографическими. Аналогичные иероглифы встречаются и в других случаях. Так, например, иероглифические имена богов заканчиваются

---

[1] Présic[2], стр. 92.

[2] Там же, стр. 92—93.

[3] Детальному анализу Шампольон подверг три имени: Антиной, Луцилий и Секст Африкан. Первое имя принадлежит фавориту императора Адриана и написано исключительно при помощи фонетических знаков. В двух других, написанных также фонетическими иероглифами, но сопровождаемых, кроме того, „видовыми знаками“ сидящего мужчины, Шампольон усматривает имена двух префектов Египта — Луцилия Руфа и Секста Африкана: (Антиной), (Луцилий), (Секст), (Африкан).

иероглифом, символизирующим божество, названия священных быков и коров — изображениями быка и коровы, и т. д.[1]

Из всего этого Шампольон делает два вывода. Во-первых, — говорит он, — доказано, что в иностранных собственных именах в иероглифических текстах римского времени фонетические иероглифы, при помощи которых указанные имена транскрибировались, не сопровождались никакими знаками, указывающими на фонетический характер этих иероглифов. Во-вторых, установлено, что фонетические иероглифы постоянно сочетаются с иероглифами идеографическими, вроде упоминавшихся выше „видовых знаков“ мужчины и женщины, бога и богини, быка и коровы и т. п., без какого-либо специального разграничения.

Итак, — заключает Шампольон, — с несомненностью установлено, что в системе иероглифического письма применялись знаки двух совершенно различных категорий: „одни выражали *звуки*, другие — *понятия*“.[2]

3. Звуковые алфавитные знаки в иероглифических написаниях египетских слов

В связи с этим, — поскольку, даже при самом поверхностном их изучении, в иероглифических надписях всех эпох можно обнаружить присутствие знаков, употребляющихся в звуковом алфавитном значении в иностранных собственных именах греко-римского периода, — встает вопрос о характере этих знаков в надписях, относящихся к древним периодам египетской истории: имеют ли они в этих надписях также фонетическое значение или же, как это обычно принято считать в отношении всех египетских иероглифов, они передают в надписях догреческого периода не звуки, а понятия, т. е. носят идеографический характер? Разрешить этот вопрос, — говорит

[1] Об этих иероглифах, называемых Шампольоном „указателями категории“ (une marque de spécialité), а также „видовыми знаками“ или „видовыми письменами“ (signe d'espèce, caractère d'espèce), см. ниже, стр. 219—221.

[2] Précis², стр. 100.

Шампольон, — тем более важно, что знаки, о которых идет речь, составляют, по меньшей мере, две трети всех иероглифов любой египетской надписи.[1]

Шампольон не сомневается в том, что знаки, передающие звуки в иностранных собственных именах, „сохраняют это фонетическое значение во всех иероглифических текстах, в которых они встречаются“. В этом его убеждают следующие факты.

При сопоставлении двух папирусов с иероглифическими текстами заупокойного характера, предположительно одинакового содержания, о чем свидетельствовали сходные рисунки и надписи обоих текстов, Шампольон обнаружил их полное тожество, за исключением двух пунктов расхождения. Расхождение заключалось, во-первых, в том, что сопоставляемые папирусы имели различные собственные имена, — имена покойных, для которых эти рукописи были изготовлены, и имена их родителей; во-вторых, в том, что во многих, в основном сходных между собой, иероглифических группах довольно часто в одном из папирусов встречались отдельные знаки, отличавшиеся по форме от соответствовавших им знаков второго папируса. Желая выяснить причину последнего явления, Шампольон, которому уже раньше было известно, что в иероглифическом письме всякое понятие обычно выражается группой из нескольких знаков (реже — из одного или двух знаков), стал сопоставлять сходные группы иероглифов во многих текстах одинакового содержания. В результате сопоставления он получил таблицу чередующихся между собой иероглифов, причем оказалось, что это те же самые иероглифы, из которых состоит фонетический алфавит, открытый им при анализе греческих и римских собственных имен, и что их чередования полностью повторяют чередования алфавитных знаков — омофонов[2] этого иероглифического алфавита. Таким образом, Шампольон установил, что в иероглифических текстах, считавшихся до сих пор чисто идеографическими, имеет место

[1] Précis[2], стр. 102.

[2] Об омофонах, см. выше, стр. 164—165.

такая же взаимная замена одного знака другим, — и притом в сочетаниях знаков, не передающих собственные имена, — что и в несомненно фонетических группах иероглифов, передававших греческие и римские собственные имена. Аналогичные, результаты дало сопоставление иероглифических и иератических заупокойных текстов, а также сравнение между собой двух иератических папирусов того же заупокойного характера.

Эти факты заставили Шампольона предположить, что одни и те же знаки, которые и в текстах греко-римского времени (в собственных именах) и в сходных иероглифических группах (не содержащих собственные имена) в текстах разных времен одинаково чередуются друг с другом, имеют одно и то же значение и одну и ту же природу, т. е. что и в том и в другом случае они являются иероглифами фонетическими. Иначе говоря, оказалось, что иероглифические тексты, считавшиеся до сих пор исключительно идеографическими, содержат большое количество фонетических знаков, передающих *звуки* египетского разговорного языка.

4. Звуковые алфавитные знаки в „иероглифических группах грамматического характера“

Предположение о наличии звуковых иероглифов в египетских текстах, считавшихся до того исключительно идеографическими, полностью подтвердилось успешным применением установленного Шампольоном в результате анализа греко-римских иероглифических имен звукового алфавита к чтению целого ряда иероглифических групп и последующим установлением значения последних. Для устранения возможности ошибки он привлекает в данной связи только те группы, реальное значение которых уже предварительно намечается благодаря какому-либо особому обстоятельству, не зависящему от чтения этих иероглифических групп.

Исходя из этого принципа, Шампольон в первую очередь пытается применить свой алфавит к некоторым, часто встре-

чающимся в текстах, иероглифическим группам, смысл которых был им установлен заранее в результате сравнения многих текстов, содержащих эти группы. Особенно удобны для этой цели термины родства, вследствие того, что большое число этих терминов часто можно встретить одновременно на одном и том же памятнике, именно на заупокойных стелах. На этих стелах обычно изображаются все, подчас очень многочисленные, члены семьи лица, которому стела посвящена,[1] в композиции, не оставляющей сомнения в том, какие фигуры изображают основные персонажи сцены, какие — второстепенные (т. е. членов семьи умершего). Каждая из фигур сопровождается надписью, указывающей имя и степень родства данного персонажа по отношению к покойному. Так, например, из сопоставления некоторых из этих надписей ясно, что понятие „сын" передается тремя различными группами иероглифов: 𓅭𓏤, 𓆇𓏤 и 𓄟𓋴. Применяя к ним уже известные алфавитные значения этих иероглифов, Шампольон получает слово *si* для каждой из двух первых групп и слово *ms* для третьей группы,[2] а коптский язык дает для *si* значение „сын" (ⲥⲓ)[3] и для *ms* значение „рождать" (ⲙⲓⲥⲉ) и „рожденный", „дитя" (ⲙⲁⲥ и ⲙⲉⲥ).[4]

Идя таким путем, Шампольон прочитал на заупокойных стелах иероглифические группы со значением „отец", „мать", „сын", „дочь", „брат" и „сестра", а затем, на памятнике другого характера, слово „царь", причем эти значения опять-таки подтвердились соответствующими коптскими словами.

Большую роль, наряду с коптским языком, при проверке правильности установленного значения прочитанных при помощи

---

1 При этом ясно выражены возрастно-половые признаки изображенных персонажей.

2 См. выше, стр. 168.

3 В собственном имени ϩⲱⲣ-ⲥⲓ-ⲏⲥⲉ „Гор, сын Исиды". Précis[2], стр. 120.

4 Ср. там же, стр. 121.

фонетического алфавита слов сыграло то обстоятельство, что „смысл *фонетической группы* очень часто определяется в иероглифических текстах *изображением* самого предмета, название которого выражает эта фонетическая группа“.[1] Так, например, фонетически написанные иероглифические слова, близкие по своему звуковому составу коптским словам, означающим „лошадь“, „крокодил“, „крыло“, „нога“, „весы“, „сикомора“ и т. п., имеют после фонетических алфавитных знаков соответственно иероглифы, изображающие лошадь, крокодила, крыло, ногу, весы, дерево и т. п.

Прочитав, таким образом, целый ряд слов,[2] Шампольон, — исходя опять-таки из алфавитного значения иероглифов, установленного в результате анализа греческих и римских собственных имен, и из данных коптского языка, — приступает к изложению очень важной части своего труда, связанной с чтением отдельных иероглифов или групп иероглифов, выполняющих в египетских текстах функции грамматического порядка и с помощью которых выражается род, число, лицо и время.

Шампольон верно установил, что алфавитный иероглиф (*t*) является признаком женского рода. Так, например, иероглиф означает *sꜣ*[3] „сын“, группа означает *śn* „брат“, но эти же иероглифы в сочетании с знаком означают: *sꜣ·t* „дочь“ ( ) и *śn·t* „сестра“ ( ). Однако, поскольку в коптском языке звук *t* передает не окончание, а определенный артикль женского рода, Шампольон и в иероглифе видит определенный артикль женского рода, ошибочно полагая, что, хотя этот иероглиф стоит в текстах в конце слова, его следует читать, как в коптском языке, перед словом, к которому он относится: *tsꜣ* вместо *sꜣ·t*, *tśn* вместо *śn·t*, и т. п.

---

[1] Précis², стр. 125.

[2] В Précis², стр. 125—126, приводится девятнадцать таких слов.

[3] В транскрипции Шампольона: *si*.

Точно так же и признаки „числа, лица и времени, в остальном сходные с этими признаками в коптском языке, вместо того чтобы стоять всегда в начале, как в коптском языке, иногда ставятся в конце“. „Однако ничто не доказывает, — говорит Шампольон, — что они произносились в таком порядке“.[1]

Эта ошибка, однако, не помешала ему верно прочитать целый ряд иероглифов, передававших факты грамматического порядка. Таким образом, он правильно установил наличие в египетском языке суффиксального спряжения, определенных артиклей мужск. и женск. р. ед. ч., определенного артикля множественного числа, местоименных суффиксов 2-го л. ед. ч. мужск. р., 3-го л. ед. ч. мужск. и женск. р. и т. д.

Хотя все это подтверждало правильность предположения о звуковом характере большей части иероглифов, Шампольон, для того чтобы превратить предположение в абсолютную уверенность, считал необходимым продолжить свой анализ. Он переходит к применению фонетического алфавита к именам, привлекавшим так много внимания, вызывавшим такое сильное любопытство еще у писателей классической древности и окруженным ореолом особой таинственности в продолжение веков, — к тем иероглифическим именам, в которых „меньше всего можно было рассчитывать распознать звуки, — к именам *древних божеств* Египта“.[2]

5. Звуковые алфавитные знаки в иероглифических написаниях имен египетских богов

Установить группы иероглифов, обозначающие имена египетских богов, было сравнительно нетрудно, благодаря тому обстоятельству, что на египетских памятниках изображения этих богов очень часто сопровождаются стереотипными надписями, построенными в большинстве случаев по одной и той же

---

[1] Précis[2], стр. 127. — Такого же ошибочного мнения Шампольон придерживался и позже в „Египетской грамматике“ (стр. 177).

[2] Там же, стр. 137.

схеме. Первые три или четыре иероглифа на этих надписях почти всегда одинаковы и передают определенную формулу,[1] за которой следует группа знаков, — всегда повторяющаяся на различных памятниках в тех случаях, когда на этих последних рядом с надписью изображено одно и то же божество с одинаковыми атрибутами. Эта группа знаков обычно заканчивается „видовым иероглифом" бога или богини, значение которого было выяснено Шампольоном в связи с изучением Розеттского камня.

Таким образом, можно совершенно точно выделить иероглифы, означающие имена египетских божеств, и Шампольон, использовав все доступные ему материалы, собрал значительное количество их и приступил к чтению при помощи звукового иероглифического алфавита. Полученные результаты он затем сверял с данными греческих и римских писателей, приводящих в своих сочинениях описания и туземные имена древних египетских божеств.

Так, например, из этих сочинений мы знаем, что человеческая фигура с головой сокола,[2] увенчанной диском красного цвета, изображала на египетских памятниках божество солнца,[3] а Эратосфен[4] читал египетское имя этого божества, если судить по его переводам на греческий язык теофорных („богоносных") имен фараонов, как *Rê*, *Ra* или *Ri*. Аналогичную форму имеет написанное греческими буквами имя египетского бога солнца и на гностических геммах *(Ri* или *Re)*.[5]

Действительно, применив уже известные алфавитные значения к двум иероглифам , передающим имя бога солнца

[1] Шампольон не точно перевел эти иероглифы, но его утверждение, что они передают одну и ту же формулу, предшествующую имени божества, совершенно правильно.

[2] По Шампольону — ястреба.

[3] В письме ему соответствовал иероглиф .

[4] Философ александрийской школы, живший в III в. до н. э.

[5] Précis [2], стр. 140.

в надписях, сопровождающих его изображение, первый из которых является рисунком рта и имеет фонетическое значение *r*, а второй, воспроизводящий руку, читается как *ē* (или *i*), Шампольон получил имя *Rê*, соответствующее одному из чтений Эратосфена и подтверждаемое также данными коптского языка, в котором *rē* значит „солнце“.

Иногда вместо алфавитных знаков имя бога Ра передается лишь иероглифом красного цвета, изображающим солнечный диск,[1] и небольшой вертикальной черточкой (☉ ı). В этом случае, — говорит Шампольон, — можно считать, что имя написано *изобразительным* способом, т. е. с помощью изображения самого солнца.

Аналогичным путем, привлекая данные египетского изобразительного искусства и свидетельства классической древности, Шампольон прочитал на египетских памятниках с помощью фонетического иероглифического алфавита имена ряда древних египетских богов — Амона, Анубиса, Птаха и др. Таким образом он установил, что *„древние египтяне писали с помощью фонетических иероглифов даже имена своих богов*, т. е. имена существ, которые было легче и даже уместнее всего выразить символически, если священное письмо египтян было в своей основе исключительно символическим, как это были склонны полагать до сих пор“.[2]

Иногда имена богов передавались, как мы только что видели на примере с именем бога Ра, не фонетическими знаками, а иероглифами, воспроизводившими самый образ божества, снабженный его основными атрибутами, в том виде, в каком египтяне представляли его себе. Имена египетских богов, написанные таким способом, Шампольон называет *изобразительными* (les noms figuratifs), в противоположность звуковым именам (les noms phonétiques) тех же богов.

---

1 Ср. выше, стр. 169.

2 Précis², стр. 157.

Такой способ передачи понятий, когда вместо фонетического написания слова, означающего какой-либо предмет, воспроизводится самый предмет, был известен Шампольону еще по иероглифической надписи Розеттского камня, в которой, например, понятие „часовня“ выражено знаком, изображающим этот предмет.[1]

В таблице, приложенной к „Очерку иероглифической системы“, Шампольон приводит ряд таких изобразительных знаков или „знаков-образов“ (les caractères images) богов, употреблявшихся в иероглифических текстах вместо фонетических групп для написания имен этих богов. Так, например, имя бога Амона передается иероглифом 𓀭, изображающим человеческую фигуру с двумя большими перьями на голове, имя бога Анубиса — человеческой фигурой с головой собаки 𓁢, имя бога солнца — человеческой фигурой с головой сокола, увенчанной солнечным диском 𓁛,[2] и т. д.

Есть наконец, — говорит Шампольон, — и еще один способ передачи в иероглифических текстах имен богов, заключающийся в том, что вместо фонетического написания имени или воспроизведения фигуры божества изображается предмет или животное, *символизирующее* это божество: иероглиф обелиска 𓉶 передает имя бога Амона, иероглиф собаки 𓃣 — имя бога Анубиса, и т. д.

Нередко имя божества пишется комбинированным фонетико-идеографическим способом, при котором после фонетической группы, передающей это имя, следует иероглиф, изображающий божество или какой-либо символ последнего.

Таким образом, анализ имен божеств привел Шампольона к выводам, имеющим важное значение для его системы египетского иероглифического письма в целом. Доказав факт пере-

[1] См. ниже, стр. 211.

[2] Ср. выше, стр. 169.

дачи имен египетских богов в иероглифических текстах теми же знаками звукового характера, с помощью которых передаются и другие египетские слова, он, вместе с тем, пришел к выводу о наличии в египетской системе письма, помимо фонетических иероглифов, еще двух категорий знаков: *изобразительных*, передававших самый образ божества, имя которого следовало написать, и *символических*, передававших те предметы или существа, с которыми, по представлениям древних египтян, это божество находилось в прямой или косвенной связи.[1] В противоположность фонетическим иероглифам, передающим звуки, обе последние категории знаков являются идеографическими, т. е. передающими понятия знаками.

6. Звуковые алфавитные знаки в иероглифических написаниях собственных имен египтян

Установление фонетически написанных иероглифических имен древних египетских богов, а также их идеографических вариантов позволило Шампольону перейти к следующему этапу процесса дешифровки иероглифов — к анализу туземных египетских собственных имен,[2] ибо уже при изучении их греческих написаний у него, как он выражается, было предчувствие, что в них должны содержаться имена египетских богов.[3] И, действительно, ему удалось обнаружить большое количество иероглифических теофорных[4] собственных имен, верно прочитать их и дать их правильный, в основном, перевод.

Собственные имена частных лиц в египетских текстах не имеют, как это было отмечено Шампольоном ранее,[5] ника-

[1] Précis[2], стр. 158—159.

[2] Напомним, что до этого момента анализу Шампольона подверглись только иероглифические написания греческих и римских собственных имен.

[3] Précis [2], стр. 162.

[4] „Богоносных".

[5] См. выше, стр. 183.

ких отличительных графических признаков, если не считать присутствия в конце имени „видового знака“ мужчины или женщины, в зависимости от пола носителя имени. Установив наличие среди знаков, составляющих одно из этих имен, группы фонетических иероглифов (или идеографического знака), обычно передающей имя какого-либо определенного божества, и применив фонетический алфавит к остальным знакам, легко было прочитать это имя в целом.

Сопоставление полученных результатов с данными писателей классической древности и этимологизация имени при помощи коптского языка служили достаточным критерием для проверки правильности чтения этого имени.

Так, например, в группе иероглифов легко выделяется сочетание из трех фонетических знаков (3, 4, 5), обычно передающее, как это уже было известно Шампольону, имя бога Амона. Последний иероглиф данной группы, шестой, является „видовым знаком“ мужчины. Для первого и второго иероглифов фонетический алфавит дает значения *p* и *t*. Таким образом, известны фонетические значения всех пяти знаков, входящих в данную группу иероглифов. Подставляя эти значения, Шампольон получает имя *Ptamn*, целиком, — за исключением гласных, которые, как известно, часто не отмечались в египетском письме, — соответствующее засвидетельствованному греческими авторами египетскому имени Петамон (Πεταμουν, Πεταμμων).[1] Шампольон, привлекая для объяснения первой части имени коптский язык, переводит это имя: „Принадлежащий Амону“.[2] Таким путем был прочитан целый ряд имен

[1] См. № 157 таблицы 11, приложенной к Précis и Précis [2], стр. 164.

[2] То обстоятельство, что Шампольон не совсем точно перевел первую часть имени, не имеет в данном случае большого значения, так как это не отразилось на правильном чтении как данного имени, так и других теофорных имен с аналогичной конструкцией.

(Петосирис,[1] Аменхотеп[2] и др.), причем предположения Шампольона о наличии фонетических иероглифов и в этих словах полностью подтвердились.

* * *

Из всего изложенного следует, что открытый Шампольоном, в результате анализа иероглифических имен греческих и римских правителей Египта, иероглифический звуковой алфавит применялся египтянами не только для передачи собственных имен, будь то чужеземцев — правителей Египта и частных лиц — или туземных обитателей долины Нила и почитавшихся ими богов, но и для написания слов, никак с этими именами не связанных: имен существительных нарицательных, прилагательных, глаголов. Шампольон установил также факт передачи при помощи иероглифов предлогов и союзов, а также префиксов и суффиксов. После проверки всех этих данных на материале многочисленных надписей и текстов Шампольон приходит к выводу о смешанном фонетико-идеографическом характере египетской иероглифической системы письма. „Существовала, следовательно, — говорит он, — эпоха, в которую египетское иероглифическое письмо, та система, которую мы так долго полагали состоящей только из *идеографических* письмен, т. е. из простых *знаков, выражающих понятия* (de simples signes d'idées), имела также среди своих элементов фонетические знаки, хотя и изобразительные по своей форме, но передающие подлинное произношение слов египетского разговорного языка“.[3]

Вопрос теперь заключался в определении древности этой эпохи.

---

1 Précis [2], стр. 175—176.
2 Там же, стр. 168.
3 Там же, стр. 182.

13*

7. Звуковые алфавитные знаки в иероглифических написаниях титулов египетских фараонов на фиванских и римских обелисках. Германион

Если исходить из мнения, приписывавшего изобретение и развитие опубликованного в „Письме к г-ну Дасье" иероглифического алфавита непосредственному влиянию греков и римлян,[1] то можно было бы и выявленное теперь Шампольоном столь широкое применение фонетических иероглифов, первоначально предназначенных якобы лишь для транскрибирования греко-римских имен, объяснить постепенным расширением области применения этих иероглифов в греко-римскую эпоху. Следовательно, если согласиться с таким объяснением, иероглифические тексты, относящиеся к более древним временам, ко временам фараонов, написанные, как это, повидимому, явствует из данных большинства классических писателей, символическими знаками, попрежнему остаются недоступными для чтения. Для опровержения этого мнения Шампольон использует два средства.

Во-первых, он пытается найти в текстах, начертанных на египетских памятниках материальной культуры, догреческое происхождение которых не вызывает сомнений, те же самые группы иероглифов, которые им были уже установлены ранее на памятниках с неизвестной датировкой. Во-вторых, он пробует более или менее точно определить древность этих сооружений путем чтения вырезанных на них иероглифических имен фараонов, по повелению которых они были воздвигнуты.

С этой целью Шампольон сперва приступает к анализу надписей на фиванских (Луксорских и Карнакских) обелисках, древнее происхождение которых считалось неоспоримым, а также на римских обелисках (Фламиниевом и Латеранском), сооруженных, по свидетельству Плиния, египетскими фараонами. И на всех этих памятниках, несомненно, относящихся ко временам фараонов, Шампольон обнаруживает, по большей части в титу-

[1] См. выше, стр. 39 и 167.

латуре египетских царей, все фонетически выраженные слова (в том числе имена богов, а также иероглифы фонетического характера, служащие для передачи соотношений грамматического порядка), уже прочитанные им на памятниках греческой эпохи (на Розеттском камне и на обелиске из Филе) и на памятниках с неустановленной датировкой.

Изучение царских титулов облегчалось благодаря возможности привлечения для этой цели сделанного Гермапионом греческого перевода надписей одного из римских обелисков. Перевод Гермапиона заслуживает особого внимания. При благоприятных обстоятельствах он мог бы уже давно сослужить большую службу в деле дешифровки египетских иероглифов и сыграть роль, аналогичную роли Розеттского камня. Однако, опороченный Кирхером, он долго не использовался надлежащим образом специалистами. Тем интереснее встретить не только правильную оценку научного значения этого источника, но и указание метода для его изучения в целях дешифровки иероглифов в работе французского лингвиста XVIII в. Шарля де-Бросса.[1] Отвергая, за 35 лет до Соэги,[2] обвинения Кирхера, утверждавшего, что перевод Гермапиона является „обманом“ и „пустой выдумкой“,[3] и приводя, со своими комментариями, полный французский перевод греческого текста, де-Бросс предлагает „означить цифрами все как слова (греческого перевода, — *И. Л.*), так и фигуры подлинника, для удобнейшего соображения оных и для сыскания находящегося между ними соотношения: ибо как те же самые слова будут много раз попадаться в надписи, то надобно, чтоб и на обе-

---

[1] Charles de B r o s s e s. Traité de la formation méchanique des langues et des principes physiques de l'étymologie, Paris, 1765 (2 тома). Русский перевод был издан в Петербурге в 1821—1822 гг. в двух томах членом Российской Академии Наук Александром Никольским („Рассуждение о механическом составе языков и физических началах этимологии“).

[2] Исследование Соэги (De origine et usu obeliscorum), в котором восстанавливается доброе имя Гермапиона, вышло в Риме в 1800 г. См. ниже, стр. 264, прим. [21] к „Вступительной речи“ Шампольона.

[3] Де-Б р о с с, ук. соч. (русск. перев.), т. I, стр. 315.

лиске встречались опять подобные фигуры в том же виде и расположении. В самом деле, — продолжает де-Бросс, — мы видим, что они часто повторяются; ежели перевод верен,[1] то и они найдутся равномерно в том же числе, в том же соображении и в соответствующих расстояниях".[2] Де-Бросс во время своего пребывания в Риме произвел даже подсчет иероглифов на римских обелисках, надпись на одном из которых, по его предположению, могла бы быть оригиналом перевода Гермапиона, и пришел к заключению, что „число фигур в каждой строке на обелиске многим превосходит число слов греческого перевода. Надобно, — говорит де-Бросс, — чтоб было употреблено знатное число фигур для означения одного слова".[3]

Известно, что именно таким путем пошел Шампольон при сравнительном анализе иероглифической и греческой надписей Розеттского камня и что это соображение о несоответствии числа знаков иероглифической надписи камня числу слов греческой надписи окончательно убедило его в необходимости существования большого количества иероглифов фонетического характера.[4]

Шампольон не сомневался в точности греческого перевода Гермапиона, хотя и не мог указать его оригинала, полагая,

[1] В этом де-Бросс почти не сомневался. См. ук. соч., т. I, стр. 315.

[2] Там же, стр. 336.

[3] Там же, т. I, стр. 342. — Это, в основном, совершенно правильное наблюдение де-Бросса, по которому каждому греческому слову перевода Гермапиона должна была на обелиске соответствовать целая группа иероглифов, находилось в полном противоречии с общепринятым в эпоху, когда писал де-Бросс, взглядом на идеографический характер всех египетских иероглифов. Правильность утверждения Аммиана Марцеллина (на которого и ссылается французский языковед), что каждый знак в египетском письме имел самостоятельное значение и выражал какое-либо существительное или глагол (см.: Marestaing, ук. соч., стр. 110—111), не вызывала у ученых того времени никаких сомнений. Вследствие этого де-Бросс счел предпринятое было им сопоставление греческого текста Гермапиона с иероглифическими надписями двух римских обелисков неосуществимым и прекратил дальнейшую работу в этом направлении.

[4] См. выше, стр. 159 сл.

вместе с Соэгой, что им не может быть ни один из сохранившихся римских обелисков. Несмотря на последнее обстоятельство, Шампольон не отказался от мысли использовать в своем исследовании, наряду с другими источниками, как перевод Германиона, так и римские обелиски, правильно предполагая, что иероглифические надписи на этих обелисках содержат большую часть титулов, относимых текстом неизвестного обелиска (греческий перевод которого дал Германион) к фараону Рамсесу. Шампольон задался целью, во-первых, восстановить с помощью данных, полученных при изучении Розеттского камня, иероглифический текст, к которому должен восходить греческий перевод Германиона, во-вторых — установить иероглифические эквиваленты некоторых греческих титулов Розеттского камня, отсутствовавшие в верхней надписи этого памятника вследствие его повреждения.

Опыт блестяще удался, и в этом вопросе, как и во множестве других, Шампольон далеко опередил свое время. Когда, ровно через девяносто лет после опубликования первого издания „Очерка иероглифической системы“, переводу Германиона была посвящена специальная работа,[1] в ней были приняты как основные установки Шампольона в отношении оценки перевода Германиона, вопроса об его иероглифическом оригинале и о порядке чтения отдельных частей текста, так и целый ряд отожествлений греческих титулов, иероглифические эквиваленты которых Шампольону удалось правильно теоретически восстановить, а затем распознать на памятниках, относящихся и ко временам фараонов и к эпохе греко-римского завоевания. При этом Шампольон установил, что на памятниках всех трех стилей эти титулы постоянно выражаются одинаково — сочетанием идеографических и фонетических знаков, т. е. тем же самым способом, который применяется во всех иероглифических текстах, проанализированных им ранее.

[1] A. Erman. Die Obeliskenübersetzung des Hermapion. Sitzungsberichte der König. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philos. — hist. Klasse. 1914, IX, стр. 245—273.

Следовательно, — заключает Шампольон, — поскольку царские титулы, прочитанные с помощью иероглифического фонетического алфавита, по большей части извлечены из надписей, начертанных на памятниках, относящихся к эпохам, предшествовавшим завоеванию Египта Камбизом,[1] можно считать почти установленным, что:

„1) *во времена, предшествовавшие Камбизу, древние египтяне употребляли в своих иероглифических текстах фонетические письмена, т. е. знаки, которые специально представляли в этих текстах звуки слов египетского языка,* таких, как имена существительные собственные, нарицательные, глаголы, прилагательные, предлоги и т. д.;

„2) эти слова выражены в этих древних текстах знаками, *сходными и по их форме и по их характеру с теми знаками, которые служили позже на египетских памятниках того же рода для транскрибирования собственных имен и титулов греческих и римских повелителей*“.[2]

Однако полную убедительность эти выводы могли получить лишь в том случае, если бы удалось доказать с очевидностью, что сооружения (обелиски, храмы и т. п.), на которых Шампольон прочитал иероглифические царские титулы, были воздвигнуты туземными египетскими царями — фараонами, иначе говоря, — до персидского завоевания (525 г. до н. э.). Необходимо, следовательно, прочитать на этих памятниках имена фараонов, засвидетельствованные греческими авторами, оставившими в своих сочинениях списки египетских царей. Тогда будет ясно, что обелиски и храмы или, во всяком случае, те части храмов, на которых высечены эти имена, дей-

---

[1] Сторонники теории греческого влияния в деле создания египетского фонетического алфавита могли бы, — говорит Шампольон, — отнести это влияние и ко времени, предшествовавшему завоеванию Египта Александром Македонским (332 г. до н. э.), поскольку широкое общение египтян с греками имело место уже в персидскую эпоху египетской истории и даже ранее, со времени царствования Псамметихов (см. Précis[2], стр. 247).

[2] Précis[2], стр. 222—223.

ствительно построены древними фараонами, так как невозможно предположить, чтобы какой-либо чужеземный завоеватель Египта, воздвигнув здание или обелиск, позволил покрыть их изображениями древних царей порабощенной им страны и разрешил начертать на них надписи, восхваляющие этих царей и содержащие их пышные титулы и имена.[1]

Если эта задача будет выполнена при помощи иероглифического фонетического алфавита, благодаря которому уже были прочитаны имена египетских правителей греко-римского периода, то тем самым будет доказана „непрерывность употребления и глубокая древность фонетического письма в Египте".[2]

---

[1] Précis², стр. 224.

В начале XIX в. существовало два мнения относительно времени постройки больших сооружений так называемого египетского стиля, с иероглифическими надписями, начертанными на их стенах и колоннах.

Одни ученые относили их к эпохе, предшествовавшей завоеванию Египта Камбизом в 525 г. до н. э. [Шампольон датирует время завоевания Египта Камбизом 529 г. до н. э., по Манефону это событие произошло в 526 г. (см. статью акад. В. В. Струве „Манефоновский список царей Египта" в Вестнике древней истории, 1946, № 4, стр. 24)], и, таким образом, преувеличивали древность некоторых из этих зданий. Другие, напротив, полагали, что храмы Дендера и Эсне не старше эпохи императора Тиберия (I в. н. э.), и, исходя из этого мнения, преуменьшали древность всех других храмов Верхнего Египта, отводя для них слишком короткий промежуток времени, всего лишь в несколько веков.

Исследования эллиниста Летрона доказали, на основании греческих и римских надписей Египта, что некоторые здания так называемого египетского стиля, покрытые иероглифическими надписями, были выстроены египтянами, целиком или частично, во времена греко-римского владычества, а открытие Шампольоном фонетического алфавита, с помощью которого он прочитал на этих зданиях титулы и имена греческих и римских правителей Египта, подтвердило выводы Летрона. Оставалось, следовательно, лишь уточнить, какие египетские сооружения относятся к эпохе чужеземного владычества, начавшейся покорением Египта персами, какие — к более древним временам, что Шампольон и предполагал сделать в особом труде, используя результаты исследований, изложенных им в „Очерке иероглифической системы".

[2] Précis², стр. 229.

8. Звуковые алфавитные знаки в иероглифических написаниях имен египетских фараонов. Царские списки Манефона

Излагая результаты своего анализа имен фараонов, Шампольон приводит эти имена в обратной последовательности, начиная с эпохи персидского завоевания и идя к более древним периодам египетской истории. Что касается периода после персидского завоевания, то уже в „Письме к г-ну Дасье“ были даны чтения иероглифических титулов и имен чужеземных египетских владык, начиная с 332 г. до н. э. и по 161 г. этой эры, т. е. непрерывно от завоевания Египта Александром Македонским и до конца царствования Антонина Пия, если не считать имен Гальбы, Оттона и Виттелия, царствовавших слишком недолго и, повидимому, не успевших оставить в Египте сооружений, носящих их иероглифические имена.[1]

Автор анонимной статьи,[2] утверждавший, что иероглифический фонетический алфавит Шампольона не применялся в Египте до греко-римской эпохи, в то же время заявлял, что он был бы „почти убежден в том, что он ошибается“, если бы Шампольон „показал ему имя Камбиза, написанное фонетическими иероглифами“.[3] В „Очерке иероглифической системы“ Шампольон отвечает на этот вызов, приводя прочитанное им на алебастровой вазе, принадлежавшей Королевскому кабинету в Париже, иероглифическое имя одного из персидских царей, правивших Египтом, Ксеркса, а позже, в 1827 г., он установил также иероглифическое имя Камбиза на одной из статуй Ватиканского музея. Правильность его чтения имени Ксеркса (Khschéarscha или Khschiarscha) подтверждалась клинописной формой этого имени, находившейся на той же вазе, на которой Шампольон обнаружил картуш этого персидского царя.

---

[1] Précis [2], стр. 229—230.

[2] См. выше, стр. 174. По мнению Хартлебен, этим автором был Юнг.

[3] Précis [2], стр. 231.

Прежде чем от анализа иероглифических имен чужеземных правителей Египта, хорошо известных по многим классическим источникам, перейти к чтению картушей египетских царей туземного происхождения, о которых, кроме скудных сведений, разбросанных в различных греческих сочинениях, не было никаких проверенных данных, необходимо было внести ясность в один весьма существенный вопрос.

Дело в том, что царские картуши в египетских текстах всех времен обычно писались парами, причем каждому картушу этой пары предшествовала определенная, всегда одна и та же, группа иероглифов, по схеме:

Юнг, полагая, что два иероглифа перед вторым картушем означают „сын“,[1] считал, что каждая пара таких картушей содержит имена д в у х различных царей: имя правящего царя на первом месте и имя его отца — на втором.

Шампольон, уже при анализе греческого перевода надписи на одном из римских обелисков, сделанного Гермапионом, правильно установил, что эта группа иероглифов означает не просто „сын“, а „сын солнца“[2] и соответствует греческим эпитетам Ἡλίου παῖς Рамсеса у Гермапиона и υἱὸς τοῦ Ἡλίου Птолемея в Розеттской надписи. Все греческие и римские правители Египта носят этот эпитет, стоящий всегда непосредственно перед картушем с их иероглифическим именем.

Что же касается первого картуша в указанной схеме, то Шампольон установил, что предшествующая ему группа знаков

---

[1] Что первый знак этой группы, иероглиф гуся (или, как теперь полагают, утки), имеет значение „сын“, — указал еще Гораполлон (Hieroglyphica, I, 53). Второй знак — иероглиф солнца.

[2] Эпитет, связанный с религиозными воззрениями египтян, по которым фараон являлся земным воплощением солнечного бога.

означает „владыка мира“, „царь“[1] и соответствует имеющему то же значение („царь“) слову βασιλεύς греческой надписи Розеттского камня. Он установил также, что внутри этого первого картуша находится, как показывают прочитанные им ранее в большом количестве царские имена греко-римской эпохи, лишь почетная титулатура[2] того царя, чье имя приведено во втором картуше. Итак, — делает вывод Шампольон, — каждая пара картушей на памятниках греко-римской эпохи содержит имя только о д н о г о царя.[3]

Поскольку известно, что греки и римляне старались подражать старинным обычаям покоренного ими народа, естественно было предположить, что и приведенная выше схема восходит к глубокой древности. Изучение картушей фараонов подтвердило это предположение. Шампольон прочитал, применив к ним иероглифический фонетический алфавит, целый ряд имен фараонов и около пятнадцати из них, — начиная с имен двух фараонов 29 династии, Неферита и Акориса, восставших против персидского владычества, и кончая именами Рамсесов, Тутмосов и Аменхотепов, — привел в „Очерке иероглифической системы“. При этом оказалось, что как самые имена этих фараонов, так и порядок их царствования, выясненный Шампольоном, в основном совпадали с данными, сохранившимися в составленных Манефоном[4] греческих списках древних египетских царей.

---

[1] Их точное значение: „царь Верхнего и Нижнего Египта“, т. е. царь всего Египта.

[2] Так называемое „тронное имя“, которое фараон получал при коронации

[3] Précis[2], стр. 241.

[4] Манефон был египтянином, современником двух первых Птолемеев, правивших Египтом в IV и III вв. до н. э. Он написал большой труд по истории этой страны, дошедший до нас только в ряде фрагментов, использованных еврейским историком Иосифом Флавием (вторая половина I в. н. э.), „отцом церковной истории“ Евсевием (конец III в. — первая половина IV в. н. э.) и византийским хронографом Секстом Юлием Африканом (III в. н. э.). Из трудов последних эти фрагменты были заимствованы другим византийским хронографом — Георгием Синкеллом.

Свидетельствами этого историка до Шампольона „слишком пренебрегали, так как совершенно не давали себе труда ни понять, ни изучить их“. Между тем, Шампольон установил, что „священные надписи египетских памятников обнаруживают поразительную согласованность“ с указаниями Манефона как в именах, так и в последовательности царствования фараонов. Таким образом, подлинные египетские памятники и греческие списки царей египетского историка взаимно поддерживают друг друга.[1]

Правильность высокой оценки, данной Шампольоном труду Манефона, целиком подтверждается работами академика В. В. Струве, которому наша историческая наука обязана воскрешением интереса к этому „единственному известному нам туземному историку древнего Египта“[2] и детальной разработкой дошедших до нас фрагментов его труда.[3] Акад. Струве не только указал на тот факт, что хронология Египта, „установленная столь оклеветанным иерограмматом из Севеннита, может и должна корректировать“ свидетельства вавилонских и ассирийских писцов, но пришел также к выводу о необходимости, исходя из данных Манефона, исправить хронологические построения современных ученых, касающиеся истории древнего Египта, начиная с эпохи Нового Царства.[4]

Правда, Шампольон допустил при анализе некоторых иероглифических имен ряд ошибок, приписав, например, имя фараона 12 династии Сенусерта I (читавшееся долгое время как Усертесен) не существовавшему фараону Осортону[5] или неправильно отожествив имена Рамсесов с их реальными носителями, и т. п.

---

[1] Précis[2], стр. 294.

[2] Акад. В. В. Струве, ук. соч., Вестн. древн. истор., 1946, № 4, стр. 13.

[3] В. В. Струве. Манефон и его время. Зап. Коллегии востоковедов, т. III—IV, Л., 1928.

[4] Вестн. древн. истор., 1946, № 4, стр. 18, 25.

[5] Ὀσορθών. Ошибка Шампольона вызвана неправильным написанием в эксцерпте Манефона, приведенном у Евсевия, имени фараона Осоркона

Однако достигнутые им при чтении этих имен результаты нисколько не теряли своего значения для разрешения основной задачи, стоявшей перед исследователем. Был установлен факт существования иероглифического фонетического алфавитного письма в эпохи, почти на полтора тысячелетия[1] отдаленные от периода, характеризуемого широкими связями Египта с греческим культурным миром, связями, якобы обусловившими изобретение этого письма.

9. Выводы

Таким образом, было найдено последнее звено, замкнувшее цепь доказательств, приводимых Шампольоном в пользу древности открытого им фонетического алфавита. Начав с чтения имен правителей Египта греко-римского периода,[2] перейдя затем, путем применения открытого им в результате анализа этих имен фонетического алфавита, к чтению в иероглифических текстах всех эпох имен частных лиц и египетских божеств, а также имен существительных, прилагательных, глаголов, суффиксов и префиксов и т. д., Шампольон завершает свое исследование чтением написанных идеографическими и фонетическими иероглифами имен древних туземных царей Египта.[3] Тем самым универсальность, древность и туземное

через ϑ вместо χ. Полученное таким образом имя Осортон приписали одному из фараонов 23-й династии. См.: В. В. Струве. Списки Манефона царей позднего Египта. Язык и Мышление, V, 1935, стр. 109, прим. 1.

[1] Начало царствования Сенусерта I относится к 1980 г. до н. э. Шампольон, ошибочно принявший, как сказано выше, имя этого фараона за имя одного из фараонов 23-й династии, полагал, что древнейшие из прочитанных им царских имен относятся к более позднему времени, к эпохе 18-й династии, начало которой он неправильно датировал XVIII в. до н. э. вместо XVI (1584 г. по Манефону, или 1580 г. по Брестэду).

[2] В „Письме к г-ну Дасье".

[3] Такова последовательность отдельных этапов дешифровки, изложенная Шампольоном в „Очерке иероглифической системы". В действитель-

происхождение египетского фонетического иероглифического письма больше не вызывали никаких сомнений.

„Итак, — говорит Шампольон, — я должен был заключить, и заключил с полным основанием, из этих столь многочисленных и очевидных фактов, что, во первых, *употребление* ЕГИПЕТСКОГО ФОНЕТИЧЕСКОГО *письма, алфавит которого я первый опубликовал в моем «Письме к г-ну Дасье»,* восходит к самой отдаленной древности и, во-вторых, что *иероглифическая система письма, рассматривавшаяся до сих пор как образованная исключительно из знаков, передающих понятия, а не гласные или согласные, напротив, была образована* ИЗ ЗНАКОВ, ВЕСЬМА ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЕТ ЗВУКИ СЛОВ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА ЕГИПТЯН, Т. Е. ИЗ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПИСЬМЕН". Шампольон высказывает твердую уверенность в правильности своих выводов, подтверждаемых достаточно большим количеством фактов. Эта уверенность, — говорит Шампольон, — позволяет ему надеяться, что ученый мир вскоре признает его теорию, несмотря на ее новизну. Правда, — продолжает автор „Очерка иероглифической системы", — установленные им „факты ломают все выдвинутые до сих пор системы, касающиеся египетского иероглифического письма. Они упраздняют все рискованные толкования египетских текстов или памятников, дававшиеся на протяжении трех веков. Но ученые легко принесут в жертву истине все высказанные до настоящего времени гипотезы, находящиеся в противоречии с основными принципами, которые мы только что установили. И все сожаления по этому поводу, если таковые существуют, должны постепенно исчезать и даже вовсе исчезнуть после того, как будут рассмотрены более тщательно и в соответствии

ности чтение картушей древних египетских фараонов было не заключительным, а одним из первых достижений в деле применения фонетического алфавита к иероглифическим текстам догреческого периода и послужило толчком для всей дальнейшей работы в этом направлении. См. выше, стр. 167 сл.

с их подлинной ценностью результаты работ современных ученых, посвятивших себя изучению иероглифических надписей и исходящих из твердого убеждения, что священное письмо египтян состояло единственно лишь *из знаков, передающих понятия,* и что этот народ узнал алфавитное письмо или звуковые знаки только от греков".

„Я имею основание полагать, — заканчивает Шампольон, имея в виду обвинения Юнга, о которых он говорит в начале работы,[1] — что, по крайней мере, никто не станет оспаривать мой приоритет в этом совершенно новом способе рассмотрения иероглифической системы древних египтян всех эпох. Если я ошибаюсь, — ошибка целиком моя, но если совокупность уже установленных фактов и фактов новых каждый день все больше подтверждают мою новую теорию, было бы справедливым признать, даже в Англии, что эти важные результаты являются плодом моих исследований".[2]

VI. „Очерк иероглифической системы древних египтян"

Система и этапы развития египетского иероглифического письма

Закончив приведение доказательств в пользу своей теории о звуковом характере большей части иероглифов в египетских надписях и текстах на всех, начиная с древнейших, известных ему египетских памятниках, Шампольон переходит к синтетической части своего труда, в которой дает связное изложение системы египетского письма. В данной части работы, после описания внешней формы иероглифов, рассматриваются способы, при помощи которых эти знаки выражают понятия, и в заключение говорится об отношении иероглифической системы к двум другим, курсивным, системам египетского письма.

---

1 Précis 2, стр. 7 сл.

2 Там же, стр. 298—300.

Шампольон различает, по характеру выполнения, три вида иероглифов:

1. подлинные иероглифы (les hiéroglyphes purs), изображавшие предметы полно и детально, иногда в красках, и применявшиеся на монументальных памятниках общественного характера;

2. контурные иероглифы (les hiéroglyphes profilés), передававшие лишь контуры воспроизводимого предмета, без внутренних деталей, т. е. „силуэты подлинных иероглифов", применявшиеся в надписях на небольших барельефах, стелах, статуэтках, скарабеях, амулетах и т. п.;

3. линейные иероглифы[1] (les hiéroglyphes linéaires), изображавшие предметы в сильно схематизированном виде и содержавшие лишь минимальное число штрихов, достаточное, однако, для распознавания воспроизводимого предмета, если иметь некоторое знакомство с подлинными иероглифами.

Египетские иероглифы, — говорит Шампольон, — принадлежат к тому же роду искусства, что и живопись, „вернее это одно и то же искусство, достигающее одной и той же цели одинаковыми средствами, — имитацией предметов, с той единственной разницей, что живопись всегда оперировала образами в их собственном значении, в то время как письмо часто было вынуждено прибегать к иносказательному методу, чтобы выразить известный порядок вещей, не очевидный сам по себе, ускользающий от кисти художника, для того чтобы стать исключительным достоянием писца". Уже самый факт совпадения в египетском языке слов, означающих „рисовать" и „писать", „живопись" и „письмо", „писец" и „художник", доказывает, „что при возникновении египетской цивилизации первое ставшее употребительным письмо заключалось, как в Мексике, в простой зарисовке предметов. Эта несовершенная система

[1] Юнг называл эти иероглифы иератическими. Однако, как доказал Шампольон, под иератическими знаками надо понимать курсивные знаки, существенно отличающиеся по своей форме от линейных иероглифов. См. выше, стр. 133.

постепенно упорядочивалась, почти целиком изменила, единственно лишь под влиянием прогресса человеческого разума, свой характер и образовала, наконец, то *иероглифическое* письмо, которое покрывает здания Египта".[1]

Различные категории иероглифов по-разному выполняли свое, общее для них всех, назначение — передачу понятий — и возникли не одновременно, а на разных этапах развития иероглифического письма. Этапы эти нам не известны и могут быть восстановлены лишь дедуктивным путем, поскольку даже в древнейших из сохранившихся текстов египетское иероглифическое письмо предстоит перед нами как уже завершенная система.[2]

Шампольон, как указывалось выше,[3] установил в египетском письме, в связи с анализом иероглифических имен египетских божеств, наличие, помимо фонетических алфавитных иероглифов, знаков еще двух категорий — изобразительных[4] и символических[5] — и гипотетически наметил последовательность появления этих трех категорий знаков в процессе создания иероглифического письма.

Наиболее древняя категория знаков — *изобразительные иероглифы*. „Под изобразительными письменами следует понимать знаки, являющиеся, по своей материальной форме, обра-

---

[1] Précis [2], стр. 311—312.

[2] Там же, стр. 300. — Шампольон имел дело только с сравнительно поздними текстами. Самый древний из них относится к эпохе 12-й династии [Шампольон (там же, стр. 248—249 и табл. XIV, № 1—2) ошибочно датировал его эпохой 18-й династии; ср.: Gauthier, Le livre des rois, I, стр. 263]. Действительно, за период времени, истекший от эпохи 12 династии до эпохи греко-римского завоевания, принципиальных изменений в иероглифическом письме египтян не произошло. Система письма осталась той же, хотя отдельные виды и элементы ее получали в разное время большее или меньшее развитие и применялись более или менее широко.

[3] См. выше, стр. 192—193.

[4] „Les caractères figuratifs".

[5] „Les caractères symbolyques".

зами самих предметов, представление о которых они должны давать в системе письма".[1] По степени точности и реалистичности передачи изображаемых предметов Шампольон делит изобразительные письмена на три вида:

1. изобразительные письмена в собственном смысле;[2]
2. сокращенные изобразительные письмена;[3]
3. условные изобразительные письмена.[4]

Изобразительные письмена в собственном смысле передают точные контуры, а часто и расцветку изображаемых предметов. Так, например, на Розеттском камне изобразительным знаком в собственном смысле можно назвать иероглиф часовни[5] 𓉶.

К сокращенным изобразительным письменам относятся такие знаки, как, например, иероглифы, служащие для выражения понятий „жилище", „дом" и т. п. и передающие лишь план жилища (например, иероглиф 𓉐).

Условные изобразительные письмена еще более далеки от реальной действительности, чем сокращенные. Они передают преимущественно формы, которые египтяне приписывали некоторым элементам космоса, или образы, в которых они представляли своих богов. Таков, например, иероглиф неба (𓇯), изображавшегося, по словам Шампольона, как потолок храма. Таковы иероглифы отдельных богов, — Амона, Анубиса, Ра[6] и др., — передававшие этих богов в том виде, в каком египтяне поклонялись им в своих храмах.

Однако, — продолжает Шампольон, — изобразительные знаки не являются письмом в подлинном значении этого слова. „Несомненно, — говорит он, — что одним из первых средств,

---

[1] Précis [2], стр. 322.

[2] „Les caractères figuratifs propres".

[3] „Les caractères figuratifs abrégés".

[4] „Les caractères figuratifs conventionnels".

[5] В греческой надписи Розеттского камня ему соответствует слово ναός.

[6] Ср. выше, стр. 192.

представившихся человеческому разуму для того, чтобы закрепить в памяти представление о предмете, или же для того, чтобы сообщить некоторые мысли себе подобным, были начертанные на каком-либо материале грубые *образы* предметов, память о которых хотели сохранить или на которые хотели обратить внимание других индивидуумов своего вида, когда эти предметы отсутствовали. Но этот столь простой метод мог быть применен, строго говоря, только лишь для обозначения нескольких *изолированных* понятий и ни в коем случае не был в состоянии выразить без посторонней помощи ни разнообразные отношения человека к физическому миру, ни различные отношения между предметами этого мира. Обстоятельства времени, являющиеся неотъемлемыми элементами объектов наших представлений и подразумевающиеся во всех наших отношениях с этими объектами, не могли бы быть выражены *изобразительным* путем. Следовательно, было бы ошибкой дать высокое имя письма методу *чисто репрезентативному*, не способному точно передать самое простое предложение, методу, который является, в сущности, лишь *живописью* на стадии ее раннего детства".[1] Изобразительные знаки и являются рисунками такого рода. Они могут даже с бо́льшей точностью, чем слово, вызвать в памяти представление о каком-либо предмете, но совершенно не в состоянии выразить абстрактное понятие.

Проводя параллель между процессом развития письма и процессом развития языка[2] и базируясь при этом на звуко-

---

[1] Précis², стр. 328.

[2] Еще в 1822 г. Шампольон, говоря о „чисто идеографическом характере всех трех систем египетского письма (иероглифической, иератической и демотической), вместе с тем отмечал: „В основном, процесс их развития был совершенно сходен с процессом развития египетского разговорного языка или, вернее, точно следовал ему" (etait... calquée sur celle de la langue égyptienne parlée). J. F. Champollion le jeune. Extrait du Mémoire relatif à l'Alphabet des Hiéroglyphes phonétiques égyptiens. Journal des savants, Octobre 1822, стр. 621.

подражательной теории происхождения последнего,[1] Шампольон усматривает общий принцип, лежащий в основе как письма, так и языка, в моменте *подражания*. Исходя из этого, он сопоставляет воспроизводящие предмет изобразительные иероглифы, которые он называет также знаками-образами[2] и считает наиболее древними знаками египетского письма, с звукоподражательными словами или, как он выражается, со *словами-образами*,[3] являющимися, как он полагает, начальными, по времени, элементами звукового языка. Слова-образы, — говорит Шампольон, — вызывают представление о живых существах звуками, аналогичными звукам, издаваемым этими существами, а представление о действии или состоянии неодушевленных предметов — звуками, аналогичными звукам, являющимся результатом действия или состояния предметов. Иначе говоря, — знаки-образы имитируют форму предметов, слова-образы имитируют звуки.

Но языки, как и идеографические письменные системы, — продолжает Шампольон, — очень скоро исчерпывают запас предметов, которые языки в состоянии передавать путем *непосредственного* подражания[4] звукам, а письменные системы — при помощи непосредственной имитации форм. „И тогда и те и другие прибегают к имитации *опосредствованной*".[5]

Что касается знаков, то „они пытаются вызвать посредством звуков нежных, быстрых, резких или долгих представление о предметах, отчетливо различающихся между собой

---

1 Несостоятельность этой теории в настоящее время совершенно очевидна.

Подробный анализ лингвистических воззрений Шампольона и его взглядов на происхождение и развитие письма не входит в задачи настоящей статьи.

2 „Les signes — images"; „les caractères — images".

3 „Les mots — images".

4 „... par une imitation *directe*".

5 „... à une imitation *indirecte*".

физическими качествами, напоминающими качества звуков, избранных для выражения этих предметов".[1]

Словам такого рода, по мнению Шампольона, соответствуют в египетском письме иероглифы более позднего, чем изобразительные знаки, происхождения, которые получили у древних авторов название „*символических* или *символов*, слова, которые, в сущности, выражают *сравнение, уподобление*".[2] Как разговорный язык только путем использования фактов, относящихся к миру физических явлений, сумел создать знаки для передачи абстрактных понятий, так же и в письме абстрактные понятия выражались с помощью символических иероглифов, воспроизводящих образы тех предметов, которые, как полагали египтяне, обладали свойствами, связанными прямо или косвенно, близко или отдаленно с понятиями, подлежащими передаче.[3]

Эти символические или тропические письмена[4] образовались четырьмя способами:

1. Путем *синекдохи*. Изображалась часть вместо целого. Например, две руки, вооруженные щитом и булавой (иероглиф), означали „боец", „воин" (а также „битву", „сражение").

2. Путем *метонимии*. Изображали предмет, являвшийся причиной какого-либо явления, вместо самого явления или же орудие, инструмент вместо продукта, получившегося в результате применения этого орудия, инструмента; функция какого-либо предмета или органа передавалась с помощью изображения этого предмета или органа, и т. п. Так, например, при помощи иероглифа, изображающего солнечный диск (☉), передавали понятие „день", иероглиф, воспроизводящий египетский прибор для письма ( ), выражал понятие „писать", а глагол

[1] Précis[2], стр. 335.
[2] Там же, стр. 336.
[3] Там же, стр. 338 сл.
[4] Т. е. письмена, употреблявшиеся в переносном значении.

„видеть“ писался при помощи иероглифа, изображающего два человеческих глаза (𓁹𓁹).

3. Путем *метафоры*. Изображался предмет, с которым ассоциировались понятия, подлежащие передаче с помощью письма. Так, например, понятия „алчность“, „жадность“ передавались изображениями крокодила (иероглиф 𓆊).

4. Четвертый способ образования символических или тропических иероглифов Шампольон называет *энигматическим* (т. е. загадочным), поскольку связь между изображаемыми этими иероглифами предметами и теми понятиями, которые они призваны передавать, была совершенно условна и в большинстве случаев загадочна. В качестве иллюстрации к этому способу Шампольон приводит ряд примеров с объяснениями, заимствованными почти целиком у Гораполлона. Так, иероглиф 𓆄, изображающий, по Гораполлону, страусовое перо, передает понятие справедливости якобы потому, что все перья в крыльях страуса одинаковы по величине.[1] Иероглиф 𓆳, изображающий, по Гораполлону, пальмовую ветвь, означает „год“ якобы потому, что пальмовое дерево дает 12 ветвей в год, по одному каждый месяц,[2] и т. д.

Если бы, — говорит Шампольон, — иероглифические тексты в основном состояли, как это обычно полагают, из символических знаков, то египетское письмо неизбежно было бы весьма сложным. Оно выражало бы понятия только посредством ряда метафор, сравнений и загадок, и трудно было бы понять, каким образом народ, владевший таким несовершенным графическим способом передачи своих мыслей, достиг той высокой степени развития материальной и духовной культуры, которую ему приписывает современность.

Шампольон утверждает, что несовершенное идеографическое письмо, состоящее из символических и изобразительных знаков,

[1] Г о р а п о л л о н, Hieroglyphica, II, 118.
[2] Там же, I, 3.

не соответствовало бы в искусстве ясно выражать понятия такому высоко развитому разговорному языку, как язык египетский. Невозможно объяснить, каким образом письмо египтян оказалось способным „ясно выражать все концепции человеческой мысли", если не допустить, что в состав его, кроме изобразительных и символических знаков (количество которых, к тому же, в этом письме сравнительно невелико), вошла еще какая-то категория письмен особого характера. Этой категорией являются *фонетические письмена*, факт существования которых в иероглифических текстах египтян был уже установлен Шампольоном ранее.

Каким же принципом руководился изобретатель[1] фонетических иероглифов при создании этих знаков, предназначенных, как и буквы нашего алфавита, передавать гласные и согласные звуки слов разговорного языка и по форме своей ничем не отличающихся от изобразительных иероглифов, воспроизводящих образы различных предметов? Это, — отвечает Шампольон, — тот же самый принцип, который уже применялся при создании символических иероглифов, — принцип *аналогии*. „Египтяне, благодаря *символическому* методу, уже имели обыкновение, приобретенное, быть может, в давние времена, изображать косвенным путем представления, объекты которых совершенно не имеют формы, посредством изображения физических предметов, имеющих некоторые действительные или мнимые связи с объектами чисто абстрактных представлений, косвенными обозначениями которых благодаря этому становились эти физические объекты".

„Можно было, следовательно, счесть столь же легким, уместным и даже естественным выражение того или иного звука посредством изображения физического предмета, с которым подлежащий передаче звук был бы связан в разговорном языке теснее, чем с любым другим предметом. И цель оказа-

[1] Шампольон допускает, что изобретение египетских фонетических знаков могло быть делом одного человека. См. Précis[2], стр. 359.

лась достигнутой, когда этот египтянин[1] понял и проверил на опыте возможность изображать косвенным путем или, скорее, вызывать в памяти каждый звук своего языка посредством изображения материальных предметов, звуковой знак[2] или слово для передачи которых, выражавшее их в египетском языке, *содержало в себе на первом месте звук, который следовало изобразить*".[3]

Далее Шампольон приводит таблицу из 16 разных звуков с указанием 1) предмета, изображенного иероглифом, выполнявшим в египетском письме роль определенного алфавитного знака, 2) слова для этого предмета в коптском языке и 3) соответствующей этому иероглифу коптской буквы. Все содержащиеся в таблице коптские слова начинаются с того звука, буквой для обозначения которого стал данный иероглиф.[4]

Так, например, для иероглифа львицы, служащего для передачи звука *l*, дается коптское название этого животного, начинающееся буквой *l* (laboi).

„Расширенное этими знаками нового порядка египетское иероглифическое письмо оставалось, однако, совершенно однородным в отношении материальных форм. Оно всегда употребляло лишь *знаки-образы физических предметов*, но одни из них, *изобразительные письмена*, выражали непосредственно самые предметы, образы которых они воспроизводили, другие, *тропические или символические письмена*, выражали косвенным путем понятия, имевшие весьма отдаленные связи с предметами, форму которых эти письмена имитировали", а третьи — *письмена фонетические* — выражали уже не понятия, а только отдельные звуки, гласные или согласные.[5]

---

1 Имеется в виду предполагаемый изобретатель фонетических иероглифов, см. предшествующее прим.

2 „le signe oral".

3 Précis 2, стр. 359—360.

4 Ср. выше, стр. 164, 35 сл.

5 См. Précis 2, стр. 362.

По мнению Шампольона, игнорирование египетским письмом гласных звуков, столь затрудняющее для современных исследователей изучение египетского языка, благоприятствовало широкому распространению этого письма среди образованных египтян всей страны. Он считает, что в результате такой особенности в египетском письме стирались диалектальные различия, касавшиеся, по его утверждению, в основном, именно гласных звуков, предполагает при этом, что в эпохи применения иероглифического звукового письма существовали те же диалекты, что и в языке египтян-христиан, коптском. Введением фонетических знаков, — говорит Шампольон, — процесс образования египетского иероглифического письма был закончен.

Таким образом, это письмо в завершенном виде, в каком оно предстоит перед нами уже в древнейших текстах, „является комплексной системой, письмом одновременно *изобразительным*, *символическим* и *фонетическим* в одном и том же тексте, в одной и той же фразе, я сказал бы, — добавляет Шампольон, — почти в одном и том же слове“.[1] В том случае, когда понятие не могло быть передано прямым путем, при помощи изобразительного иероглифа, или иносказательно, посредством символического знака, прибегали к помощи знаков фонетических, передававших это понятие путем условного изображения[2] слова — знака того же самого понятия. „Итак, категория фонетических письмен оказалась наиболее могущественным и наиболее употребительным средством египетской графической системы“. Только благодаря этим фонетическим письменам египтяне получили возможность выражать в иероглифических надписях и текстах „наиболее метафизические понятия, наиболее тонкие нюансы языка, флексии и, наконец, все грамматические формы почти с такой же ясностью, с какой они выражены, например, посредством несложного алфавита финикийцев или арабов“.[3]

---

1 Précis², стр. 375.

2 „...par la peinture conventionnelle“.

3 Précis², стр. 374—375.

Фонетический элемент, столь богато представленный в иероглифическом письме, получил еще бо́льшее распространение, за счет уменьшения знаков изобразительных и символических, в курсивных видах египетского письма, являющихся видоизмененным иероглифическим письмом.[1] Наибольшее применение фонетических знаков наблюдается, — указывает Шампольон, — в наиболее позднем по происхождению и наиболее курсивном письме — демотическом.[2]

Говоря об употреблении каждой из трех категорий иероглифов (изобразительной, символической и фонетической) и о способах их сочетания между собой, Шампольон указывает на то обстоятельство, что „многие изобразительные и некоторые символические письмена, помимо их частого употребления в прямом значении, выполняют функции чисто определительных знаков.[3] Будучи поставлены после некоторых письмен или групп письмен, будь то *символических* или *фонетических*, выражающих определенные особи какого-либо вида, эти письмена становятся простыми *знаками вида*,[4] к которому относится особь, выраженная символическим знаком или фонетической группой".[5]

Тем самым было установлено наличие в египетском иероглифическом письме очень важной категории знаков. Эти знаки, являющиеся „одним из наиболее интересных элементов иероглифического письма",[6] обычно называются Шампольоном в „Очерке иероглифической системы" „видовыми" или „опреде-

---

[1] См. выше, стр. 38, 158. Знаки первого вида египетского курсивного письма, иератического, из которого произошло письмо демотическое, возникли, как указывает Шампольон (Précis [2], стр. 420, и Grammaire égyptienne, стр. 15), из линейных иероглифов и являются дальнейшим упрощением подлинных иероглифов.

[2] Précis [2], стр. 423.

[3] „...les fonctions de signes purement déterminatifs".

[4] „les signes de l'espèce".

[5] Précis [2], стр. 415.

[6] R. Lepsius. Lettre à M. Rosellini..., 1837, стр. 58.

лительными письменами“,[1] позже — „определителями“ или „детерминативами“.[2] Последнее название утвердилось в современной египтологии.

Впервые Шампольон упоминает о знаках такого рода в письме к редактору журнала Revue Encyclopédique[3] по поводу статьи астронома Био[4] о дендерском зодиаке. Указав, что к выводу о существовании в египетском письме „видовых знаков“ (в данном письме речь идет только о видовых знаках в иероглифических написаниях собственных имен) он пришел в результате сравнительного изучения трех надписей Розеттского камня, Шампольон устанавливает в этой работе наличие одного из них, иероглифа звезды, — в названиях различных созвездий на дендерском зодиаке. В „Очерке иероглифической системы“, кроме иероглифа звезды, он говорит преимущественно о „видовых знаках“, связанных с именами египетских богов, людей, с географическими названиями и с названиями священных животных,[5] и объясняет необходимость употребления большей части этих определителей тем обстоятельством, что „египетские собственные имена людей, богов, священных местностей и т. п. все были знаменательны сами по себе и что при известных обстоятельствах было важно предупредить об их функции *собственных имен*“.[6]

Дальнейшее развитие учение Шампольона о детерминативах получило в его посмертной „Египетской грамматике“. Однако уже в „Очерке иероглифической системы“ содержится

---

[1] „les caracteres déterminatifs“. Ср. Précis[2], стр. 96, где один из таких знаков назван: „une marque de spécialité“.

[2] „déterminatifs“.

[3] Lettre à M. le Rédacteur de la Revue Encyclopédique, relative au Zodiaque de Dendéra, Paris 25 Juillet, 1822. См. назв. журнал, т. 15, 1822, стр. 232—239.

[4] Jean-Baptiste Biot, 1774—1862.

[5] Таковы изобразительные иероглифы бога и богини, быка и коровы, мужчины и женщины, символический иероглиф населенного пункта и изобразительный знак жилища. См. выше, стр. 183—184. Ср. также выше, стр. 188.

[6] Précis[2], стр. 416.

указание на их широкое применение, когда утверждается, что функцией подобных знаков является обозначение категории, характера понятия, выраженного стоящими перед детерминативом письменами.[1]

Шампольон заканчивает свое изложение египетской иероглифической системы письма указанием пути, по которому следует итти для пополнения наших сведений об этой графической системе.

* * *

Таковы, в кратких чертах, элементы иероглифического письма, как они даны в „Очерке иероглифической системы". Шампольон дал правильную характеристику египетской иероглифической системы, считая ее письмом, в основе своей, фонетическим. Он ошибался лишь, полагая, что все фонетические иероглифы являются знаками алфавитными, и не учел наличия в этом письме словесных иероглифов.[2] Это обстоятельство не мешало, однако, успешной работе Шампольона над иероглифическими текстами.

Таким образом, первое открытие, сущность которого заключалась в установлении (путем анализа имен и титулов греческих и римских правителей Египта) иероглифического звукового алфавита, послужило Шампольону отправным пунктом для новых открытий, в результате которых стали доступны для чтения египетские тексты, относящиеся ко всем периодам истории древней страны.

VII. Заключение

I

Ученый мир Европы немедленно откликнулся на опубликование нового труда. Уже после выхода в свет „Письма к г-ну Дасье" у Шампольона появились, наряду с противни-

[1] Précis[2], стр. 96.

[2] См. ниже, стр. 236 сл.

ками, горячие сторонники. Теперь число последних увеличилось. Его учение получило признание таких выдающихся ученых, как Сильвестр де-Саси, Вильгельм фон-Гумбольдт, Летрон, Био, Фурье, Лаплас.

Де-Саси, некогда столь недоверчиво относившийся к своему ученику, теперь написал специальную статью, в которой, отвергая претензии Юнга на приоритет в вопросе дешифровки египетских иероглифов, охарактеризовал „Очерк иероглифической системы“ как один из наиболее значительных трудов, вышедших за длительный период времени, и закончил свою работу указанием на незыблемость выводов Шампольона, не нуждающихся в подтверждении новыми данными. Новые данные, — писал де-Саси, — лишь умножат „плоды, которые ученый мир уже собрал“ в результате исследований Шампольона.[1]

Особенно живой отклик нашли эти исследования в России, в стране, давшей впоследствии египтологии крупнейших ученых — В. С. Голенищева, акад. Б. А. Тураева, И. Г. Франк-Каменецкого, акад. В. В. Струве и др. — и создавшей первоклассные коллекции египетских древностей, включающие в себя немало уникальных памятников искусства и литературы.[2] Наиболее крупные коллекции находятся в Москве

[1] Journal des savants, Mars, 1825, стр. 154.

[2] Некоторые сведения о развитии нашей отечественной египтологии даны в работах: В. П. Бузескул. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. I. Восток. Петербург, Academia, 1923; Т. Н. Козьмина-Бороздина. Развитие египтологии в России. Новый Восток, М., 1923, № 3, стр. 342—361; Б. А. Тураев. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. Посмертное издание с предисловием акад. И. Ю. Крачковского. Изд. АН СССР, Л., 1927.

Открытию Шампольона посвящены работы: Проф. Е. Кагаров. Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1915 (на титульном листе: 1914); В. В. Струве. Франсуа Шампольон. „Анналы“, № 2. Петербург, 1922, стр. 3—16; его же, Творческий путь Ф. Шампольона. Вестн. древн. истории, 1938, № 1, стр. 139—150; Н. Д. Флиттнер. Как научились читать иероглифы. Пгр., 1923; Проф. И. Г. Франк-Каменецкий. Как научились читать египетские письмена. М., 1922.

(в Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) и в Ленинграде (в Государственном Эрмитаже). Большое внимание уделяется египтологии в СССР в связи с тем широким размахом, который приобрело у нас изучение общественных дисциплин. Культура древнего Египта изучается во многих высших учебных заведениях, а также в исследовательских институтах и музеях Советского Союза. Начало собиранию коллекций египетских древностей в России было положено уже в первой четверти XIX в., когда частные лица и государственные учреждения стали приобретать, нередко в большом количестве, на месте или у путешественников, побывавших в Египте, памятники древнеегипетского искусства и другие предметы древнеегипетского происхождения. В это время при Петербургской Академии Наук существовал уже „Египетский Музеум“. Впоследствии Академия Наук передала коллекцию египетских древностей Эрмитажу. Говоря о находящихся в Советском Союзе памятниках искусства древних египтян, нельзя не вспомнить тех двух сфинксов, которые некогда вызвали восхищение Шампольона. Рассказывая в одном из своих писем из Египта о посещении развалин древних Фив, он упоминает о „двух колоссальных сфинксах... из розового гранита, прекраснейшей работы“.[1] Эти сфинксы были найдены в 1828 г. во время раскопок, предпринятых одним греком, и изображают фараона 18-й династии Аменхотепа III, или, как его иногда называют, Аменхотепа Великолепного, время жизни которого удалено от наших дней более, чем на тридцать три столетия. Черты лица Аменхотепа III, — пишет Шампольон,—„имеющие здесь, как и повсюду, отдаленное сходство с лицами эфиопского типа, ничем не отличаются от тех черт, какие скульпторы и художники при-

---

[1] Письмо Шампольона было опубликовано в № 18 французской газеты Moniteur universel (18 января 1830 г.). Переиздано: Lettres écrites d'Égypte et de Nubie, en 1828 et 1829, par Champollion le jeune. Paris, 1833, стр. 303—312.

давали этому фараону на стенах Мемнония, на барельефах луксорского дворца и на изображениях, украшающих гробницу этого государя в западной долине Бибан-эль-Молука, — новое подтверждение того тысячу раз засвидетельствованного факта, что египетские статуи и барельефы представляют собой подлинные портреты тех древних царей, чьи надписи начертаны на этих памятниках“. Оба сфинкса были приобретены русским правительством и с 1832 г. высятся на набережной Невы у здания Академии Художеств.[1]

Интерес к Египту, его культуре, в частности — к иероглифическому письму и к коптскому языку, существовал в России издавна.

Некоторые сведения об этой стране сообщены, нередко по личным впечатлениям, уже авторами памятников русской литературы, известных под названием „хождений“. Таковы, например, хождения смоленского купца Василия Познякова[2] и киевского уроженца В. Г. Барского, описавших свои путешествия в страны Ближнего Востока, во время которых они посетили и Египет.

Василий Позняков выехал из Москвы в качестве спутника Софийского архидиакона Геннадия, которому царь Иоанн IV Васильевич поручил отвезти милостыню в монастыри Царьграда, Иерусалима, Афона и Египта. При этом царь наказывал „обычеи во странах тех писати ему [Геннадию]“. После смерти

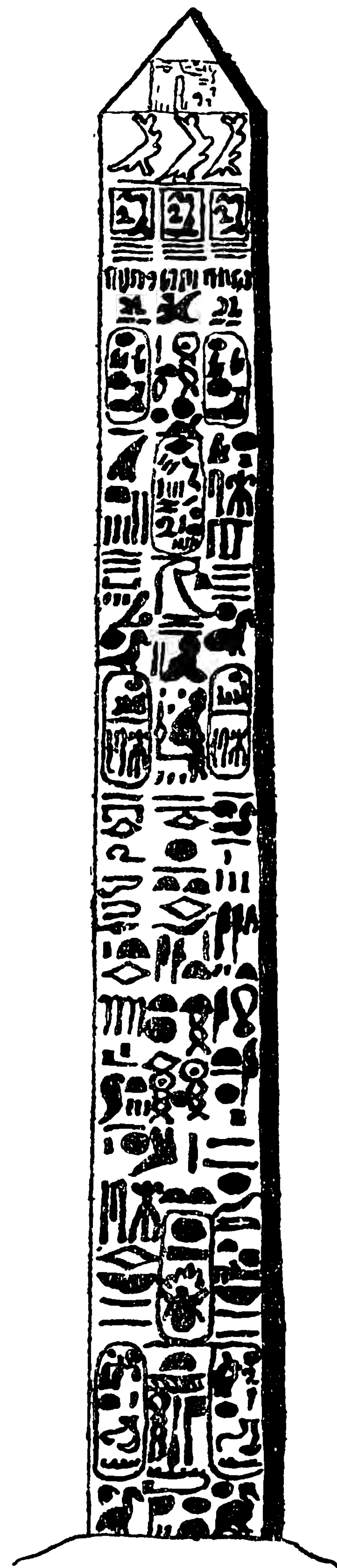
[1] Описание ленинградских сфинксов дано в работе акад. В. В. Струве „Петербургские сфинксы“ (СПб., 1913, Записки Классического отделения Русского археологического общества, VII). Надписям на этих сфинксах посвящена статья Е. В. Черезова „Надписи на ленинградских сфинксах“ [Вестник древней истории, 1949, № I (27), стр. 92—100]. О месте, занимаемом ленинградскими сфинксами в истории египетской скульптуры, см.: проф. М. Э. Матье. Искусство древнего Египта, Новое Царство. Изд. Гос. Эрм., Л., 1947, стр. 96 сл.

[2] О „Хождении Василия Познякова“, переделкой которого является „Хождение Трифона Коробейникова“ (1602), пользовавшееся необычайной популярностью в народе в течение 300 лет, см.: М. С. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения, I. 1947, стр. 15—16.

Геннадия, скончавшегося в Царьграде, Позняков продолжал выполнять поручения Иоанна IV самостоятельно. Путешествие Познякова длилось с 1558 по 1569 г.

„Хождение“ Барского (родился в 1701 г., умер в 1747 г.) является одним из наиболее поздних образцов этого рода литературы.

Из составленного В. Г. Барским описания его странствований по зарубежным странам,[1] длившихся 24 года (с 1723 по 1747 г.), мы узнаем, что он был в Египте дважды (в 1727 и 1730 г.). Наряду с Каиром и Александрией, он посетил также и город Розетту, название которого в последние годы XVIII в. стало широко известно в связи с находкой двуязычной надписи — знаменитого „Розеттского камня“. К описанию Розетты Барской приложил свой рисунок, изображающий общий вид города. В Александрии (в 1730 г.) его внимание привлекла „игла Клеопатры“ — обелиск, воздвигнутый в Гелиополе фараоном 38-й династии Тутмасом III (XV в. до н. э.) и перевезенный в эпоху римского владычества в Александрию.[2] Вот что сообщает об александрийском обелиске Барский: „Есть там еще внутри города, в северной его стороне, близ

Фиг. 5. „Игла Клеопатры“. Рисунок пером В. Г. Барского (1730 г.).

[1] См.: Странствования Василья Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. С.-Петербург, ч. I—IV, 1885—1887.

[2] С 1880 г. обелиск находится в Нью-Йорке; высота обелиска — ок. 21 метра.

монастыря святого Саввы, у моря, два больших столпа, из цельного камня, называемые столпами Клеопатры. Клеопатра же была в древности прославленной царицей, которая в незабвенную о себе память воздвигла эти два замечательных столпа, совершенно одинаковых по размерам и по своему внешнему виду. Один из них обрушился от времени, второй же стоит непоколебимо. Полагают, что эти столпы некогда стояли перед царскими палатами. Толщина их, я сам измерил, — одиннадцать пядей, высоты же не мог узнать, но думаю, что она должна быть сажен десять. Один, неповрежденный, стоящий камень, не круглой формы, как это бывает у обычных столпов, но четырехуголен и сверху остр, и со всех сторон имеет одинаковую ширину, и на нем глубоко, на два сустава пальца, вырезаны некие печати или знаки. Многие видели их, но истолковать не могут, так как не похожи они ни на еврейские, ни на эллинские, ни на латинские, ни на какие-либо другие письмена. Один только знак совершенно похож на русское живѣте, остальные же похожи на птиц, иные — на цепи, иные — на пальцы, иные — на точки. Я их все, со многим тщанием и трудом, списал только с первой стороны столпа, на удивление смотревшим, так, как показаны они на помещенном выше изображении“.[1]

Рисунок Барского, являющийся одним из первых воспроизведений александрийского обелиска, поражает тщательностью, с какой русский путешественник, художник-самоучка, выполнил свою задачу. Не пропущен почти ни один иероглиф. Контуры многих знаков переданы настолько точно, что для египтолога не представляет никакого труда прочитать их. Укажем хотя бы на картуш с именем Тутмоса III в нижней части среднего столбца надписи, , и на следующую за ним группу иероглифов: („Атум, великий

[1] Странствования Барского, ч. II, стр. 162—163.

бог, с [его] эннеадой“). Некоторые иероглифы переданы гораздо точнее, чем в „Описании Египта“ (Древности, т. V, табл. 33), опубликованном почти через сто лет после пребывания в Египте В. Г. Барского, в издании, иероглифические надписи которого выполнены художниками-профессионалами, познакомившимися на месте с огромным числом памятников древнеегипетского письма. Такова, например, группа иероглифов в верхней части среднего столбца надписи, , группа в средней части левого столбца, группа в картушах Рамсеса II в нижних частях левого и правого столбцов надписи, и др.

Для начала XVIII в., когда в Европе не только не умели читать египетские письмена, но даже не было достаточно точных воспроизведений египетских иероглифических надписей, рисунок В. Г. Барского представляет собой исключительное явление.

Данные языка христианского Египта, коптского, использованы уже в четырехтомном сравнительном словаре, изданном в Петербурге в 1790—1791 гг. Ф. И. Янковичем де-Мириево (1741—1814) на основании материалов, переданных для напечатания известному русскому путешественнику и исследователю России естествоиспытателю Петру Симону Палласу (1741—1811). Часть этих материалов Паллас опубликовал в труде, озаглавленном „Сравнительные словари всех языков и наречий“,— первом в Европе, по времени, многоязычном словаре.[1]

---

[1] Полное название труда П. С. Палласа: „Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая. В Санкт-Петербурге, Печатано в Типографии у Шнора 1787 года“. Вторая часть вышла в 1789 г.

Словарь, изданный Ф. И. Янковичем де-Мириево: „Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный“. Часть первая вышла в Петербурге в 1790 г., остальные три — в 1791 году.

Отметим попутно, что для истории изучения коптского языка, за пределами Египта, большой интерес представляет обнаруженный в сентябре 1937 г. в Эчмиадзинском Государственном музее профессором И. В. Абуладзе и опубликованный в следующем году действительным членом Академии Наук Грузинской ССР профессором А. Г. Шанидзе рукописный учебник по армянскому языку (грамматико-лексического состава). Он содержит, среди других материалов, ряд алфавитов (греческий, сирийский, латинский, грузинский, арабский), в числе которых находятся впервые открытый алфавит кавказских албанцев и алфавит коптский. Коптский алфавит состоит из тридцати одного знака. Под каждым знаком указано, армянским письмом, его название.[1]

Эчмиадзинская рукопись представляет собой копию, переписаную с оригинала в первой половине XV в., и свидетельствует о том, что в Крыму и на Кавказе коптский язык являлся предметом изучения уже много веков назад, гораздо раньше, чем в Западной Европе.[2] „Оригинал книги был достав-

[1] А. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. — И. Абуладзе. К открытию алфавита кавказских албанцев. Отдельный оттиск из Известий Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Марра Грузинского филиала Академии Наук СССР, т. IV, Тбилиси, 1938.

[2] Первые серьезные попытки изучения коптского языка в Западной Европе относятся к XVII в. и связаны с именем французского ученого Сомеза (Claude de Saumaise, 1588—1653), — имевшего в своем распоряжении коптские рукописи, привезенные с Востока другим французским ученым, Переском (Pereisc, 1580—1637), — и Афанасия Кирхера. Кирхер издал, на основании коптско-арабского словаря и других коптских рукописей, привезенных из Египта в Рим в 1626 г. известным путешественником Пиетро делла-Валле, два труда (в которых использованы также и коптские рукописи Ватиканской библиотеки): Prodromus Coptus sive Aegyptiacus, Рим, 1636, и Lingua Aegyptiaca restituta..., Рим, 1643. В первом из них дан опыт коптской грамматики, во втором, наряду с другими материалами, опубликован коптско-арабский словарь в сопровождении латинского перевода. В 1629 г. в Риме вышел в свет первый в Европе коптский алфавит, отпечатанный типографским путем (Alphabetum Coptum seu Aegyptiacum).

лен в Армению из города Кафы,[1] т. е. из города Феодосии (в Крыму), который в XIII—XV вв. служил опорным пунктом генуэзцев на сев. побережье Черного моря и где было много армян, выходцев из Ани".[2]

Попытки чтения иероглифов в России относятся еще к XVIII в. В 1788 г. в Петербурге появилось исследование И. Коха,[3] в котором египетское иероглифическое письмо рассматривалось как алфавитная система.[4]

Ряд работ посвятил вопросам древнеегипетского письма почетный член Петербургской Академии Наук (с 1841 г.) русский дипломат И. А. Гульянов (1789—1842).[5] В основу своих построений он положил сделанное Шампольоном наблюдение, заключающееся в том, что алфавитные иероглифы

См.: Étienne Quatremère. Recherches critiques et historiques sur la langue et la littérature de l'Égypte. A Paris, 1808, стр. 45 сл. Там же, стр. 294, указывается, что первая, известная автору, в Европе работа, упоминающая о коптском языке и приводящая коптский алфавит, относится к 1539 г.

1 Город Кафа „славился как центр книжной деятельности армянских колонистов в Крыму" (А. Шанидзе, ук. соч., стр. 13).

2 А. Шанидзе, ук. соч., стр. 13.

3 Опыт истолкования иероглифов и надписей, находящихся на некоторых древних монетах, изданной на Латинском языке Надворным Советником Учительской Семинарии Директором и Королевского Геттингского ученого общества Корреспондентом Иваном Кохом; а на Российский язык переведенной Коллежским Асессором Евгением Сырейщиковым. Печатано в Санктпетербурге, в Императорской Типографии 1788 года. (65 стр. + VI табл.).

4 Заслуживающей внимания в этом исследовании является лишь самая мысль о звуковом алфавитном характере египетских иероглифов, обычно рассматривавшихся как символические знаки. См. выше, гл. I.

В 1789 г. вышла вторая работа Коха, изданная на латинском языке с русским переводом: J. G. Kochii. Tentamen secundum et quidem tentamen enucleationis sphingium. — Опыт изъяснения сфингов. Petropoli, MDCCLXXXIX. E Typographia Imperiali. (29 стр. + I таблица).

5 Goulianoff. Essai sur les hiéroglyphes d'Horapollon. Paris, 1827. Гульянов. Замечания о Дендерском зодиаке. Москва, 1831. Goulianoff. Archéologie égyptienne ou recherches sur l'expression des sygnes hiéroglyphiques et sur la langue sacrée des Égyptiens. Leipzig, 1839. 3 тома.

передают начальные звуки слов, обозначающих предметы, изображенные этими иероглифами. Однако он ошибочно полагал, что, наряду с такими знаками, в египетском письме существовала категория иероглифов, каждый из которых якобы передавал все слова, начинающиеся тем звуком, которым начинается слово, обозначающее изображенный иероглифом предмет.[1]

Исследования Шампольона вызывали в России широкий интерес и получали высокую оценку на страницах русской периодической печати того времени. Так, появление „Письма к г. Дасье“ было отмечено в одном из журналов[2] как „самое драгоценное и обильное своими последствиями“ научное открытие современности. Об основном труде Шампольона в России было известно еще до его опубликования,[3] и экземпляры „Очерка иероглифической системы“ заранее заказывались русскими учеными. Тотчас после выхода в свет этой книги в „Сыне отечества“ была помещена обширная статья, излагавшая довольно подробно положения Шампольона о системе египетского письма.[4] Автор статьи отмечал литературные достоинства труда, особенно его первых глав, — стройность композиции, ясность языка и точность изложения, — благодаря

---

[1] Так называемые „акрологические иероглифы“.

[2] Сын отечества, № VI, 1824, стр. 260—265.

[3] И. С. Кацнельсон. Неизданное письмо Франсуа Шампольона. Вестн. древн. истор., 1947, № 2, стр. 179—182.

[4] О египетских письменах. Сын отечества, 1824, № XXVIII, стр. 49—65, № XXIX, стр. 97—116, № XXX, стр. 172—180, № XXXII, стр. 241—258, № XXXIII, стр. 289—303, № XXXIV, стр. 3—19, № XXXV, стр. 49—64. Статья, подписанная буквой Б., повидимому, принадлежит, как мне любезно сообщил проф. П. Н. Берков, Василию Берху, неоднократно и впоследствии писавшему о Шампольоне и его трудах.

Польский перевод этой статьи в 1826 г. печатался по частям в журнале „Dziennik Wileński“ (Rok 1826 Historia i literatura. Tom drugi, стр. 73—105, 193—214, 269—291), а в 1827 г. вышел в свет отдельным изданием под названием „O pismie egipskiem czyli Hieroglyfach. Przekładał z rossyyskiego Zygmunt Bartoszewicz N. G. W. Wilno. W drukarni A. Marcinowskiego“ [1827 (76 стр. + I таблица)].

которым „читая сии главы можно подумать, что читаешь математическое творение". Статья заканчивалась следующими словами, имевшими в виду последнюю, синтетическую часть труда Шампольона, недостаточно, по мнению рецензента, подтвержденную фактами: „Впрочем история наук представляет многочисленные тому примеры: в самой математике отличные умы нередко делали подобные прозрения и оставляли потомству поверять и окончательно доказывать точность их открытий во всех подробностях и последствиях".[1]

В России интерес к культуре древнего Египта носил подлинно научный характер, в то время как во Франции и в Англии интерес к долине Нила был обусловлен устремлениями их колониальной политики. Так, наполеоновский поход в Египет имел, как известно, целью захват Египта и Сирии, — государств, издавна привлекавших французских правителей как своими природными богатствами, так и своим географическим положением, столь важным в стратегическом отношении.

Русские ученые, например член Российской Академии А. Н. Оленин (1763—1843),[2] оказались на голову выше многих представителей западноевропейской науки того времени и сразу же после опубликования первых работ Шампольона поняли все передовое значение его открытия. 10 января 1827 г. Шампольон был избран, в один день с Гете и историком Нибуром, почетным членом Петербургской Академии Наук.[3]

Успех Шампольона был полным, несмотря на нападки выступавших со своими собственными домыслами многочис-

---

1 Сын отечества, 1824, № XXXV, стр. 63—64.

2 Переписка А. Н. Оленина с Шампольоном издана в 1934 г. См.: А. В. Мачинский. Переписка Ж.-Ф. Шампольона с А. Н. Олениным. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 4, М.—Л., стр. 72—89.

3 На родине ему оказали подобную честь лишь через несколько лет, и он стал членом Академии надписей 7 мая 1830 г., почти за два года до смерти. — Шампольон стал также сочленом целого ряда иностранных академий и научных обществ.

ленных противников, ожесточенно и длительно оспаривавших правильность положений автора „Очерка иероглифической системы“.[1] Труды этих ученых не оставили в науке никакого следа. Бесплодность их теорий можно сразу обнаружить, если обратиться к практическому применению указанных теорий их авторами. Достаточно указать один только пример. Шампольон в Précis[2] (стр. 190 и табл. XII) приводит варианты одной и той же фразы, написанной иероглифами, и дает правильный перевод ее. Зейффарт же (Gustav Seyffarth), один из наиболее упорных противников Шампольона, в противовес этому переводу публикует в своей работе „Rudimenta hieroglyphices“ (Lipsiae, 1826, стр. 63—64 и табл. X—XI) собственный перевод, в котором нет почти ни одного верного слова.[2]

На все необоснованные возражения Шампольон, и раньше уверенный в своих силах, теперь, когда каждый день приносил ему новые доказательства правильности его теории, обращал мало внимания, а затем и вовсе перестал реагировать, предоставив защиту своих положений брату и друзьям. Он не отвечает больше и на не прекращающиеся выпады против него Юнга и сторонников последнего.[3] 25 марта 1829 г. он пишет своему брату

---

[1] Особенно активно проявил себя в этом отношении Генрих Юлий Клапрот, немецкий востоковед и путешественник, проведший несколько лет в России (с 1802 по 1811 г.). В 1817 г. „за недостойное поведение в 1812 году“ был лишен звания экстраординарного академика Петербургской Академии Наук. См.: Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg. Tome VII. Avec l'Histoire de l'Académie pour les années 1817 et 1818. St.-Petersbourg, 1821, стр. 7. — В области египтологии Клапрот был дилетантом.

[2] Изложение различных теорий, касающихся системы египетского иероглифического письма, дано в работе другого противника Шампольона, Улемана. См.: M. Uhlemann. Handbuch der gesammten ägyptischen Altertumskunde. Erste Theil. Geschichte der Aegyptologie, Leipzig, 1857.

[3] В 1826 г. в „Monthly Magazin“ (т. I, стр. 407) была напечатана анонимная статья, принадлежавшая, по свидетельству Хартлебен (т. II, стр. 27, прим. I), перу Юнга, в которой прямо говорилось о плагиате, якобы допущенном Шампольоном.

Жаку Жозефу, имея в виду один из таких выпадов: „Зачем воскрешать старый, уже мумифицированный вопрос?.. Впрочем, доктор все еще дискутирует относительно алфавита, между тем как я вот уже полгода нахожусь в самой гуще египетских памятников и поражен тем, что *читаю* на них более бегло, чем осмеливался воображать“.[1]

Это письмо Шампольон писал из Египта. Стремясь проверить свои построения на возможно бо́льшем количестве подлинных египетских текстов и собрать материал для задуманных им работ, в том числе для иероглифической грамматики, он в 1824 г. предпринял путешествие по Италии, длившееся, с небольшим перерывом, до октября 1826 г., и работал над египетскими коллекциями Турина, Рима, Флоренции и Неаполя, а в 1827 г. представил правительству докладную записку, в которой изложил план научной экспедиции в Египет. Королевское правительство, некогда преследовавшее молодого ученого за его участие в политической жизни страны на стороне Наполеона[2], вынужденное, под давлением общественного мнения, изменить свое отношение к Шампольону вскоре после открытия египетского иероглифического алфавита, приняло этот план. 16 июня 1828 г. Шампольон выехал из Парижа в качестве главы экспедиции, снаряженной для изучения на месте египетских древностей.

Все подтверждало правильность выводов автора „Очерка иероглифической системы“ относительно характера египетского письма. „Я теперь уверен, — писал он Дасье из страны пирамид, — что ... в нашем „Письме об иероглифическом алфавите“ нечего менять. Наш алфавит правилен: он с одинаковым успехом применим, во-первых, к египетским памятникам римлян

В Edinburgh Review за сравнительно небольшой промежуток времени появились (в феврале и декабре 1826 г., в марте 1827 г.) три статьи, направленные против Шампольона. См.: L a g i e r, ук. соч., стр. 110.

[1] Lettres et journaux de Champollion..., т. II, 1909, стр. 249—250.

[2] Со времени переезда в Париж Шампольон прекратил всякую политическую деятельность.

и Лагидов, и, во-вторых, что представляет наибольший интерес, к надписям всех храмов, дворцов и гробниц времен фараонов... Я предвкушаю удовольствие постепенно показать Вам весь древний Египет".[1] А своему брату он сообщал: „мои ожидания не обманули меня, и многое из того, что я лишь смутно предполагал, приняло здесь осязаемые формы и неопровержимую достоверность".[2]

За полтора года, которые Шампольон провел в Египте, им и его сотрудниками была проделана колоссальная работа. Он вывез оттуда более полутора тысяч зарисовок подлинных египетских памятников. Рукописное наследие его, связанное с египетской экспедицией, хранящееся в Парижской Национальной библиотеке, составляет не менее двадцати томов in-folio.[3] Часть этих материалов была оформлена в виде ряда больших работ: Monuments de l'Égypte et de la Nubie (4 тома in-folio, Paris, 1835—1847), Notices descriptives conformes aux notices autographes rédigées sur les lieux par Champollion le jeune (2 тома, Paris, 1844—1879), и др.

После возвращения из Египта[4] он прожил немногим более двух лет. Сказалось многолетнее умственное и нервное напряжение, сказались годы неустанного изнурительного труда. В декабре 1831 г. Шампольона поразил апоплексический удар, положивший конец его лекциям, которые он в этом году начал читать в Коллеж де Франс на специально для него учрежденной кафедре археологии. Приступы болезни следовали один за другим через короткие промежутки времени. Второй удар настиг его 13 января 1832 г. во время совместной работы с математиком и астрономом Био над египетскими астрономическими текстами.

[1] Lettres et journaux de Champolion..., т. II, стр. 181—182. Письмо от 1 января 1829 г.

[2] Из упомянутого выше на стр. 233 письма от 25 марта 1829 г.

[3] Lagier, ук. соч., стр. 81.

[4] Шампольон покинул Александрию в первых числах декабря 1829 г. и прибыл в Париж 5 марта 1830 г.

Шампольон скончался в ночь с 3 на 4 марта 1832 г. Погребение состоялось 6 марта. В торжественной похоронной церемонии принимали участие переживший своего ученика престарелый Сильвестр де-Саси, Александр фон-Гумбольдт, Араго, Летрон. Тело Шампольона было предано земле на кладбище Пер-Лашез недалеко от могилы Жозефа Фурье, в доме которого он еще мальчиком впервые увидел египетские древности.

Шампольон не успел сам издать всех своих трудов.[1] Этому делу посвятил себя его брат Жак Жозеф,[2] опубликовавший, среди других исследований, результаты египетской экспедиции, а также „Египетский иероглифический словарь“[3] и „Египетскую грамматику“, над которой Шампольон работал до последних дней своей жизни.

2

В концепции Шампольона было слабое место, заключавшееся в слишком обширном алфавите, состоявшем из 132

[1] Последней работой Шампольона, опубликованной при его жизни, был проспект подготовлявшегося им к печати издания, посвященного результатам его египетской экспедиции. Проспект вышел в свет в конце 1831 г. Издание должно было состоять из 10 томов текста и 400 таблиц.

[2] Перу Шампольона-Фижака принадлежит также ряд самостоятельных работ, касающихся Египта, в том числе — труд по истории древнего Египта, в котором впервые в истории науки были широко использованы результаты исследований основателя египтологии. К этому труду (Champollion-Figeac. Égypte ancienne. Paris, Firmin Didot Frères, 1839, 500 стр.,— в серии: L'univers, histoire et description de tous les peuples) приложены 92 таблицы, значительное число которых снабжено, кроме пояснительных надписей на французском (и частично на немецком) языке, также надписями на русском языке.

[3] В 1832 г. бóльшая часть рукописных материалов, относящихся к этому словарю, так же как целый ряд других рукописей Шампольона, пропала и в течение долгого времени безуспешно разыскивалась. Судьба материалов выяснилась лишь через восемь лет. Их похитил из кабинета Шампольона, во время его болезни, один из его учеников. Все пропавшие рукописи были обнаружены после смерти похитителя (в 1840 г.) среди его бумаг и переданы для издания Шампольону-Фижаку. „Египетский иероглифический словарь“ выходил в свет отдельными выпусками с 1841 по 1844 г.

иероглифов, число которых, по мере дальнейшего изучения египетских текстов, должно было еще больше увеличиться, иначе говоря, — в наличии омофонов. На это указал в своей рецензии де-Саси.[1] Шампольон уже сам отмечал, что в изложенной им системе иероглифического письма единственно, что может нас удивлять и „может казаться странным для нашего современного представления об алфавитных системах письма, это, бесспорно, — большое количество совершенно различных знаков, одновременно применявшихся египтянином для того, чтобы выразить один и тот же звук“.[2]

„Шампольон, — по словам И. Г. Франк-Каменецкого, — был введен в заблуждение произвольной орфографией поздних текстов, в которых словесные и слоговые знаки сплошь и рядом употреблены в качестве алфавитных, особенно при передаче иностранных собственных имен, послуживших исходным пунктом для дешифровки“.[3]

Шампольон сам подготовил почву для правильного разрешения вопроса, когда, пытаясь объяснить указанную несообразность, он развивает теорию „сокращенных“ написаний. От его проницательного взора не укрылось то обстоятельство, что, несмотря на обилие так называемых омофонов и на существование, вследствие этого, теоретической возможности применения большого количества комбинаций различных алфавитных иероглифов при написании одних и тех же слов, практически в египетских текстах использовалось лишь очень немного таких комбинаций, благодаря чему чтение этих текстов не представляло больших трудностей. Шампольон объясняет этот факт тем, что в результате выработанной египет-

---

[1] Journal des savants, Mars 1825, стр. 147. — Де-Саси, впрочем, считал, что факты, приведенные Шампольоном, говорят в пользу его теории практического применения омофонов в египетских текстах (см. ниже) и потому оправдывают и самую теорию существования омофонов в египетском алфавите.

[2] Précis[2], стр. 368.

[3] И. Г. Франк-Каменецкий. Гениальное открытие Шампольона. Новый Восток, № 2, стр. 490.

скими писцами привычки писать определенные слова почти всегда сочетаниями из одних и тех же знаков можно было ограничиваться в наиболее часто повторяющихся словах написанием лишь некоторых иероглифов, наиболее тесно ассоциировавшихся в представлении египтян с этими словами.[1] При этом обычно писались только первый или два первых знака слова или же его первый и последний знаки.

В основе этого высказывания лежат реальные факты, хотя объясняются они иначе, чем предполагал Шампольон. Дело в том, что большинство иероглифов, принимавшихся им за алфавитные знаки — омофоны, в действительности являются словесными знаками,[2] т. е. знаками, каждый из которых самостоятельно выражает целое слово. Часто словесные знаки сопровождаются алфавитными иероглифами (одним, двумя, реже бо́льшим количеством их), служащими для уточнения чтения этих знаков и называющимися в современной египтологии звуковыми дополнениями. В тех написаниях слов, которые Шам-

---

[1] Ассоциировались же в представлении египтян эти иероглифы с определенными словами, по мнению Шампольона, потому, что писцы из числа омофонов выбирали будто бы те из них, которые своими начертаниями якобы символизировали понятие, обозначаемое словом, для написания которого они служили. Например, звук *l* или *r* потому якобы передавался в именах греко-римских правителей Египта иероглифом, изображавшим льва, что это животное является символом силы и могущества у всех народов. См.: Précis[2], стр. 371. Другой пример (там же, стр. 370): В слове „сын“, читавшемся Шампольоном как *si* или *sé*, первый звук (*s*) потому якобы передавался иероглифом, изображавшим, по его мнению, яйцо, что яйцо являлось символом плодородия. (В действительности указанный иероглиф передает здесь не только начальный звук слова „сын“, но все слово целиком и является словесным знаком).

Ср.: J. Saint-Martin. Note sur l'Inscription hiéroglyphique de l'obélisque de Philé. Journal des savants, Avril 1822, стр. 217—218.

[2] Впоследствии аналогичная ошибка была допущена в процессе дешифровки клинописи шведом Левенштейном, усмотревшем наличие омофонов в вавилонских клинописных текстах вследствие того, что он считал клинопись, носившую на деле, как это было выяснено Хинксом в 1846 и 1847 гг., силлабический характер, буквенной системой. См.: H. Jensen. Die Schrift, стр. 85.

польон считал сокращенными,[1] на самом деле лишь отсутствовали, частично или полностью, эти звуковые дополнения к словесному знаку, выражавшему самостоятельно все слово, но Шампольоном ошибочно принимавшемуся лишь за алфавитный знак.[2]

В разных местах „Очерка иероглифической системы“ разбросаны замечания, сопоставление которых направляет мысль в сторону правильного понимания графической структуры египетского слова. Таковы указания Шампольона на возможность сочетания в одном и том же слове идеографических (изобразительных и символических) и фонетических знаков, с одной стороны, и исключительно важное, хотя и отмечаемое Шампольоном вскользь, наблюдение — с другой, что среди различных написаний имени египетского бога солнца Ра наряду с идеографическим написанием посредством иероглифа, изображающего солнечный диск, существует иной способ, передачи имени Ра. Способ заключается в применении двух фонетических знаков, выражающих звуки этого имени[3] и почти всегда сопровождающих иероглиф солнечного диска „как объяснительная форма“ последнего.[4] В этих словах, в сущности, заложена идея „звуковых дополнений“.

Наличие в иероглифическом письме слоговых знаков также неоднократно отмечалось самим Шампольоном, причем на разных этапах развития его теории этим знакам приписывалась различная роль. Первоначально (в 1810 г.), приписывая коптскому языку моносиллабический характер, он полагал, что и иероглифы, каждый из которых якобы соответствовал какому-либо коптско-

1 В египетских текстах есть и подлинно сокращенные фонетические написания некоторых часто употреблявшихся слов.

2 Так, например, приведенный выше, на стр. 168—169, иероглиф, передающий слово „рождать“, имеет фонетическое значение *ms*, а стоящий после иероглифа иероглиф (*s*) является звуковым дополнением.

3 См. выше, стр. 190—191.

4 „comme une forme explicative“. Précis[2], стр. 141 и табл. 3, № 47.

Антось	*Безъ (кромѣ)*	По Якутски.
Антоу	*Они*	— Коптически въ Египтѣ.
Антофъ	*Онъ*	— Коптически въ Египтѣ.
Антсянъ	*Щоки*	— Тунгузски въ Мангазейской округѣ.
Анту	*Судно*	— Семоядски Нарымскаго округа.
Анту	*Судно*	— Семоядски Тимскаго рода.
Антумань	*Буря*	— Якутски.
Антхи	*Четыре*	— Имеретински.
Антхопль-шхашу	*Паръ*	— Черкесъ-Кабардински.
Антцарра	*Гусь*	— Басконски.
Антче	*Глина*	— Акушински.
Антычь	*Старъ*	— Арабски на островѣ Мадагаскарѣ.
Ану	*Или (либо)*	— Карталински.
А́ну	*Нѣтъ*	— Лезгински рода Дидо.
Ану̀	*Судно*	— Семоядски Обдорскаго округа.
Ану	*Я*	— Халдейски.
Анува	*Есть (бываетъ)*	— Курильски.
Анува	*Да*	— Курильски.
Ануве	*Виноградъ*	— Ассирійски.
Анувлу	*Виноградъ*	— Халдейски.
Анута	*Иди (поди, ступай)*	— Котовски.
Ану́екъ	*Война*	— Сувацки на западныхъ берегахъ сѣверной Америки
Ану́екъ	*Война*	— Канятски на островѣ Афагнакѣ у западныхъ береговъ сѣверной Америки.
Ану́мъ	*Имя*	— Армянски
Анумъ	*Пять*	— Аминскн въ Африкѣ.
Ану́нъ	*Имя*	— Армянски.
Ану́ракь	*Любить (миловать)*	— Чапогирски.

Ануръ

Фиг. 6. Страница из сравнительного словаря Янковича де-Мириево.

му слову, являются односложными знаками. Позже (в 1813 г.), когда ему стала ясна необходимость существования в египетском письме фонетических иероглифов для передачи фактов грамматического порядка, он приписывал иероглифической системе алфавитно-слоговой характер. 21 мая 1814 г. он снова говорит об иероглифах как о слоговых знаках, хотя совершенно иначе освещает их роль в передаче слов. Теперь он полагает, что иероглифы самостоятельно ничего не означают, что они являются односложными знаками, из сочетания которых составляются слова.[1]

Впоследствии, как мы знаем, он оставляет и эту концепцию. Однако мысль о существовании в египетском письме, наряду с алфавитными, слоговых знаков не была им совершенно отвергнута. Указания на это можно найти и в „Сообщении о демотическом письме“,[2] и в „Письме к г-ну Дасье“,[3] и в „Египетской грамматике“.[4] Но дальнейшего развития и ясного оформления эта мысль, так же как и соображение о звуковом „объяснительном“ способе написания слов, в работах Шампольона не получила. Обилие задач, связанных с разработкой различных отраслей науки о древнем Египте

---

[1] Hartleben, т. I, стр. 377—379.

[2] См. выше, стр. 155, пункт 8.

[3] См. выше, стр. 166 и таблица IV, на которой фигурирует иероглиф . Шампольон, в именах Домициан (см. стр. 46—47, №№ 66—68), Антонин (см. стр. 49, №№ 78, 79), читает этот иероглиф как слог *to*. Позже (см. „Очерк иероглифической системы“, табл. I, № 124, и „Египетскую грамматику“, стр. 46, раздел „лигатур и групп“, №№ 233—235) он усматривает в этом иероглифе группу, состоящую из двух знаков, и , причем последнему дает значение долгого *о*, греч. Ω. См. также наше прим. [172] к „Письму к г-ну Дасье“ (ниже, стр. 260—261).

[4] На стр. 46, в разделе „лигатур и групп“ таблицы фонетических иероглифов, Шампольон приводит некоторые совершенно изолированные знаки со слоговым значением, напр. № 240, иероглиф с значением ⲙϩ (*mh*). — Еще де-Руже, говоря о работах Лепсиуса в области египетского письма (см. ниже), отмечает это важное в теоретическом отношении указание Шампольона. См.: Emm. de Rougé, Lettre à M. de Saulcy sur les éléments d'écriture démotique des égyptiens. Revue archéologique, V, 1848, стр. 326.

(история, религия, искусство), перед которой открылись неисчерпаемые возможности, не оставляло времени для уточнения деталей иероглифической системы. Богатство идей и фактов, которыми насыщены труды Шампольона, позволило продолжателям его дела развить то, что он сам оставил недоработанным. В 1837 г. указанный выше недостаток его изложения системы египетского иероглифического письма был устранен Лепсиусом,[1] установившим наличие словесных иероглифов, в связи с чем ему удалось свести число алфавитных знаков до трех десятков.

* * *

Шампольон прожил всего десять лет после своего открытия, в конечном счете обусловленного, как отмечает Н. Я. Марр, тем брожением творческих умов и широтой научных перспектив, которые явились следствием общественного сдвига, связанного с французской революцией.[2] За этот короткий срок он достиг исключительных результатов. Смело и решительно выступая против ложных теорий, не считаясь с авторитетами и ломая мешавшие ему устаревшие традиции, Шампольон создал свое учение и отстоял его от многочисленных нападок противников. И это учение выдержало самую суровую и беспристрастную проверку — проверку времени. Исследования Шампольона заложили основы новой науки, расширившей нашу историческую перспективу на целые тысячелетия и раскрывшей перед нами новый, почти совершенно неизвестный дотоле мир.

---

1 R. L e p s i u s. Lettre à M. le professeur H. Rosellini sur l'alphabet hiérogliphique, Rome, 1837.

2 Н. Я. М а р р, Избранные работы, т. I, Изд. ГАИМК, Л., 1933, стр. 247.

КОММЕНТАРИИ

Ж.-Ф. Шампольон

О египетском иероглифическом алфавите

Работа Шампольона „О египетском иероглифическом алфавите" („Письмо к г-ну Дасье") выдержала три издания:

1. В 1822 г. она вышла в свет в виде отдельной брошюры, озаглавленной: Lettre à M. Dacier, secrétaire perpétuel de l'Académie royale des Inscriptions et Belles-Lettres, relative à l'Alphabet des hiéroglyphes phonétiques employés par les Égyptiens pour inscrire sur leurs monuments les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains; Par M. Champollion le jeune. A Paris, chez Firmin Didot père et fils. M. DCCC. XXII. Стр. 1—52, табл. I—IV. Шампольон младший. Письмо к г. Дасье, непременному секретарю королевской Академии надписей и изящной словесности, относительно алфавита фонетических иероглифов, применявшихся египтянами для написания на их памятниках титулов, имен и прозваний греческих и римских государей. Париж, 1822.

2. В 1828 г. эта работа была опубликована вторично, в качестве составной части „Очерка иероглифической системы" Шампольона: Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens, ou recherches sur les éléments premiers de cette écriture sacrée, sur leurs diverses combinaisnos, et sur les rapports de ce système avec les autres méthodes graphiques égyptiennes; Par M. Champollion le jeune. Seconde édition, Revue par l'auteur, et augmentée de la Lettre à M. Dacier, relative à l'Alphabet des hiéroglyphes phonétiques employés par les Égyptiens sur leurs monuments de l'époque grecque et de l'époque romaine. Avec un volume de planches. Imprimé, par autorisation de M.gr le garde des sceaux, à l'imprimerie royale. M. DCCC. XXVIII. — Глава II, стр. 41—82 и табл. III—VI. Шампольон младший. Очерк иероглифической системы древних египтян

или изыскания об основных элементах этого священного письма, об их различных сочетаниях и о связи между этой системой и другими египетскими графическими методами. Второе исправленное автором издание, включающее Письмо к г. Дасье относительно алфавита фонетических иероглифов, применявшихся египтянами на их памятниках греческого и римского времени. С приложением тома таблиц. 1828.

3. Третье, юбилейное издание появилось в 1922 г. под следующим названием: Lettre à M. Dacier, secrétaire perpétuel de l'Académie royale des Inscriptions et Belles-Lettres, relative à l'Alphabet des hiéroglyphes phonétiques employés par les Égyptiens pour inscrire sur leurs monuments les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains; Par M. Champollion le jeune. Édition du centenaire précédée d'une étude sur le déchiffrement par Henri Sottas, Directeur d'Études à l'École des Hautes Études. A Paris, chez Paul Geuthner. M. DCCCC. XXII. Стр. 1—84, 1—52, табл. I—IV. Шампольон младший. Письмо к г. Дасье, непременному секретарю королевской Академии надписей и изящной словесности, относительно алфавита фонетических иероглифов, применявшихся египтянами для написания на их памятниках титулов, имен и прозваний греческих и римских государей. Издание, посвященное столетнему юбилею. С содержащим очерк дешифровки предисловием Анри Сотта. Париж, 1922.

Последнее издание точно воспроизводит (если не считать некоторых незначительных дополнений в таблицах) издание 1822 г.

Перевод сделан мною по второму изданию.

Важнейшие из немногочисленных разночтений текстов первого и второго изданий „Письма к г-ну Дасье" указаны мною в соответствующих примечаниях.

Дасье (Bon-Joseph Dacier, 1742—1833) — французский филолог и историк.

Об истории возникновения „Письма к г-ну Дасье" см. выше, стр. 166 сл.

[1] Мемуар „Об иератическом письме древних египтян" был прочитан Шампольоном в Парижской Академии надписей в августе 1821 г. Извлечение из этой работы было издано в том же году в Гренобле (Champollion. De l'écriture hiératique des anciens Égyptiens. Grenoble. Baratier. 1821. 7 страниц и 7 таблиц in-folio).

Иератическое письмо — один из двух видов древнеегипетской скорописи. Название происходит от греческого слова ἱερατικός „жреческий", употребленного по отношению к этому виду египетского письма ученым богословом I в. н. э. Климентом Александрийским в его труде „Строматы" (V, IV, 20—21). До Шампольона иератическими знаками иногда ошибочно называли линейные иероглифы. См. выше, стр. 133, прим. 2.

[2] Мемуар о демотическом письме не был опубликован. Шампольон прочитал его в Парижской Академии надписей в августе 1822 г. Изложение этой работы дано в приписываемой Шампольону-Фижаку, брату автора „Письма к г-ну Дасье", статье, напечатанной в журнале Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire... publiées par M. M. J. B. Eyriès et Malte-Brun, t. XVI, Paris, 1822, стр. 108—119. См. выше, стр. 152 сл.

Демотическое письмо. Второй, более курсивный, чем иератическое письмо, вид древнеегипетской скорописи. Название это введено в современную науку Шампольоном (так же как и выражение иератическое письмо), греческого происхождения (от греч. δημοτικός — „народный") и встречается в применении к древнеегипетской скорописи у Геродота, II, 36 (δημοτικὰ γράμματα — „народное письмо", ср.: Гелиодор, IV, 8).

[3] В первом издании „Письма к г-ну Дасье", стр. 1, конец фразы сформулирован следующим образом: „... оба вида письма, и тот и другой, не являются алфавитными, как это было принято думать, но имеют *идеографический* характер, как и самые иероглифы, т. е. выражают *понятия*, а не *звуки* языка".

[4] Розеттская надпись. — Надпись на базальтовой плите, найденной офицером инженерных войск французской экспедиционной армии Наполеона в Египте Бушаром (1772—1832) во время земляных работ по сооружению укрепления, которое должно было помешать ожидавшейся французами высадке английских войск. Укрепление, известное впоследствии под названием форта Сен-Жюльен, было расположено к северу от города Розетты (арабск. Рашид), находящегося в 10 км от Средиземного моря, на левом берегу западного (Розеттского) рукава Нила.

На плите (ее высота — ок. 1 метра, ширина — ок. 73 см, толщина — ок. 27 см) высечены три надписи одинакового содержания (постановление жрецов главнейших египетских храмов в честь Птолемея V Эпифана, правившего Египтом с 203 по 181 гг. до н. э.), относящиеся к 196 г. до н. э. Верхняя надпись выполнена иероглифами, средняя — демотическими знаками, нижняя — греческими буквами.

[5] Сильвестр де-Саси (Isaac Antoine Silvestre de Sacy, 1758—1838), французский востоковед, основатель школы французских арабистов. Пытался дешифровать демотическую надпись Розеттского камня, которой посвятил работу: Lettre au citoyen Chaptal, ministre de l'Intérieur, membre de l'Institut national des sciences et arts, &c. au sujet de l'inscription égyptienne du monument trouvé à Rosette. A Paris, de l'imprimerie de la République. An X (1802 v. st.). См. выше, стр. 117 сл.

[6] Окерблад (Johann David Åkerblad, 1795—1819), шведский дипломат и востоковед. Продолжил начатое Сильвестром де-Саси изучение демоти-

ческой надписи Розеттского камня. Результаты своего исследования изложил в работе: Lettre sur l'inscription égyptienne de Rosette, adressée au C.en Silvestre de Sacy, professeur de langue arabe à l'école spéciale des langues orientales vivantes, &c. Par J. D. Akerblad, ancien secrétaire des commandements de S. M. le roi de Suède; de la Société royale des sciences de Gottingue, etc. A Paris, de l'imprimerie de la République. An X. = 1802 v. st.

К этой работе приложен ответ де-Саси Окербладу, подвергшему критике положения, содержащиеся в „Письма к гражданину Шапталю". См. выше, стр. 121 сл.

[7] Юнг (Thomas Young, 1773—1829), английский физик, по профессии врач. Занимался изучением древнеегипетского письма. В 1819 г. напечатал в Британской энциклопедии (Supplement to the Encyclopaedia Britannica. Edinburgh, vol IV) большую статью „Египет", в которой, наряду с опубликованием правильного определения значения целого ряда египетских иероглифов, была впервые дана (лишь частично увенчавшаяся успехом) попытка алфавитного анализа двух собственных греческих имен — Птолемей и Береника, — написанных иероглифами. Египтологические работы Юнга собраны в III томе посмертного издания его трудов (Miscellaneous Works of the late Thomas Young... Vol. III, Hieroglyphical essays and correspondence, &c., edited by John Leitch. London, John Murray, 1855). В Приложениях мы даем перевод отрывков из статьи Юнга „Египет" касающихся анализа надписей Розеттского камня, а также отрывков, содержащих попытку установления египетского иероглифического алфавита. См. выше стр. 81 сл.

[8] В первом издании „Письма к г-ну Дасье", стр. 2: „силлабическо-алфавитное значение".

[9] Шампольон имеет в виду папирус, приобретенный королевской библиотекой у Казати. См. стр. 11, прим. 2.

[10] Птолемеи, или Лагиды, — династия египетских царей (305—30 гг. до н. э.), основанная после смерти Александра Македонского одним из его полководцев — Птолемеем, сыном Лага (Птолемей I Сотер, с 323 по 305 гг.— сатрап, с 305 по 283 г. до н. э. — царь Египта).

[11] Иероглифы (от греч. ἱερός — „священный" и γλύφω — „вырезаю"). — „Иероглифическими письменами" (ἱερογλυφικὰ γράμματα) названы у Климента Александрийского (Строматы, V, IV, 20—21) древнеегипетские письмена, высеченные на стенах и колоннах храмов, дворцов, на обелисках и на других древнеегипетских памятниках.

[12] „Письмо к г-ну Дасье" написано в эпоху, когда среди исследователей, изучавших древнеегипетскую культуру, господствовало мнение, что все памятники египетской архитектуры, на которых высечены иероглифические надписи, следует относить к до-греческому или даже к до-персидскому периоду египетской истории. Ср. выше, стр. 70 сл.

[13] Слово ΣΥΝΤΑΞΙΣ (σύνταξις) встречается в 8-й строке демотической надписи Розеттского камня (в форме *sntgsj*) в значении „содержание“, „жалованье“.— Все греческие и коптские слова, а также слова других древних и восточных языков, приведенные в работе Шампольона, даны в нашем переводе в орфографии автора.

[14] Слово ΟΥΗΝΝ встречается в 32-й строке демотической надписи Розеттского камня (в форме Wjnn) и соответствует коптскому ⲟⲩⲉⲉⲓⲉⲛⲓⲛ : ⲟⲩⲉⲓⲛⲓⲛ : ⲟⲩⲁⲓⲛⲓⲛ „грек“ (буквально „иониец“). В пояснении к табл. I, № 12, Шампольон транскрибирует это слово ΟΥΙΝΝ.

[15] Речь идет о статье: Notice sur quelques manuscrits grecs apportés récemment d'Égypte. Journal des savants, Septembre 1822, стр. 555—567.

Сен-Мартен (Antoine-Jean Saint-Martin, 1791—1832), французский востоковед, член Академии надписей (с 1820 г.). Его основной двухтомный труд посвящен истории и географии Армении (Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, suivis du texte arménien de l'Histoire des princes Orpélians, Par Étienne Orpélian, et de celui des géographies attribuées à Moyse de Khoren et au docteur Vartan, Paris, 1818).

[16) Рауль-Рошет (Rochette, Raoul, 1790—1854) — французский археолог. Почетный член Петербургской Академии Наук (с 1822 г.) и член Парижской Академии надписей (с 1816 г.).

[17] В первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 5: „посредством знаков скорее *слоговых*, чем *алфавитных*“.

[18] В первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 5: „*демотический* алфавит или скорее силлабарий“.

[19] О генетической связи всех трех видов древнеегипетского письма (иероглифического, иератического и демотического) см. выше, стр. 158.

[20] Этот, сравнительно, небольшой обелиск из красного гранита (его высота — ок. 6.7 метра), открытый путешественником Бельцони в 1815 г., был приобретен англичанином Бэнксом и перевезен в Англию в 1821 г.

[21] Картуш — иероглиф ( ), обрамляющий в египетских текстах, с древнейших времен вплоть до греко-римского периода истории Египта, имена и титулы египетских царей. Иногда Шампольон обозначает этот иероглиф словом картель.

[22] Статья называется: „De l'obélisque égyptien de l'île de Philae“. См.: Revue encyclopédique, t. 13, 1822, стр. 512—521.

[23] Летрон (Jean-Antoine Letronne, 1787—1848), французский археолог и эллинист. Им написана часть девятой главы второго издания основного труда Шампольона („Очерк иероглифической системы“), посвященная высказыванию Климента Александрийского о письме древних египтян.

[24] Шампольон-Фижак (Jacque-Joseph Champollion-Figeac, 1778—1867), старший брат Ж.-Ф. Шампольона, археолог и историк.

[25] Первый знак имени Клеопатра, иероглиф ⊿, изображает холмик и является тем же знаком, который Шампольон в другом месте „Письма к г-ну Дасье (см. выше, стр. 36) называет „прямым углом с его хордою". На табл. IV приведено несколько разновидностой этого иероглифа. См. ниже, прим. [120].

[26] Третий знак имени Клеопатра, иероглиф 𓇋 (повторенный дважды в конце иероглифического имени Птолемея, 𓇋𓇋), изображает метелку тростника.

[27] Дифтонг — сочетание двух гласных звуков, образующих один слог.

[28] В действительности иероглиф 𓍯 изображает лассо.

[29] Иероглиф 𓊪, изображает сплетенную из тростника цыновку.

[30] Иероглиф 𓏏, изображает хлеб. Ср. ниже, прим. [39].

[31] Омофоны, здесь — различные по форме иероглифы, передающие один и тот же звук.

[32] rho — название 17-й буквы греческого алфавита (Ρ, ρ).

[33] Иероглиф 𓋴, изображает кусок сложенной материи.

[34] В действительности иероглиф 𓎡 изображает плетеную корзину с ручкой или, как полагают некоторые ученые, с петлей для подвешивания корзины на стену.

[35] В действительности иероглиф 𓊃 изображает дверной засов.

[36] Коптское слово ⲁϩⲉ : ⲁϩⲓ означает „жизнь", „время жизни", „продолжительность жизни". Возможно, что значение „душа" Шампольон приписывает этому слову под влиянием Гораполлона (Hieroglyphica, I, 7; о Гораполлоне см. выше, стр. 100), утверждавшего, что египтяне „душу" передавали в своем письме при помощи изображения коршуна. Свое фонетическое значение ꜣ, соответствующее значению буквы א („'алеф") древнееврейского алфавита, иероглиф 𓄿 (о котором здесь идет речь),— в греко-римских именах и титулах передающий звук А,— получил вследствие того, что изображенная этим иероглифом птица (коршун) называлась в древнеегипетском языке ꜣ.

[37] По-египетски, т. е. по-коптски. Шампольон очень часто, говоря о коптском языке, языке египтян-христиан, называет его египетским.

Коптский алфавит, введенный в Египте в III в. н. э., состоит из 24 греческих букв, к которым прибавлено 7 демотических знаков для передачи звуков, отсутствовавших в греческом языке.

Название коптский или, как когда-то писали, кофтский, повидимому, восходит через арабск. *ḳibṭ*, *ḳubṭ* к греч. Αἰγύπτιος — „египтянин". Αἴγυπτος — „Египет" некоторые ученые производят от древнеегипетского названия города Мемфиса *Ḥwt-kȝ-Ptḥ* (в вавилонских текстах: *Ḫikuptaḫ*).

[38] Иероглиф 𓈖, о котором здесь идет речь, действительно изображает воду. Свое фонетическое значение *n* он получил не потому, что с его помощью египтяне писали предлог *n*, а вследствие того, что он входил в состав знаков, передававших звуки, из которых состояло египетское слово, означавшее воду и имевшее в своей начальной части звук *n*.

[39] Иероглиф 𓏏, который Шампольон называет „сегментом шара" и который изображает хлеб, получил свое фонетическое значение *t* от египетского слова *t* „хлеб".

[40] „Рука" в коптском языке—ⲧⲱⲣⲉ : ⲧⲱⲣⲓ : ⲧⲱⲗⲓ. При соединении с личными местоименными суффиксами слово ⲧⲱⲣⲓ принимает форму ⲧⲟⲧ⸗, приведенную здесь Шампольоном.

[41] Vola (латинск.), „ладонь".

[42] Manus (латинск.), „рука".

[43] Иными словами, в то время как в иероглифическом написании имя Клеопатра начинается иероглифом 𓈎 („четверть круга"), в демотическом написании это имя начинается знаком, являющимся скорописной формой иероглифа 𓎡 („сосуд с кольцом").

[44] Т. е. иероглиф 𓈎 (в имени Клеопатра) и иероглиф 𓎡 (в имени Александр).

[45] В применении к анализируемым в „Письме к г-ну Дасье" иероглифическим текстам греко-римской эпохи утверждение Шампольона об омофонии иероглифов 𓈎 и 𓎡, одинаково передававших звук *k* в именах Клеопатра и Александр, совершенно правильно. Однако первоначально эти иероглифы передавали два различных звука. То же самое относится в известной мере, и к иероглифам 𓋴 и 𓊃, передающим в именах Александр (греч. Ἀλέξανδρος) и Птолемей (греч. Πτολεμαῖος) звук *s* (см. ниже и первоначально обозначавшим не тожественные звуки.

[46] См. предшествующее примечание.

[47] См. прим. [13].

[48] Фта — греческая транскрипция (Φϑα) имени древнеегипетского, бога Птаха.

[49] Чтение BPNHKΣ или BPNIKΣ (во втором издании „Письма к г-ну Дасье" Шампольон при транскрибировании фонетических иероглифов

греческими буквами часто заменяет Н через I, см. стр. 45, №№ 32 и 33), — с Σ (*s*) на конце, — основано на ошибочном воспроизведении имени египетской царицы в „Описании Египта". В этом труде, вместо иероглифа птицы (одного из видов коршуна, [иероглиф]), передающего в конце имени Береника (греч. Βερενίκη) звук *ē* (греч. η), художник изобразил другую птицу ([иероглиф]), имеющую в египетской иероглифике греко-римского периода фонетическое значение *s*. Ошибка художника, не учтенная как Юнгом, в его статье „Египет" (см. ниже, стр. 271, прим. [16]), так и автором „Письма к г-ну Дасье" и „Очерка иероглифической системы", была позже обнаружена Шампольоном и исправлена во втором издании последнего исследования (в первой главе, стр. 32, примеч. I, в Пояснениях к таблице VI второй главы — в нашем переводе ей соответствует таблица IV, см. выше, стр. 48, — и в Пояснениях к таблицам, приложенным в конце „Очерка иероглифической системы", стр. 18, № 129). Однако в текст второй главы указанного исследования, содержащей второе издание „Письма к г-ну Дасье", это исправление внесено не было.

[50] Иероглиф [иероглиф] изображает чашу для воскурений, из которой поднимается дым.

[51] Шампольон имеет в виду знак [иероглиф], являющийся неточной копией изображенного в египетском оригинале иероглифа [иероглиф] (см. ниже, прим. [121]). Автор „Письма к г-ну Дасье", так же как и Юнг (см. стр. 92 и стр. 271, пр. [15]), был введен в заблуждение неверным воспроизведением этого иероглифа в „Описании Египта".

[52] Знака для звука *s* в иероглифическом написании имени Береника нет. См. выше, прим. [49].

[53] См. выше, прим. [7].

[54] Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), один из величайших полководцев древности. Завоевал Египет в 332 г. до н. э.

[55] См. выше, прим. [10].

[56] См. выше, прим. [49].

[57] Гюйо (Jean-Nicolas Huyot, 1780—1840), французский архитектор.

[58] Птолемей VII Эвергет II (145—116 гг. до н. э.).

[59] Птолемей VI Филометор (181—145 гг. до н. э.).

[60] См. выше, стр. 13 и прим. [20].

[61] „Царице Клеопатре — сестре и царице Клеопатре — жене".

[62] Птолемей IX Александр I (108—88 гг. до н. э.).

[63] „прозванный".

[64] Шампольон имеет в виду греческие буквы Λ и Ρ, передающие звуки одинаковой артикуляции (*l* и *r*), т. е. произносящиеся при помощи

одних и тех же органов речи — кончика языка и передних верхних зубов.

[65] Башмурский диалект, один из пяти известных науке литературных диалектов коптского языка, называемый в современной коптологии фаюмским или среднеегипетским. Остальные четыре диалекта: саидский, ахмимский, субахмимский и бохайрский.

[66] Слова NHO в картуше (табл. I, № 42), содержащем имя Цезарион, нет. В группе, состоящей из трех иероглифов, в которой Шампольон усмотрел это слово, два иероглифа, и (на табл. I, № 42, вместо иероглифа стоит иероглиф), передают не N и O, как полагал автор „Письма к г-ну Дасье", а предлог *n* (иероглиф) и местоименный суффикс 3-го л. ед. ч. мужск. р. — *f* (иероглиф). Оба знака являются составной частью иероглифического выражения , соответствующего, по значению, выражению, приведенному на табл. I, № 39. Третий иероглиф, , транскрибированный Шампольоном через H, следует читать один раз, после K, и он относится только к слову ΚΗΣΡΣ (ср. стр. 45, № 42). Ошибочный перевод указанной группы из трех иероглифов в „Письме к г-ну Дасье" („по прозванию NHO" вместо: „по прозванию") основан на неточном воспроизведении этой группы в „Описании Египта" (Древности, т. IV, табл. 28, № 15, — , вместо египетского оригинала). — В пояснениях к табл. 9, № 139 второго издания „Очерка иероглифической системы", Шампольон переводит этот же самый картуш — „Птолемей, по прозванию Цезарь", отказавшись от неправильного перевода („Птолемей, по прозванию юный или новый Цезарь"), приведенного выше на стр. 25.

[67] Клеопатра, египетская царица, дочь Птолемея XI Авлета. После поражения Антония в битве при Акции (2 сентября 31 г. до н. э.), в которой она принимала участие со своим флотом, покончила с собой (в 30 г. до н. э.)

[63] Гай Юлий Цезарь, римский полководец и диктатор (ок. 100—44 гг. до н. э.).

[69] Плутарх, греческий писатель (ок. 46 — ок. 120 гг.).

[70] Цезарион, сын Клеопатры и Юлия Цезаря, Птолемей XIV Цезарь. Родился в 47 г. до н. э. В 30 г. до н. э. был умерщвлен Октавианом.

[71] Дион Кассий (ок. 155 — 235 гг.), римский историк.

[72] „Птолемей, новый Цезарь", см. выше, прим. [66],

[73] Филиппы — город в Македонии. В битве при Филиппах (42 г. до н. э.) Антоний и Октавиан нанесли поражение Бруту и Кассию.

[74] Марк Антоний (83—30 гг. до н. э.), римский консул (в 44 г. до н. э.). После победы над Брутом и Кассием в битве при Филиппах, образовал вместе с Октавианом и Лепидом второй триумвират (в 43 г. до н. э.). При разделе римских провинций между триумвирами Антоний получил в свое управление Восток. Впоследствии вступил в борьбу за власть с Октавианом и после поражения в битве при Акции покончил с собой (в Александрии).

[75] Октавий, имя первого римского императора Августа (родился в 63 г. до н. э., умер в 14 г. н. э.), которое он носил до усыновления его Юлием Цезарем. После усыновления в 44 г. до н. э. стал именоваться Гаем Юлием Цезарем Октавианом. С 27 года до н. э. — император Цезарь Август.

[76] „самодержец".

[77] См. выше, примечание [65].

[78] З о д и а к (от греч. ζωδιακὸς [κύκλος] — „звериный [круг]") — полоса на небесном своде, по которой совершается движение планет. Охватывает 12 созвездий (Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы) и по числу последних с древних времен разделялась на 12 частей (зодий). В каждой из этих 12 частей солнце, при своем видимом годовом перемещении по эклиптике (воображаемая линия, по обе стороны которой тянется зодиак), находится в течение, приблизительно, одного месяца.

Д е н д е р а — современное селение, находящееся на левом берегу Нила, примерно в 60 км к северу от Фив. Название восходит (через греч. Тентира) к одному из древнеегипетских названий главного города 6-го верхнеегипетского нома. Развалины этого города, сохранившиеся до настоящего времени, расположены у края западной пустыни, в 2 км от селения.

Д е н д е р с к и й з о д и а к — зодиак, высеченный на потолке одной из зал древнеегипетского храма в Дендера. Потолок состоял из трех каменных плит, вытесанных из песчаника и покрытых барельефами. В центре потолка (на средней плите), между двумя вертикальными иероглифическими надписями, — каждая из них заканчивается картушем, — находится фигура богини, о которой говорит Шампольон в „Письме к г-ну Дасье". По обеим сторонам фигуры богини высечены два барельефа одинакового размера, покрывающие всю остальную поверхность потолка. Зодиак — один из этих двух барельефов — занимал целую плиту (левую) и, примерно, четвертую часть второй, средней, плиты, соприкасаясь с вертикальной иероглифической надписью, находящейся слева от фигуры богини. Приблизительные размеры

той части потолка, которую занимал зодиак: длина — ок. 4 м, ширина — ок. 2 2/3 м, толщина каждой плиты — ок. 1 м.

Этот памятник был обнаружен участником египетского похода Наполеона генералом Дезэ во время кампании по завоеванию Верхнего Египта. Первая зарисовка дендерского зодиака была сделана Деноном (см. ниже, стр. 268, прим. [35]), сопровождавшим генерала Дезэ.

Дендерский зодиак возбудил в Европе огромный интерес. Появилась обширная литература, посвященная этому памятнику. Авторы некоторых работ, исходя из расположения высеченных на нем созвездий, приходили к заключению о необычайной древности дендерского зодиака (якобы относившегося к 13—15 тысячелетиям до н. э.) и о возникновении вселенной в бесконечно отдаленные времена. Подобное мнение, находившееся в противоречии с библейской хронологией, вызвало резкие возражения со стороны представителей церкви. Разгорелась острая полемика, конец которой был положен только через много лет Шампольоном, неопровержимо установившим, что дендерский зодиак выполнен лишь в римский период истории Египта.

П. Савельев рассказывает, что русский арабист О. И. Сенковский в 1821 г., во время своего пребывания в Египте, пытался „перевезти в Россию знаменитый дендерский зодиак" и что он „с помощью своего служителя, мальтийского аравитянина Насра, или Игнатия Портелли", якобы „вырубил камень из потолка и нагрузил его на барку, чтобы везти в Александрию и оттуда в Россию. Вести о греческом восстании и разрыве с Портою принудили его оставить это предприятие". (П. Савельев. О жизни и трудах О. И. Сенковского. Вступ. статья к I т. собр. соч. Сенковского, СПб., 1858, стр. XXXI—XXXII). Этот рассказ, повторяемый иногда в работах нашего времени, основан на каком-то недоразумении. Действительно, каменные плиты с высеченным на них зодиаком были изъяты из дендерского храма в том году, когда Сенковский посетил Египет. Однако произошло это иначе, чем описывает Савельев.

В 1821 г. француз Лелоррен, на средства Сольние, сына одного из членов палаты депутатов, предпринял путешествие в Египет и, опередив англичан, которые также собирались завладеть древним памятником, выпилил дендерский зодиак из потолка храма (в этой работе и в последующей затем доставке к Нилу двух выпиленных каменных плит огромного веса было занято в течение 38 дней несколько десятков человек) и привез его 19 сентября 1821 г. в Марсель, а в первых числах января следующего года — в Париж. После осмотра специальной правительственной комиссией, в числе членов которой были астроном Лаплас и математик Фурье, зодиак был приобретен государством за 150 000 франков и передан Лувру. См.: Saulnier Fils. Notice sur le voyage de M. Lelorrain en

Égypte; et observations sur le zodiaque circulaire de Denderah. Paris. De l'Imprimerie de Sétier. 1822.

В связи с прибытием зодиака в Марсель в Revue encyclopédique (т. XII, окт.-дек. 1821 г., стр. 469—472) было опубликовано, от имени редакции журнала, приписываемое Шампольону письмо, в котором поступок Сольние и Лелоррена расценивался как варварский акт, положивший начало разрушению замечательного творения древнеегипетских зодчих, пощаженного временем и войнами, не раз бушевавшими в Египте на протяжении многих веков существования дендерского храма. Даже римские завоеватели, столь далекие от науки и искусства, — говорилось в письме, — оказались лучшими ценителями памятников древнеегипетской культуры, чем просвещенные представители Франции XIX в. Указывалось также и на то обстоятельство, что вследствие нарушения ансамбля уменьшилась научная ценность зодиака.

В настоящее время потолок храма в Дендера реставрирован и недостающая часть его заменена муляжем.

[79] Картуш, о котором здесь упоминается, в действительности пуст. Шампольон установил этот факт впоследствии, во время своего двукратного посещения Дендера (в ноябре 1828 г. и в сентябре 1829 г.). В письме (от 24 ноября 1828 г.) к своему брату, Шампольону-Фижаку, он отмечает, что в здании, в котором находился зодиак, нет ни одного картуша, содержащего какие-либо знаки. Это произошло, — говорит Шампольон, — отнюдь не вследствие уничтожения иероглифов, якобы находившихся некогда внутри картушей, а потому, что последние никогда не были заполнены царскими именами и титулами. „Самым забавным во всем этом, *risum teneatis, amici!* [„могли бы вы удержаться от смеха, друзья!“ (Гораций, Наука поэзии, ст. 5)], — пишет Шампольон, — является то, что часть знаменитого круглого зодиака, содержавшая картуш, еще находится на месте и что этот картуш *пуст*, так же как и все картуши во внутренних помещениях храма, и его никогда не касался резец. Слово *autocrator* внесли в свой рисунок сами члены *Комиссии*, полагавшие, что они забыли нарисовать несуществующую надпись“. После своего посещения Дендера Шампольон, исходя из стиля скульптурных украшений храма, стал относить время выполнения дендерского зодиака к более поздней эпохе, чем он полагал прежде, в „Письме к г-ну Дасье“ (см. выше, стр. 28). Теперь он считал, что этот памятник был создан не раньше времени последних лет первого — середины второго века н. э. См.: Lettres et journaux de Champollion... II, стр. 153—154 и 405.

Неточность, допущенная художниками при воспроизведении в „Описании Египта“ связанных с дендерским зодиаком картушей, ввела в заблуждение и И. А. Гульянова, пытавшегося прочитать (в работе, озаглавленной: Замечания о Дендерском зодиаке в письме к издателю Телескопа,

Москва, в Типографии Лазаревых Института Восточных языков, 1831, и переведенной в 1832 году в Дрездене на немецкий язык) царское имя в картуше второй вертикальной иероглифической надписи, о которой мы упоминали в предшествующем примечании.

[80] Клавдий, римский император (41—54 гг.).

[81] Нерон, римский император (54—68 гг.).

[82] К датировке дендерского зодиака см. примечание [79].

[83] В 44-й строке греческой надписи Розеттского камня ψχέντ. В 9-й строке иероглифической надписи того же памятника этому слову соответствует иероглиф , изображающий двойную корону египетского царя — символ владычества над Верхним и Нижним Египтом (т. е. над всей страной).

[84] Эта эмблема — меч серповидной формы.

[85] См. прим. [75].

[86] См. прим. [74].

[87] Тиберий, римский император (14—37 гг.).

[88] „Император Тиберий Цезарь".

[89] Домициан, римский император (81—96 гг.).

[90] См. прим. [158].

[91] „Германик".

[92] Кирхер (Athanasius Kircher, 1602—1680), ученый иезуит, автор нескольких исследований о египетском письме и языке. — Гравюра, о которой упоминает здесь Шампольон, помещена в труде Кирхера „Obeliscus Pamphilius, hoc est interpretatio nova obelisci hieroglyphici..."; Romae, 1650.

[93] Веспасиан, римский император (69—79 гг.).

[94] См. примечание [92].

[95] Высота этих простенков равняется почти половине высоты колонн, пространство между которыми они заполняют.

[96] Траян, римский император (98—117 гг.).

[97] Арсиеси, греческая форма ('Αρσίησις) имени древнеегипетского бога „Гора, сына Исиды".

[98] Точка после слова NPO заменяет букву A в имени Нерва (NPOA); точки после слова TPHNΣ (Траян) заменяют пять букв слова ΣΒΣΤΣ (Август). Ср. стр. 47, № 71.

[99] См. табл. III, № 75. — Урей, греч. οὐραῖος (Гораполлон, Hieroglyphica I, 1). Изображение урея, в египетском письме представленного иероглифом (очковая змея), фараоны носили на лбу как один из символов царской власти.

[100] „Германик, Дакийский“.

[101] Адриан, римский император (117—138 гг.).

[102] Фре, одно из имен древнеегипетского бога солнца.

[103] G. Zoëga. De origine et usu obeliscorum, Romae, 1797, табл. 7. — О Соэге см. ниже, стр. 264, прим. [21].

[104] См. ниже, прим. [167].

[105] Точнее: „жизнь, благополучие, здоровье“.

[106] „Августа“.

[107] Антонин Пий, римский император (138—161 гг.).

[108] Тифоний. — Так называли составители „Описания Египта“ небольшое святилище при различных египетских храмах вследствие того, что на стенах этого святилища было обнаружено много изображений египетского бога Сета (а также посвященных ему животных), с которым древние греки отожествляли Тифона, сына Тартара и Геи, олицетворявшего в греческой мифологии вулканические явления. Древнеегипетское название этих святилищ означает „дом рождения“ и связано с мифом о рождении Исидой бога Гора. Шампольон, переводя египетское название на коптский язык, назвал их термином маммиси („место рождения“), применяющимся в современной египтологии.

[109] См. ниже, прим. [157].

[110] Шампольон имеет в виду фонетические элементы в демотическом письме и в иероглифическом письме.

[111] Египтяне, по мотивам чисто внешнего, орнаментального характера, нередко писали иероглифы в порядке, не совсем точно соответствовавшем последовательности передаваемых этими иероглифами звуков слова, воспроизводимого египетским текстом.

[112] См. выше, примечание [49].

[113] См. выше, стр. 17—18.

[114] См. выше, примечание [50].

[115] Используя в своих работах коптские тексты, Шампольон иногда, вследствие недостаточной изученности этих текстов в его время, дает для коптских слов неточные, а в некоторых случаях — неверные значения; не все приведенные Шампольоном формы коптских слов наличны в новейших коптских словарях. Так, например (стр. 36), ϐⲁϩⲥⲓ означает не „корова“, а „телка“, ϐⲁⲁⲙⲡⲉ — не „козленок“, а „козел“, ⲟⲩⲱⲛϣ̄ (у Шампольона: ϐⲱⲛϣ) — не „шакал“, а „волк“, ⲉⲣⲙⲁⲛ (у Шампольона, см. выше, стр. 37: ⲣ̄ⲙⲁⲛ и ⲣⲟⲙⲁⲛ) — не „цветок граната“, а „гранат“ (гранатовое дерево и плод гранатового дерева), слово ⲧⲱⲣⲓ или ⲧⲱⲣⲉ (стр. 37) в значении „отвес каменщиков“ не засвидетельствовано, и т. д.

В связи с иероглифом [иероглиф], передающим в собственных именах и титулах греческих и римских правителей Египта звук *к*, Шампольон для объясне-

ния факта из области египетского письма, относящегося к глубокой древности, привлекает (см. стр. 36) слово ⲕⲁⲗⲓⲃⲓ, являющееся в коптском языке поздним заимствованием из языка греческого (καλύβη „хижина“, „шалаш“).

[116] См. выше, примечание [92].

[117] Иероглиф в египетском оригинале изображает барана.

[118] См. выше, примечание [34].

[119] Т. е. коптские словари.

[120] Речь идет о иероглифе ⊿. Ср. выше, примечание [25]. — Говоря о „прямом угле с его хордою“, Шампольон, очевидно, имеет в виду равнобедренный прямоугольный треугольник, из вершины которого радиусом, равным катету, описана четверть окружности. Гипотенуза треугольника будет хордою этого сектора. — Данным разъяснением я обязан любезности проф. С. Я. Лурье.

[121] В действительности иероглиф (его первоначальное фонетическое значение: *g*), о котором здесь идет речь, изображает подставку для кувшинов.

[122] Речь идет об иероглифе.

[123] Слово (с огласовкой, близкой к приведенной у Шампольона) засвидетельствовано в библии лишь один раз (Иезекиил 19,2) в форме לְבִיָּא *l^e^bijja*.

[124] См. выше, примечание [38].

[125] См. выше, примечание [40].

[126] Речь идет об иероглифе ⌓, названном выше (стр. 17) „сегментом шара“. См. примечание [39].

[127] Иероглиф изображает, по мнению некоторых современных египтологов, хлеб конической формы.

[128] Речь идет об „Очерке иероглифической системы“ Шампольона, частью которого является второе издание „Письма к г-ну Дасье“. См. выше, стр. 242.

[129] См. выше, стр. 11, прим. 2.

[130] Выражением ж р е ч е с к а я идеографическая система Шампольон здесь обозначает и е р а т и ч е с к о е письмо, выражением н а р о д н а я идеографическая система — д е м о т и ч е с к о е письмо.

[131] См. выше, стр. 12 и стр. 18.

[132] Шампольон имеет в виду три вида египетского письма: иероглифическое, иератическое и демотическое.

Следующему абзацу, в первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 39—40, предпослано высказывание, полностью опущенное во втором издании этой работы: „Когда, вследствие обращения в христианство,

египетский народ получил от своих проповедников греческое алфавитное письмо и был вынужден отныне писать все слова родного языка при помощи этого нового алфавита, введением которого он был навсегда лишен религии, истории и установлений своих предков, — ибо в силу указанного факта все памятники стали немыми для этих новообращенных и для их потомков, — египтяне сохранили все же кое-какие навыки своего древнего фонетического письма. В самом деле, мы наблюдаем, что в наиболее древних коптских текстах, написанных на фиванском диалекте, большая часть кратких гласных совершенно опущена и что в этих текстах нередко представлен, так же как в иероглифических именах римских императоров, лишь ряд согласных, только изредка прерываемый отдельными гласными, почти всегда долгими. Это сопоставление показалось нам достойным внимания".

[133] В первом издании „Письма к г-ну Дасье", стр. 41: „в идеографических текстах".

[134] Камбиз, персидский царь, завоевавший Египет в 525 г. до н. э.

[135] „Халдейским" в научной литературе эпохи Шампольона иногда называли восточносирийский (несторианский) алфавит.

[136] Во французском тексте второго издания (по которому сделан наш перевод) „Письма к г-ну Дасье" (стр. 82, прим. 1) указана другая дата — 17 сентября 1822 г. Эта неверная дата встречается и в некоторых работах XIX в., касающихся истории дешифровки иероглифов и биографии Шампольона. См., напр.: Journal des savants, март 1825 г., стр. 141 (в статье де-Саси, посвященной исследованиям Шампольона и Юнга); Firmin Didot Frères. Nouvelle biographie générale, т. 9, 1855, стр. 649 (в биографии Шампольона); Aimé Champollion-Figeac. Les deux Champollion. Grenoble, 1877, стр. 58, и др.

[137] Journal des savants, 1822, стр. 620—628: Champollion le jeune, Extrait d'un Mémoire relatif à l'Alphabet des Hiéroglyphes phonétiques égyptiens.

[138] Иероглифы на таблицах I—IV, соответствующих таблицам III—VI французского оригинала, в некоторых случаях переданы Шампольоном неверно, вследствие того, что ему приходилось пользоваться недостаточно точными воспроизведениями египетских иероглифических надписей. По этой же причине в картушах, приведенных на указанных таблицах, иногда отсутствуют отдельные иероглифы. Так, например, иероглиф [иероглиф], фигурирующий в ряде упоминаемых Шампольоном имен и титулов римского времени в фонетическом значении *s*, в „Письме к г-ну Дасье", в соответствии с данными „Описания Египта", передан, в этих именах и титулах, либо как [иероглиф] (напр., на табл. III, № 72), либо как [иероглиф] (напр., на табл. III, №№ 65, 71, 72 и др.); иероглиф [иероглиф] заменен иероглифом [иероглиф] (напр., на

табл. III, № 72); вместо иероглифа [иероглиф] стоит знак [иероглиф], а под ним пропущен иероглиф [иероглиф] (табл. III, № 72 с, правый картуш); вместо последних двух знаков, намеченных пунктиром в правом картуше на табл. III, № 71, следует читать [иероглифы] „любимый Исидой“; вместо последних трех знаков в картуше № 79 на табл. III следует читать [иероглифы] „Август, живущий вечно“; в картуше Птолемея (табл. I, № 22) после этого имени пропущен иероглиф [иероглиф] (в издании „Письма к г-ну Дасье“, вышедшем в Париже в 1922 г., этот иероглиф восстановлен), а в имени бога Птаха пропущены иероглифы □ *p* и ⌓ *t*; и т. д. — Группа иероглифических знаков в нижнем левом углу табл. II передает фамилию Шампольона.

[139] См. выше, примечание [21].

[140] В первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 45: „чисто иероглифических знаков“.

[141] Фраза после точки с запятой прибавлена во втором издании „Письма к г-ну Дасье“. Ср. ниже, прим. [166].

[142] См. выше, прим. [13].

[143] Ср. выше, прим. [14].

[144] В первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 46: „ANTHXOΣ (Антиох)“. — Правильное чтение этой группы демотических знаков („Антимах“), так же как и знаков, приведенных на табл. I, № 20 („Антиген“), было установлено благодаря греческому папирусу (представляющему собой перевод демотического папируса), в котором среди других имен встречаются и эти два имени. Греческий папирус, так наз. „антиграф Грея“, был издан Юнгом в 1823 г. См.: Young, Misc. Works, III, стр. 301, 309, 347.

[145] В первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 46: „ANTHKNΣ (Антигон)“. См. предшествующее примечание.

[146] См. выше, прим. [49].

[147] См. выше, прим. [49].

[148] К чтению NHO KHΣPΣ „новый Цезарь“, см. выше, прим. [66].

[149] В действительности этот картуш не содержит никаких иероглифов. См. выше, прим. [79].

[150] „Цезарь“.

[151] Неправильное чтение, основанное на неточном воспроизведении данного картуша в „Описании Египта“ (Древности, т. IV, табл. 16 и табл. 28, № 9). Два иероглифа, [иероглифы], выделенные Шампольоном в особое

слово AT, якобы сокращенно передающее греч. αὐτοκράτωρ — „самодержец", в действительности относятся к предшествующей группе знаков и составляют вместе с ней одно слово „Цезарь" (вместо [иероглифы] следует читать [иероглифы] или [иероглифы]).

[152] Сиринга, греч. σῦριγξ — „тростник", „свирель", „флейта".

[153] Пан, божество древних греков. В некоторых мифах ему приписывалось изобретение свирели.

[154] Иероглиф, передающий в слове ΚΗΣΡΣ (Цезарь) конечное Σ, воспроизводит не флейту, а кусок полотна, и свое фонетичное значение *s* получил потому, что слово, обозначавшее в древнеегипетском языке предмет, изображенный этим иероглифом, начинается звуком *s*.

[155] См. прим. [157].

[156] См. прим. [157].

[157] В пояснениях к №№ 66, 67, 68 b, 74 и 78 Шампольон дает группе иероглифов, приведенной на табл. III под № 68 a ([иероглифы]), тот же перевод („прозванный"), что и группе знаков, изображенной на табл. I, № 38 ([иероглифы]) и № 39 ([иероглифы]). В действительности выражение [иероглифы] передает титул римских императоров „Август" (греч. Σεβαστός). Один из графических вариантов этого титула (табл. III, № 72 c: [иероглифы], следует читать [иероглифы]) в первом издании „Письма к г-ну Дасье", стр. 50, переведен правильно. Во втором издании ему дано значение „правитель" (directeur). См. стр. 47, № 72 c. — Слово „Август" передается в картушах римских императоров также с помощью алфавитных иероглифов (в транскрипции Шампольона: ΣΒΣΤΣ). См., напр., табл. III, №№ 65, 70, 71 и др.

[158] См. предшествующее примечание.

[159] Надпись, в более полном виде, означает: „когда он получил царство своего отца «Веспасиана, этого бога», от своего старшего брата Тита", и т. д. См.: A. Erman. Römische Obelisken, отдельный оттиск (Aus den Abhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften, Jahrgang 1917, Philos.—hist. Klasse, No 4), Берлин, 1917, стр. 24.

[160] См. выше, прим. [157].

[161] См. выше, прим. [157].

[162] Сочетанием из двух греческих букв, прописной на первом месте и строчной — на втором, Шампольон обычно транскрибировал египетские

фонетические иероглифы в тех случаях, когда хотел подчеркнуть слоговой, а не алфавитный характер этих иероглифов. Таким образом, транскрипция последнего слога в имени Нерва через сочетание -Υα означает, что последний знак (@) в иероглифическом написании этого имени, приведенном на табл. III, № 75, следовало бы, по мнению Шампольона, рассматривать как слоговой знак. См. выше, стр. 48 (пояснения к табл. IV) и прим. [172], [173], [174] и [176].

[163] См. прим. [95].

[164] См. прим. [99].

[165] В первом издании „Письма к г-ну Дасье", стр. 50, начальная буква в имени Адриана имеет густое придыхание Ἁ).

[166] В первом издании „Письма к г-ну Дасье", стр. 50, две последние фразы сформулированы следующим образом: „Первый знак может передавать слог с придыханием *На* или просто гласную А. Вопрос может разрешить только какое-нибудь другое фонетическое имя, в котором повторялся бы этот знак". Позже Шампольон убедился в соответствии первого знака (иероглифа ⊓) в иероглифическом имени Адриана согласному *h* и сопоставил этот знак с буквой ה семитических алфавитов. См. иероглифический алфавит в конце „Очерка иероглифической системы" (таблица С). В связи с этим Шампольон теперь правильно передал демотическое соответствие иероглифа ⊓ в имени Ирина через Н. См. табл. 1, № 10 и прим. [141].

[167] Иероглифический текст, предшествующий картушу с именем императрицы Сабины, у Соэги, De origine et usu obeliscorum, табл. 7 откуда Шампольон заимствовал надпись, передан не точно. Следует читать: „(чтобы обрадовать сердце его [царя]) и великой, любимой им супруги царя, повелительницы обеих земель". См.: Erman, ук. соч., стр. 31—32.

[168] См. прим. [105].

[169] Пояснения к №№ 78—79 приводим по первому изданию „Письма к г-ну Дасье". Во втором издании этой работы пояснения к №№ 78—79 отсутствуют.

[170] См. прим. [157].

[171] В иероглифическом имени Антонина знак, соответствующий букве N (между А и Т), не опущен, так как первый иероглиф этого имени следует читать, — как указал позже сам Шампольон в своей „Египетской грамматике" (стр. 46, № 242), — не А, а AN.

[172] Во втором издании „Письма к г-ну Дасье" таблица IV значительно дополнена как в демотической, так и в иероглифической части.

Из пояснений Шампольона к данной таблице видно, что он не сразу оставил свой старый взгляд на египетские иероглифы как на слоговые знаки (см. выше, стр. 240). Особенно четко этот взгляд выражен в первом издании „Письма к г-ну Дасье“ (см. примечания [173], [174] и [176], ср. прим. [8], [17] и [18]) и в письме к Юнгу, от 12 ноября 1822 г., в котором создатель египтологии называет открытый им иероглифический алфавит „силлабарием“ („...mon 'Alphabet, ou Syllabaire Hiéroglyphique Phonétique'“, См.: Young, Misc. Works, III, стр. 238). Впоследствии Шампольон совершенно отказался от этого определения и в своей „Египетской грамматике“, стр. 27, § 53, говоря о египетских звуковых иероглифах, подчеркивает: „Совокупность фонетических знаков образует подлинный *алфавит*, а не *силлабарий*“.

[173] В первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 51: „приобретают подлинно слоговое значение“.

[174] В первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 51: „Bε-Pε-NI-Kε-Σ. К букве Σ на конце, ср. выше, прим. [49].— После этого слова в первом издании „Письма к г-ну Дасье“ следует фраза, полностью опущенная во втором издании: „Фонетические знаки для согласных B, P, K (во французском тексте вместо буквы K стоит буква N), так же как и фонетические знаки для других согласных Γ, Δ. Λ, M, N. Π. Σ, T и т. д., постоянно передают в этих случаях слоги Bε, Γε, Δε, Kε, Λε, Mε, Nε, Πε. Pε, Σε, Tε и т. д.“.

[175] Слово „иностранных“ добавлено во втором издании „Письма к г-ну Дасье“.

[176] В первом издании „Письма к г-ну Дасье“, стр. 52, последняя фраза данного абзаца сформулирована следующим образом: „Краткие гласные, входившие в состав слов, почти никогда не выражены, потому что знак для согласного содержит их в самом себе и становится тем самым слоговым знаком“.

Ж.-Ф. Шампольон

Вступительная речь к курсу археологии

Вступительная речь, произнесенная Шампольоном при открытии курса археологии в Коллеж де Франс 10 мая 1831 г., была опубликована в 1836 г. в первом выпуске его „Египетской грамматики“ (Grammaire égyptienne, ou principes généraux de l'écriture sacrée égyptienne appliquée à la représentation de la langue parlée. Par Champollion le Jeune; publiée sur le manuscrit autographe, par l'ordre de M. Guizot, ministre de l'instruction publique, Paris, Firmin Didot Frères, 1836—1841, стр. III—XXIII).

О содержании этого курса в программе Коллежа было сказано следующее: „Г. Шампольон изложит основы *Египетско-коптской грамматики* и полностью развернет систему священных письмен, сообщая при этом сведения о всех грамматических формах, употреблявшихся в *иероглифических* и *иератических* текстах“ (Grammaire égyptienne..., стр. 1).

Шампольон прочитал в Коллеж де Франс на специально учрежденной для него в 1831 г. кафедре археологии всего семь лекций — 23 и 26 мая, 5, 7, 9, 12 и 14 декабря этого года. После его смерти (4 марта 1832 г.) кафедра оставалась незанятой до 1837 г. С 1837 по 1859 гг. ее занимали ученые, имевшие косвенное отношение к египтологии. В 1860 г. кафедра археологии была переименована в кафедру египетской археологии и филологии. В том же году ее возглавил Эммануил де-Руже, с чьим именем связано начало возрождения французской египтологии, не имевшей, после смерти Шампольона, достойного представителя в течение почти тридцати лет.

Перевод „Вступительной речи“ мы даем с небольшими сокращениями, сохраняя все непосредственно относящееся к теме настоящей книги.

[1] Арголида — область в южной Греции, расположенная в северо-восточной части Пелопонесского полуострова. Главный город — Аргос.

[2] Аттика — область в средней Греции, расположенная к северо-востоку от Пелопонесского полуострова. Главный город — Афины.

[3] См. выше, стр. 254, прим. [92].

[4] Полное название труда Кирхера: Athanasii Kircheri e Soc. Jesu, Oedipus Aegyptiacus. Hoc est Universalis Hieroglyphicae Veterum Doctrinae temporum injuria abolitae instavratio. Opus ex omni Orientalium doctrina & sapientia conditum, nec non viginti diversarum linguarum authoritate stabilitum, Felicibus Auspiciis Ferdinandi III Austriaci Sapientissimi & Invictissimi Romanorum Imperatoris semper Augusti è tenebris erutum, Atque Bono Reipublicae Literariae consecratum. Romae: Ex Typographia Vitalis Mascardi. T. I, 1652; т. II (в двух полутомах), 1653; т. III, 1654.

[5] К термину к о п т с к и й см. выше, стр. 248, прим. [37].

[6] Athanasii Kircheri... Lingua Aegyptiaca restituta opus tripartitum. Quo linguae Coptae, sive idiomatis illius primaevi Aegyptiorum Pharaonici, vetustate temporum paene collapsi, ex abstrusis Arabum monumentis, plena instauratio continetur. Cui adnectitur supplementum earum rerum, quae in Prodromo Copto, & opere hoc tripartito, vel omissa, vel obscurius tradita sunt, nova, & peregrina eruditione contextum, ad instauratae linguae usum, speciminis loco declarandum. Romae: Sumptibus Hermanni Scheus, 1643.

[7] Пиетро делла Валле (Pietro della Valle, 1586—1652), итальянский путешественник. Провел на Востоке (в Египте, Турции, Персии и в других странах) 12 лет, с 1614 по 1626 г.

[8] На это обстоятельство обратил внимание уже Катрмер (E. Quatremère. Recherches critiques et historiques sur la langue et la littérature de l'Égypte. A Paris, de l'Imprimerie impériale, 1808, стр. 53).

[9] Коптские рукописи содержат, в основном, религиозные тексты (переводы библии, проповеди и т. п.).

[10] Сомез (Claude de Somaise, 1588—1658), французский ученый.

[11] Уилкинс (Wilkins) — фамилия, которую принял во время своего пребывания в Англии Давид Вилкиус (David Vilkius, 1685—1745), по национальности немец, ученый, занимавшийся исследованием коптских рукописей, хранившихся в собраниях различных стран Европы. Некоторые из этих рукописей он издал. Опубликовал также исследование о коптском языке (David Wilkins. Dissertatio de lingua Coptica. Amstelaedami, 1715).

[12] Лакроз (Mathurin Veyssière de La Croze, 1661—1739), французский востоковед. Составил коптско-латинский словарь, опубликованный после его смерти под следующим названием: Lexicon Aegyptiaco — Latinum ex veteribus illius linguae monumentis summa studio collectum et elaboratum a Maturino Veyssière La Croze. Quod in compendium redegit, ita ut nullae voces Aegyptiacae, nullaeque earum significationes omitterentur Christianus Scholtz... Notulas quasdam et indices adjecit Carolus Godofredus Woide. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1775.

[13] Яблонский (Paul-Ernest Jablonski, 1693—1767), немецкий богослов и филолог. Автор целого ряда работ, посвященных египетскому языку и египетским древностям.

[14] Pantheon Aegyptiorum; sive De diis eorum commentarius, cum prolegomenis religione et theologia Aegyptiorum. Francofurti ad Viadrum: Sumptibus I. C. Kleyb, 1750—1752. 3 тома.

[15] См. выше, прим. [12].

[16] Эта мысль содержится в работе: Pluche, *Histoire du ciel*, de l'écriture symbolique égyptien, т. I.

[17] Де-Гинь (Joseph de Guignes, 1721—1800), французский ученый, профессор сирийского языка в Коллеж де Франс и хранитель древностей Лувра. О роли его исследований в истории египтологии см. выше, стр. 110—111.

[18] Автор этой теории — аббат Тандо (Tandeau). Его работа — Dissertation sur l'écriture hiéroglyphique, Paris, Barbou, 1762 — тотчас после выхода в свет была подвергнута резкой критике в „Journal des savants" (май 1762 г.).

[19] Монфокон (dom Bernard de Montfaucon, 1655—1741), французский ученый. Издал ряд работ, посвященных культуре древнего Египта. Автор труда: Antiquitas explanatione et schematibus illustrata — L'Antiquité expliquée et représentée en figures. Paris, 1719, 10 томов in-folio, на латинском и французском языках.

[20] Кэлюс (Anne Claude Philippe comte de Caylus, 1692—1765), французский археолог, член Парижской Академии надписей. Опубликовал труд: Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques et romaines. Paris, 1752—1767, 7 томов. Посвятил египетским древностям ряд статей, напечатанных в изданиях Академии надписей.

[21] Соэга (Georg Zoëga, 1755—1809), датский ученый. Последние 27 лет своей жизни провел в Риме, где и умер. Его основной труд, законченный в 1797 г. (эта дата стоит на титульном листе труда, хотя он был издан в 1800 г.), посвящен описанию египетских обелисков, находящихся в Риме, и носит название: De origine et usu obeliscorum ad Pium Sextum pontificem maximum auctore Georgio Zoega Dano. Romae MDCCXCVII. Typis Lazzarinii Typographi Cameralis.

В двух других работах Соэги дается описание египетских монет римских императоров, от Антонина до Диоклетиана (Numi Aegyptii imperatorii prostantes in Museo Borgiano Velitris... Romae, 1787), и описание ряда коптских рукописей (Catalogus codicum Copticorum manuscriptorum qui in Museo Borgiano Velitris adservantur... Opus posthumum... Romae, 1810).

[22] См. выше, стр. 244, прим. [4].

[23] См. выше, стр. 245, прим. [11].

[24] См. выше, стр. 244, прим. [2].

[25] См. выше, стр. 244, прим. [5].

[26] Шапталь (Jean-Antoine Chaptal, 1756 — 1832), французский химик.

[27] См. выше, стр. 244, прим. [6].

[28] Этот автор — шведский дипломат граф Палин (Nils Gustaf Palin, 1765—1842). Ему принадлежит ряд анонимных работ: Analyse de l'inscription en hiéroglyphes du monument trouvé à Rosette... Dresde, 1804; Nouvelles recherches sur l'inscription en lettres sacrées du monument de Rosette, Florence, 1830; и др.

[29] См. выше, стр. 257, прим. [134].

[30] См. выше, стр. 245, прим. [7].

[31] См. ниже, стр. 265, прим. [3].

[32] См. выше, стр. 243, прим. [1].

[33] В опубликованной в Британской энциклопедии статье „Египет". См. выше, стр. 81 сл.

[34] Изложение этого труда дано на стр. 173—221 настоящей книги.

[35] См. выше, стр. 248, прим. [37].

[36] Германик (15 г. до н. э. — 19 г. н. э.), римский полководец, племянник императора Тиберия. Посетил Египет в 19 г. н. э.

[37] Корнелий Тацит (родился ок. 55 г., умер ок. 120 г. н. э.), римский историк. Рассказ о посещении Германиком развалин египетских Фив приведен Тацитом в „Анналах", II, 60.

[38] Платон (427—347 гг. до н. э.), древнегреческий философ-идеалист.

[39] Саис — город в древнем Египте, находившийся в западной части Дельты.

[40] Пифагорейская школа — основана греческим математиком и философом Пифагором (ок. 571—497 гг. до н. э.).

Т. Юнг

Отрывки из статьи „Египет“

Статья „Египет“ была опубликована Юнгом в 1819 г. в Британской энциклопедии (Encyclopaedia Britannica, Supplement, vol. IV, part I, Edinburgh); переиздана в 1855 г. (Miscellaneous Works of the late Thomas Young... Vol. III, Hieroglyphical Essays and Correspondence, &c., edited by John Leitch, London, стр. 86—197, табл. I — V).

Перевод сделан мною по изданию 1855 г. и включает в себя:

1. раздел VI. Анализ тройной Розеттской надписи (Misc. Works, III, стр. 129—136);

2. отрывок из раздела VII, посвященный анализу имени Птолемей (там же, стр. 156—157, № 56);

3. отрывок из того же раздела, посвященный анализу имени Береника (там же, стр. 157—160, № 58);

4. отрывок из того же раздела, содержащий составленную Юнгом таблицу египетских звуковых иероглифов (там же, стр. 182—183, №№ 205—218).

Иероглифические и демотические написания имен Птолемей и Береника, список звуковых иероглифов, рисунок, передающий три параллельных строки (одинакового содержания) иероглифического и иератических текстов, а также рисунок, изображающий последнюю строку иероглифического текста Розеттского камня, сопоставленную Юнгом с последними строками демотического и греческого текстов этого памятника, — которые в английском оригинале даны на приложенных к статье отдельных таблицах, — мы воспроизводим в тексте перевода соответствующих отрывков статьи.

I. Анализ тройной Розеттской надписи

[1] О Розеттской надписи см. выше, стр. 244, прим. [4].

[2] Т. е. иероглифами. См. ниже, стр. 266, прим. [12].

[3] Знаки, которыми выполнена средняя надпись Розеттского камня, названы в последней, 54-й, строке греческой надписи этого памятника

„энхорическими (т. е. туземными) письменами" (ἐγχώρια γράμματα). В современной науке они называются „демотическими". См. выше, стр. 244, прим. [2].

[4] См. выше, стр. 244, прим. [5].

[5] Юнг имеет в виду части надписи, находящиеся между группами знаков, значение которых уже установлено.

[6] „Эллины пишут и считают камешками от левой руки к правой а египтяне от правой к левой, хотя и утверждают, что они пишут к правой руке, а эллины к левой" [Геродот. История в девяти книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенка, т. I, М., 1888, стр. 135 (кн. II, 36)].

[7] В том случае, когда фигуры, изображенные иероглифами, обращены вправо, строку следует читать справа налево, и наоборот — когда эти фигуры обращены влево, строку следует читать слева направо.

[8] Способ письма, при котором направление строк одной и той же надписи меняется таким же образом, как меняется направление борозд пашни, проводимых пашущим волом, называется греческим словом „бустрофедон" (от βοῦς — „бык" и στρέφω — „поворачиваю"). Каждая строка такой надписи писалась (и читалась) с противоположного конца по отношению к предшествующей и последующей строкам.

[9] Т. е. в том случае, когда знаки надписи обращены в правую сторону, и в том случае, когда они обращены в левую сторону от зрителя.

[10] Т. е. греческой надписи Розеттского камня, строки которой идут слева направо, и надписи энхорической (демотической) с знаками, обращенными справа налево.

[11] Речь идет о переводе греческой и энхорической надписей Розеттского камня, опубликованном Юнгом в статье „Remarks on the Ancient Egyptian Manuscripts", помещенной в журнале Archaeologia (т. XVIII, 1815) и переизданной в том же году в „Museum Criticum of Cambridge" (Part VI.— См.: Young, Misc. Works, III, стр. 1 сл.).

[12] „Священными письменами" (ἱερὰ γράμματα) названы в 54-й строке греческой надписи Розеттского камня знаки первой, иероглифической, надписи этого памятника.

[13] Имя Птолемея легко заметить, потому что оно обрамлено картушем. О картуше см. выше, стр. 246, прим. [21].

[14] Юнг имеет в виду — от конца греческой и от конца энхорической надписей Розеттского камня.

[15] Точнее: ковчежец, в котором во время религиозных процессий египтяне носили изображения божеств. В греческой надписи Розеттского камня: ναός, „наос".

[16] Т. е. в заключительных частях греческой и энхорической надписей

[17] Иначе говоря, Юнг выдвигает идущее вразрез с мнением его предшественников положение, что демотические (или, по его формулировке,

энхорические) знаки не могут иметь звукового значения, вследствие установленного им с несомненностью факта происхождения этих знаков из знаков „священных“ (т. е. иероглифов), в идеографическом, не звуковом характере которых он был убежден. Ср. выше, стр. 132—134.

[18] В энхорической и в иероглифической (состоящей из „священных“ знаков) надписях Розеттского камня.

[19] Т. е. демотические знаки.

[20] Т. е. с теми демотическими знаками, которые сохранили сходство с их прообразами — иероглифами или „священными“ знаками.

[21] Юнг имеет в виду язык демотической надписи Розеттского камня.

[22] Об Окербладе см. выше, стр. 244, прим. [6].

[23[Каждый китайский иероглиф передает один слог и, как правило, выражает то или иное понятие. Для написания иностранных собственных имен китайцы применяют сочетания из этих односложных иероглифов, используя звуковое значение последних и отнюдь не деформируя ни одного из входящих в сложное собственное имя иероглифов.

[24] Упоминаемые здесь папирусы выполнены одним из видов египетской скорописи, известным в науке под названием иератического; Юнг неправильно применяет этот термин к так называемым линейным иероглифам. См. выше, стр. 243, прим. [1].

[25] Т. е. демотической надписи Розеттского камня.

[26] В действительности иероглифы, о которых говорит здесь Юнг, — это линейные иероглифы. См. прим. [24].

[27| Т. е. рукописей, содержащих тексты, выполненные иератическим письмом, и рукописей с линейными иероглифами.

[28] Юнг имеет в виду свое письмо к Окербладу от 12 августа 1816 г., опубликованное в той части седьмого тома Museum Criticum, которая была напечатана в 1816 г. (полностью седьмой том указанного журнала был напечатан в 1821 г., см.: Young, Misc. Works, III, стр. 74, прим.*). — Первая попытка установить генетическую связь между египетскими иероглифами и скорописными иератическими знаками — на основании сопоставления рисунков, сопровождающих иероглифический („линейный“) и иератические тексты папирусов (опубликованных в „Описании Египта“), с иероглифическими и скорописными знаками этих же папирусов — принадлежит Жомару. См. „Описание Египта“, текст, т. I, 1809, стр. 373 сл. (= т. 3 второго издания, стр. 143 сл.) и стр. 127 сл. настоящей книги.

[29] В качестве таких образчиков Юнг приводит взятые из трех различных папирусов три идущие справа налево строки одинакового содержания, расположенные одна под другой. Верхняя строка написана линейными иероглифами, вторая и третья — иератической скорописью. Фиг. 2 на стр. 87 настоящей книги воспроизводит указанные три строки в частях, передающих имена древнеегипетских божеств Осириса, Исиды и Нефтиды.

[30] Священные знаки — иероглифы. См. выше, стр. 266, прим. [12].

[31] Т. е. через так наз. линейное письмо. См. выше, стр. 267, прим. [24] и [26].

[32] Т. е. к демотическому письму. — Выражение „эпистолографические (от греч. ἐπιστολή — „поручение", „приказ", „письмо" и γράφω — „пишу") письмена" (ἐπιστολογραφικὰ γράμματα) применено к египетским скорописным знакам, известным в современной египтологии под названием демотических (см. выше, стр. 244, прим. [2]), Климентом Александрийским (Строматы V, IV, 20—21).

[33] В каждом из этих английских выражений второе слово совпадает по своему значению (частично или полностью) с первым: *yew* означает „тисовое дерево", *tree* — „дерево", слово *ewe* означает „овца", то же значение имеет и слово *sheep;* слово *you* означает „вы", слово your*self* означает „вы сами". *Yew, ewe, you* и буква *u* в современном английском языке произносятся одинаково.

[34] Юнг имеет в виду форму скорописных знаков средней, демотической, надписи Розеттского камня, сильно отличающихся по своему начертанию от менее курсивных знаков иератических папирусов, о которых шла речь выше (см. стр. 267, прим. [24]).

[35] Денон (Dominique Vivant Denon, 1747—1825), французский дипломат, гравер и художник. При Людовике XV был членом французского посольства в Петербурге. Участник египетского похода Наполеона. Сопровождал в качестве художника генерала Дезэ во время кампании по завоеванию Верхнего Египта. После возвращения в Париж опубликовал выдержавший несколько изданий труд: Voyage dans la basse et la haute Égypte. Первое издание вышло в Париже в 1802 г. в двух томах (I том содержит текст, II — таблицы).

[36] Речь идет о сильно поврежденной верхней, иероглифической, надписи Розеттского камня.

2. Анализ имени Птолемей

[1] Картуш передает греческое имя Птолемей (Πτολεμαῖος, *Ptolemaios*)

p o l i s

в форме *Ptolmis*: (или *Ptolmais*). Рядом с карту-

t m

шем — демотическое написание этого имени. Из семи иероглифов, составляющих имя Птолемея, Юнг совершенно правильно определил фонетическое значение трех: □ *p*, ⌂ *t*, 𓇌 *i*. Правильный анализ этого имени

в целом дан впервые Шампольоном в „Письме к г-ну Дасье“. См. выше, стр. 14—15.

[2] Примета, о которой говорит здесь Юнг, — обрамление овальной или прямоугольной формы — указывает не на превращение китайских идеографических знаков в знаки фонетические, как полагает английский ученый, а на то обстоятельство, что вписанные в такое обрамление китайские иероглифы передают имя автора литературного произведения и название этого произведения. См. выше, стр. 111.

[3] Юнг имеет в виду иероглиф (картуш), так называемый картуш. См. выше, стр. 246, прим. [21].

[4] Т. е. демотическое имя. К термину энхорический см. выше, стр. 265, прим. [3].

[5] К термину эпистолографический см. выше, стр. 268, прим. [32].

[6] Т. е. в иероглифическом письме. См. выше, стр. 266, прим. [12].

[7] Иероглиф □, в действительности изображает тростниковую цыновку.

[8] Иероглиф ⌓, изображает хлеб.

[9] Иначе говоря, Юнг устанавливает соответствие между первыми двумя знаками (□ и ⌓) иероглифического имени Птолемея и между энхорическими (т. е. демотическими) знаками, для которых Окербдад установил фонетические значения *p* и *t*.

[10] Юнг имеет в виду демотическое написание имени Птолемея, приведенное выше в начале стр. 90, рядом с иероглифическим картушем этого царя.

[11] Шампольон, в „Очерке иероглифической системы“, стр. 23—24, справедливо указывает, что иероглиф 𓎛, о котором здесь идет речь, изображающий лассо и переданный Юнгом не совсем точно, опущен в имени Птолемея на Розеттском камне ошибочно и притом всего один раз (в 14-й строке иероглифической надписи) и что демотический (по терминологии Юнга — энхорический) знак, соответствующий указанному иероглифу, всегда присутствует в демотическом написании того же имени. Английский ученый неправильно счел этот демотический знак за часть предшествующего знака — демотического соответствия иероглифа льва. См. следующее примечание.

[12] В действительности вертикальная линия является демотическим соответствием иероглифа 𓎛, передающего в имени Птолемей звук *o*. „Лев“ передает в том же имени только один звук *l*. См.: Шампольон. Очерк иероглифической системы, стр. 24—25.

[13] „Баран“ по-коптски — ⲟⲉⲓⲗⲉ: ⲱⲓⲗⲓ.

[14] „Олень“ по-коптски — ⲉⲓⲟⲩⲗ, ⲉⲓⲉⲟⲩⲗ.

[15] Иероглиф ⸦ передает в имени Птолемей звук *m;* с „местом“ не связан.

[16] См. выше, стр. 247, прим. [26].

[17] Иероглиф ⸦, о котором говорит здесь Юнг и который изображает кусок сложенной материи, значения „большой“ не имеет; передает звук *s*.

[18] Юнг имеет в виду коптскую букву ϣ *(šai)*.

[19] В действительности иероглифическое имя Птолемей имеет форму *Ptolmis* (см. прим. [1]).

3. Анализ имени Береника

[1] Картуш передает греческое имя Береника (Βερενίκη, *Berenikē*) в форме *Brnikē*: (b r n i k ē). Рядом с картушем — демотическое написание этого имени. Юнг правильно определил алфавитное значение двух иероглифов, входящих в состав имени египетской царицы: *n* и *i*. К иероглифу *(ē)* см. ниже, прим. [16]. Критический разбор анализа иероглифического имени Береника, приведенного дальше Юнгом, дан Шампольоном в „Очерке иероглифической системы“ (стр. 30—32 второго издания этого труда).

[2] См. выше, стр. 245, прим. [10].

[3] Птолемей II Филадельф (285—246 гг. до н. э.).

[4] Уорбертон (William Warburton, 1698—1779), английский протестантский епископ, автор исследования (Divine Legation of Moses...), часть которого посвящена древнеегипетскому письму. См. выше, стр. 106 сл.

[5] Бибан-эль-Молук — арабское название („Царские врата“) расположенной на западном берегу Нила, недалеко от столицы древнего Египта — Фив, горной долины, в скалах которой высечены гробницы фараонов.

[6] Description de l'Égypte. Об этом труде см. выше, стр. 126 сл.

[7] Panier à anses (франц.) — „корзина с ручками“. В действительности первый иероглиф имени Береника изображает чашу для воскурений, из которой поднимается дым. — См. выше, стр. 20, прим. 2.

[8] Иероглиф ⬭, изображает рот.

[9] Английский предлог *to* имеет значения: на, к, в, до, для, чтобы, и др.

[10] Иероглиф ⬭ в действительности передает в имени Береника звук *r*. Ср. ниже, стр. 271, прим. [1].

[11] Иероглиф ∿∿∿, изображает воду.

[12] Английский предлог *of* означает: от, о, об, и др.

[13] См. выше, стр. 248, прим. [38].

[14] См. выше, стр. 247, прим. [26].

[15] Иероглиф , неверно воспроизведенный в „Описании Египта“. В имени Береника передает звук *k*. Ср. выше, стр. 249, прим. [51] и стр. 256, прим. [121].

[16] Пятый иероглиф в картуше Береники следует читать не (гусь или, как полагают современные ученые, утка), а (коршун); передает в этом имени звук *ĕ*. Ср. выше, стр. 248, прим. [49].

[17] См. выше, стр. 254, прим. [92].

[18] В действительности имя Береника, переданное иероглифами, имеет форму *Brnikē*, см. стр. 270, прим. [1].

4. Фонетические иероглифы

[1] В приведенной таблице звуковых иероглифов (стр. 93), составленной Юнгом и снабженной им заголовком „Звуки?“, правильные алфавитные значения даны пяти знакам: ı *(i)*, ⲛ *(n)*, □ ⲡ *(p)*, ϥ (коптская буква для звука *f*) и ⲧ *(t)*. Иероглифы и , которым Юнг приписывает слоговые значения ⲃⲓⲣ *(bir)* и ⲟϣ *(oš)* или ⲟⲥ *(os)*, в действительности передают, соответственно, только согласные ⲃ *(b)* и ⲥ *(s)*. Из двух фонетических значений, приписываемых Юнгом иероглифу , ⲙ *(m)* и ⲙⲁ *(ma)*, правильно первое *(m)*. Иероглиф в имени Птолемей, как и в других греко-римских именах, передает согласный ⲗ *(l)*, а не двуслог ⲟⲗⲉ *(ole)*. Иероглиф , передававший в египетских текстах определенной эпохи краткую гласную *ĕ* (что, впрочем, еще не было известно Юнгу), в имени Береника (и в других греко-римских именах) употреблялся не для передачи звука ⲉ *(ĕ)*, как полагает Юнг а в своем первоначальном значении ⲣ *(r)*.

Иероглифам , и Юнг дает совершенно неправильные фонетические значения.

Группа , занимающая в таблице первое место, взята Юнгом из демотического имени Береники; имеет фонетическое значение ⲃⲣ *(br)* и состоит из двух самостоятельных демотических алфавитных знаков.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите (Письмо к г. Дасье, непременному секретарю королевской Академии надписей и изящной словесности, относительно алфавита фонетических иероглифов, применявшихся египтянами для написания на их памятниках титулов, имен и прозваний греческих и римских государей) 9

Приложения

Ж.-Ф. Шампольон. Вступительная речь к курсу археологии 53
Т. Юнг. Отрывки из статьи „Египет“ 81
Анализ тройной Розеттской надписи 81
Анализ имени Птолемей 90
Анализ имени Береника 92
Фонетические иероглифы 93
Послесловие редактора—*В. В. Струве* 94
И. Г. Лившиц. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном . 98

Комментарии:

К статье Ж.-Ф. Шампольона „О египетском иероглифическом алфавите“ 242
К статье Ж.-Ф. Шампольона „Вступительная речь к курсу археологии“ 261
К отрывкам из статьи Т. Юнга „Египет“ 265

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *В. А. Браиловский.* Технический редактор *Р. А. Аронс.*
Корректоры *Л. А. Ратнер* и *Л. С. Халиманович.*

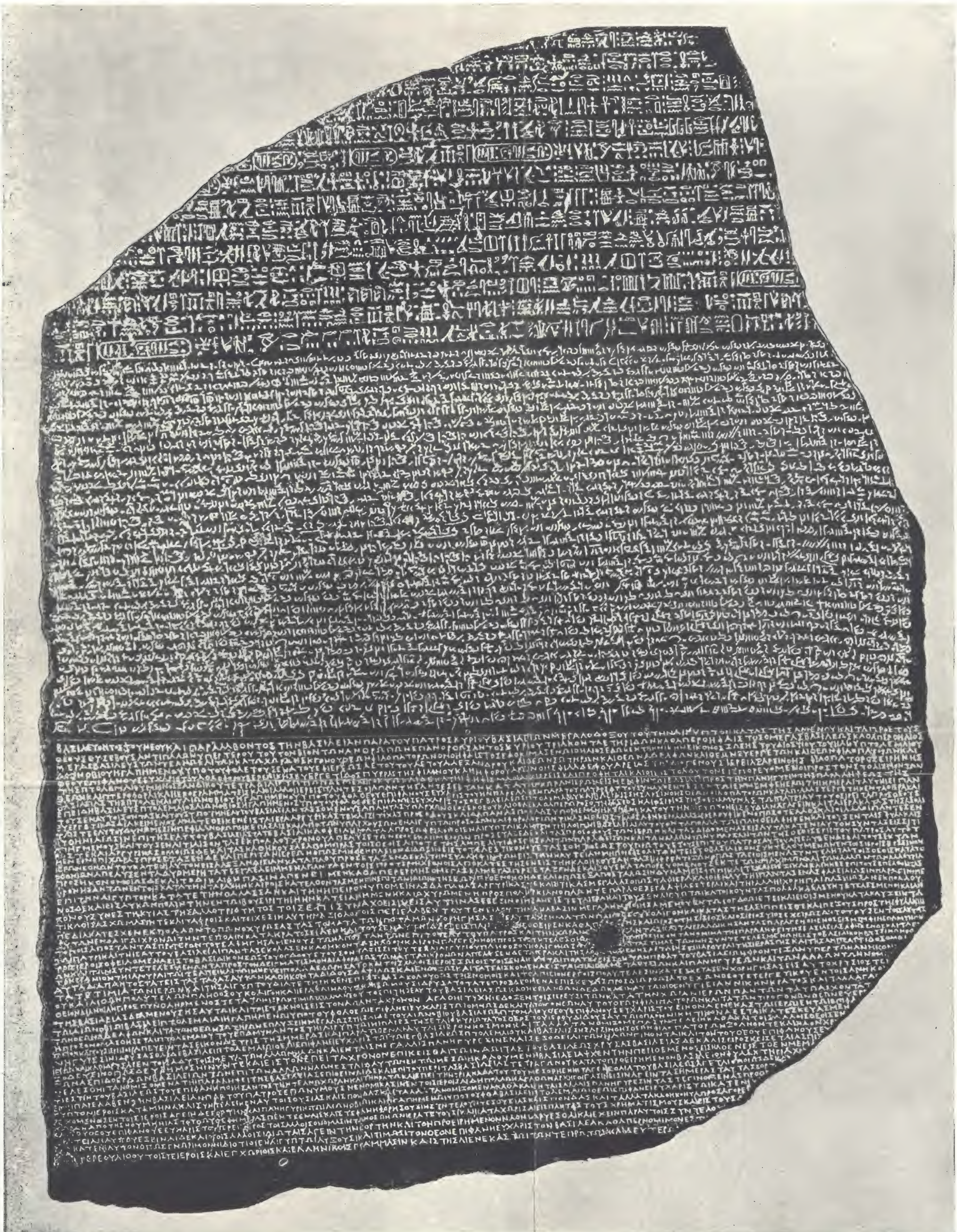
РИСО АН СССР № 4098. Подписано к печати 4/IV 1950 г. М.-12833.
Печ. листов 19,89+13 вклеек. Бумага 70×92/16. Бум. листов 8,5
Учетно-изд. л. 15,5. Тираж 5000. Цена в перепл. 15 руб. Заказ 1600.

1-я тип. Изд. АН СССР, Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.

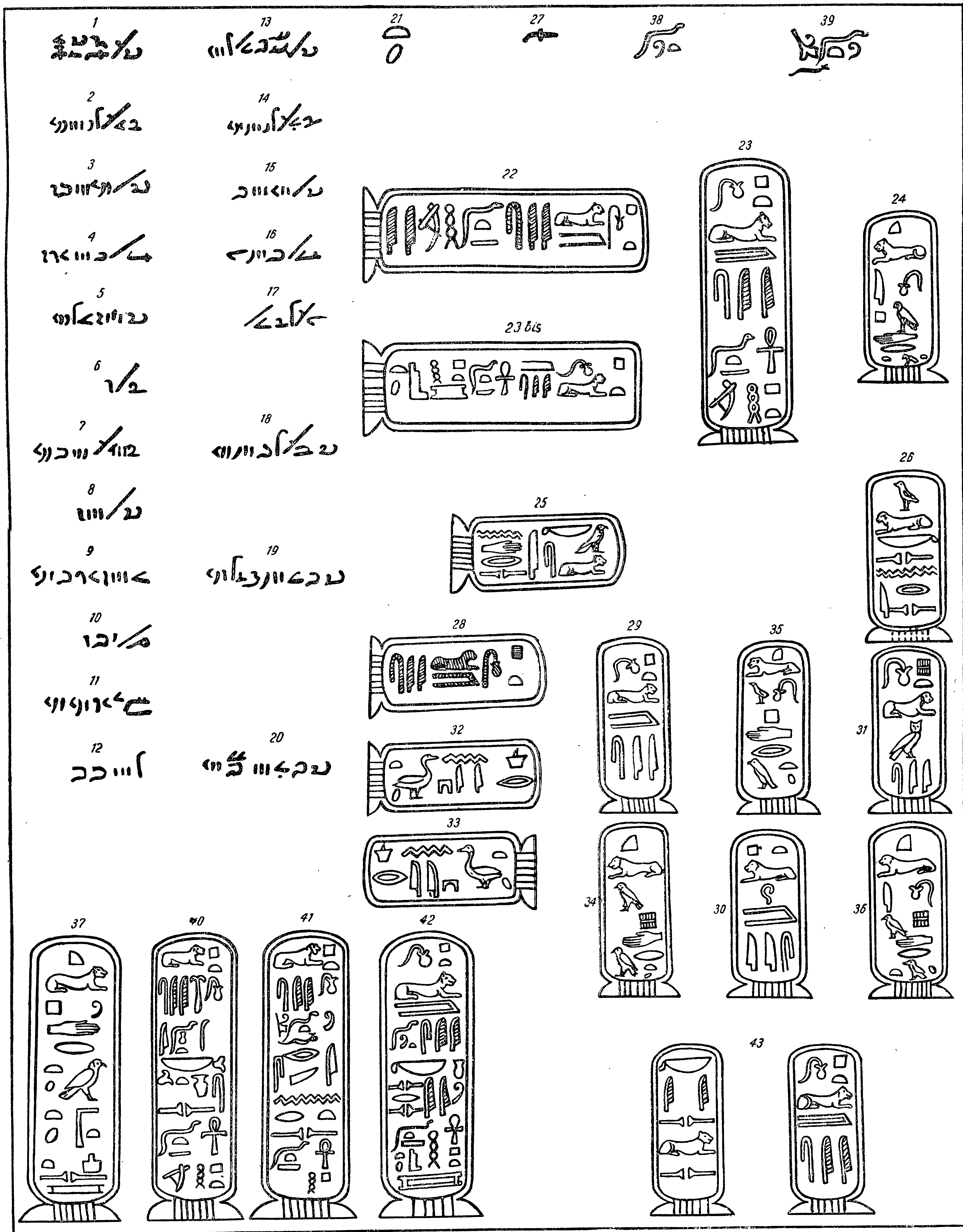
ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

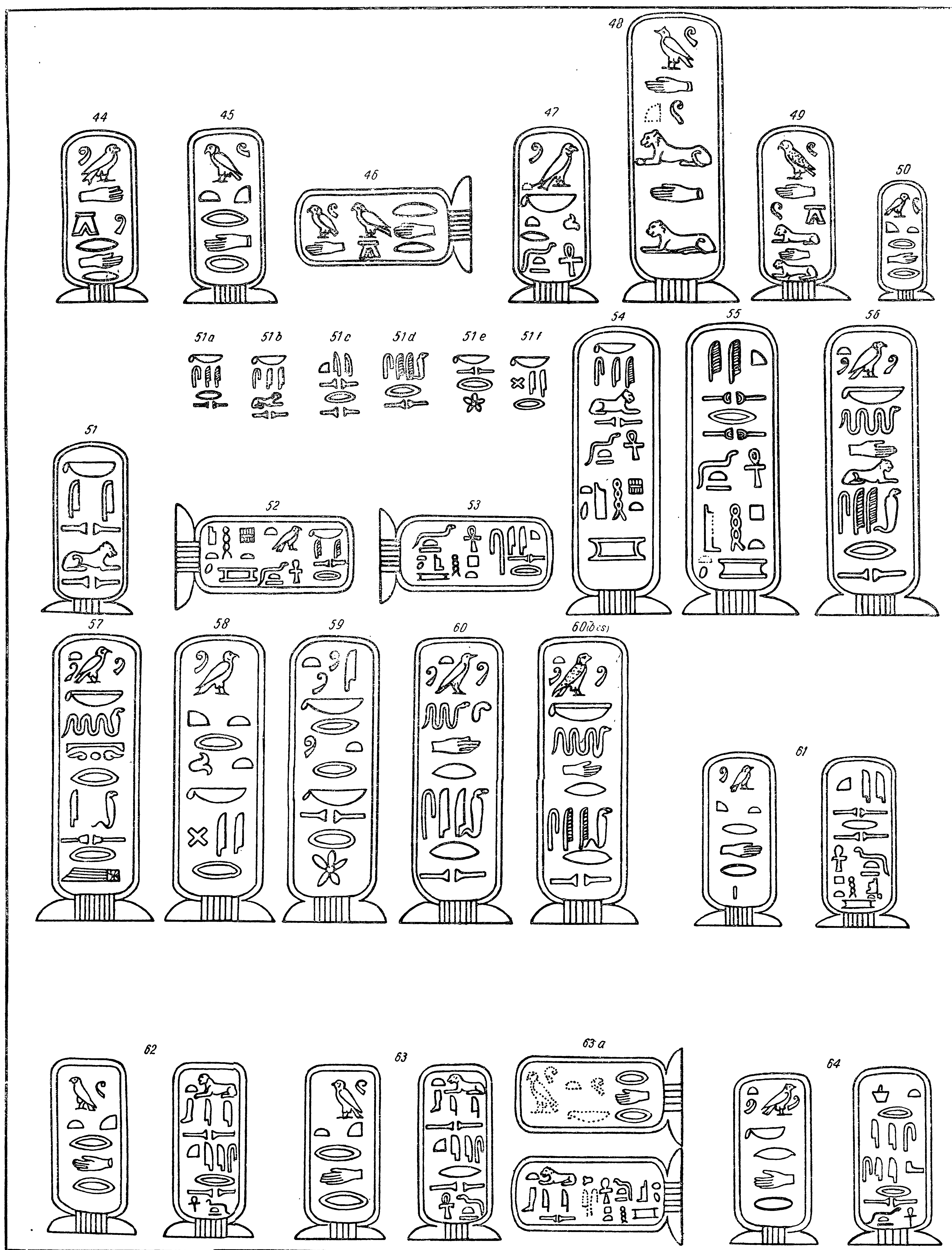
Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
32	9 снизу	в *Монте-Пинчио*	на *Монте-Пинчио*
91	7 сверху	имен божества	имен божеств
117	2 снизу	иероглифическую и демотическую части	иероглифическую часть
202	13 сверху	Оттона и Виттелия	Отона и Вителлия
203	12 »	A	A
204	1 снизу	другим византийским	другим, византийским,
	3 »	византийским	раннехристианским
213	12 »	Что касается знаков	Что касается языков
225	11 »	38-й династии Тутмасом	18-й династии Тутмосом
243	4 »	I в. н. э.	II—III в. н. э.
247	9 »	коршуна	кобчика
254	8 сверху	ψχὲντ	ψχέντ

Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите.

Розеттский камень.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
23 bis
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43

44
45
46
47
48
49
50
51a
51b
51c
51d
51e
51f
54
55
56
51
52
53
57
58
59
60
60(bis)
61
62
63
63a
64

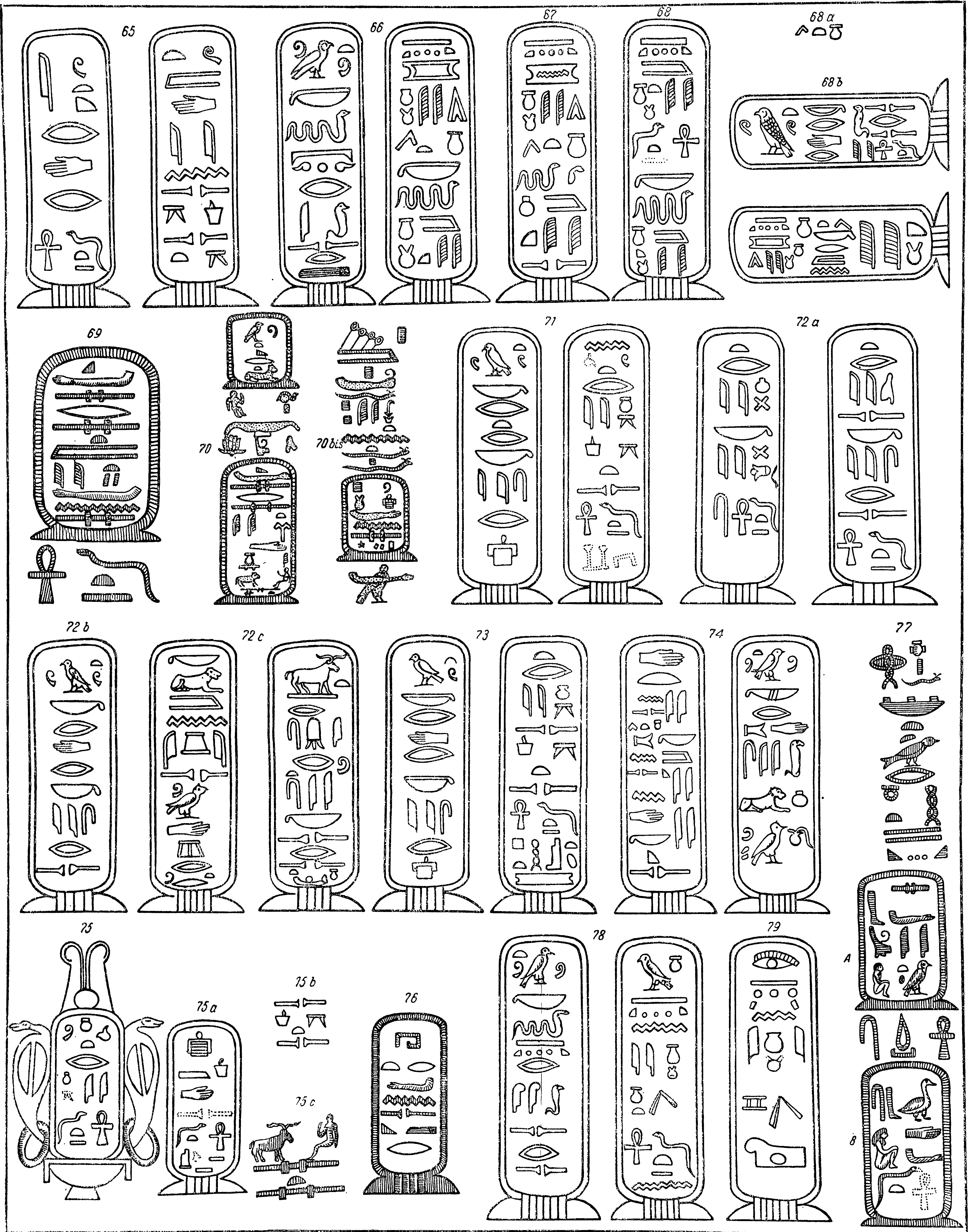

65
66
67
68
68 a
68 b
69
70
70 bis
71
72 a
72 b
72 c
73
74
77
A
75
75 a
75 b
75 c
76
78
79
B

ТАБЛИЦА ЕГИПЕТСКИХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ГРЕЧЕСКИХ И РИМСКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Греческие буквы	Демотические знаки	Иероглифические знаки
Α		
Β		
Γ		
Δ		
Ε		
Ζ		
Θ		
Η		
Ι		
Κ		
Λ		
Μ		
Ν		
Ξ		
Ο		
Π		
Ρ		
Σ		
Σ		
Τ		
Υ		
Φ		
Χ		
Ψ		
Ω		
ΤΟ –		

LETTRE
A M. DACIER,

SECRÉTAIRE PERPÉTUEL DE L'ACADÉMIE ROYALE
DES INSCRIPTIONS ET BELLES-LETTRES,

RELATIVE A L'ALPHABET

DES HIÉROGLYPHES PHONÉTIQUES

EMPLOYÉS PAR LES ÉGYPTIENS POUR INSCRIRE SUR LEURS MONUMENTS
LES TITRES, LES NOMS ET LES SURNOMS DES SOUVERAINS GRECS ET
ROMAINS;

PAR M. CHAMPOLLION LE JEUNE.

A PARIS,
CHEZ FIRMIN DIDOT PÈRE ET FILS,
LIBRAIRES, RUE JACOB, N° 24.

M. DCCC. XXII.

Титульный лист первого издания „Письма к г. Дасье“ (1822 г.).

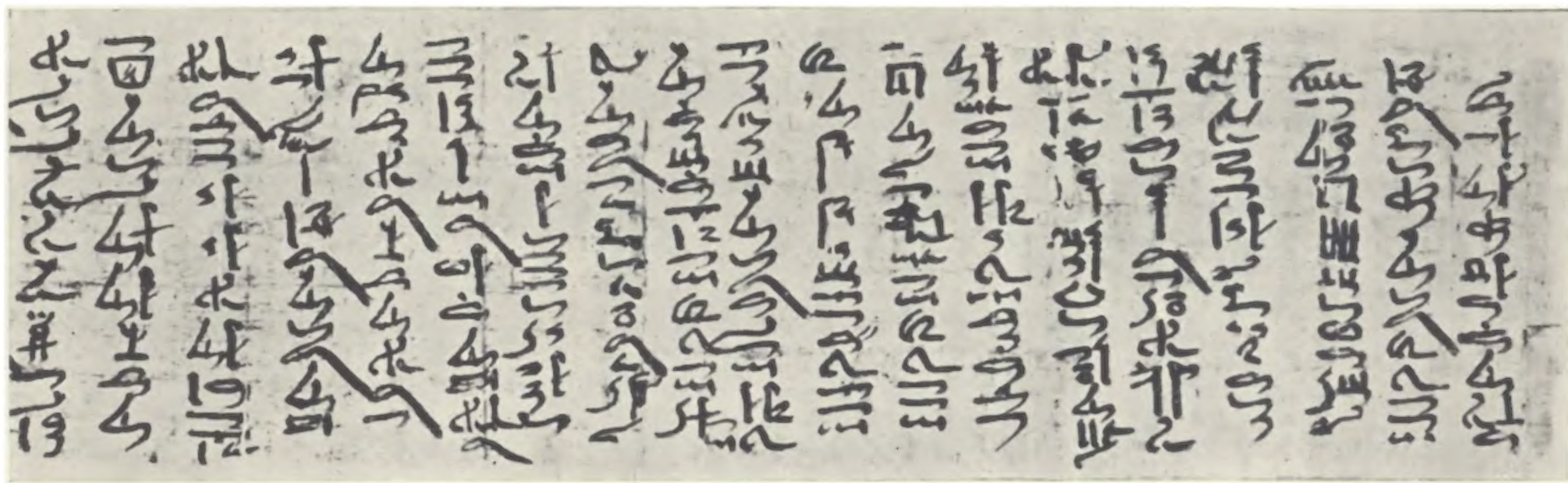
Фрагмент иероглифической надписи (Государственный Эрмитаж). Публикуется впервые.

Фрагмент папируса, содержащего текст, написанный линейными иероглифами (Государственный Эрмитаж). Публикуется впервые.

Ж.-Ф. Шампольон
(1790—1832)

Начальные строки иератического папируса, содержащего „Сказку о потерпевшем кораблекрушение“

(Государственный Эрмитаж).

Страница демотического папируса (Государственный Эрмитаж). Публикуется впервые.

М. Н. Воробьев. Набережная Невы у Академии Художеств (1834 г.). Масло.
Государственный Русский Музей (Ленинград).

Коптский алфавит в армянской рукописи XV в.